ВЕСТНИК

3
2014

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2014

УДК 800
ISSN 1992-6375

3.2014

Издается с 2002 г.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М.А. Шолохова

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007 от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:
109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgopu.ru
Подписной индекс **36733** в основном каталоге Роспечати

Редакционная коллегия
Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор,*
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора,*
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь,*
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgopu.ru

© Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2014.

Содержание №3 I 2014

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дубова М.А., Чернова Л.А.
Диалог как средство реализации оппозиции «цивилизация – человек» (по повести А.И. Куприна «Молох»). 5

Лебедев И.В.
Жанр фэнтези и авантюрно-приключенческая литература. 14

Строганова И.А.
«Пути небесные» И.С. Шмелева: жанровый и стилевой синтез 20

ЛИНГВИСТИКА

Балкова Л.В.
Язык как особая форма отражения и познания определенности 28

Гращенков П.В.
К эволюции нефинитных форм глагола 34

Дорохина М.Н.
К вопросу о категории предельности 54

Занозина В.В.
Спортивный комментарий как элемент акта коммуникации. 62

Киракосян М.Б.
Лингвистические аспекты композиции судебной речи. 65

Ли Чуньли
Межъязыковые фразеологические эквиваленты, описывающие характер человека, в русском и китайском языках . . .69

Манучарян Р.С.
Сложные прилагательные в произведениях М.А. Шолохова 75

Туркулец И.А.
Отражение социальных и гендерных отношений в языке художественных текстов М.А. Шолохова: на примере лексем с корнями *-муж-* и *-жен-* 82

Sideltsev A.
Verb Adjacent Focus in Hittite 86

МЕТОДИКА

Воителева Т.М.
Культуроведческий подход к обучению русскому языку как способ формирования ценностных ориентаций школьников 98

Герасименко Т.Л., Гулая Т.М., Зенина Л.В., Романова С.А.
Особенности перевода безэквивалентной экономической лексики и аббревиатур делового английского языка 103

Летин А.И.
Дидактические свойства и функции интерактивных методов обучения и воспитания в развитии поликультурных умений школьников при обучении иностранному языку 108

Трофимова Н.А.
Методика формирования навыков интерпретации художественного текста у студентов-бакалавров 114

НАШИ АВТОРЫ 118

CONTENTS 120

М.А. Дубова, Л.А. Чернова

Диалог как средство реализации оппозиции «цивилизация – человек» (по повести А.И. Куприна «Молох»)

На примере диалогов центрального героя повести А. И. Куприна «Молох» Андрея Ильича Боброва с доктором Гольдбергом выявляется влияние цивилизации на психику и сознание главного героя, на формирование его мировоззрения, жизненной позиции и взаимоотношений с окружающими людьми. Объектом изучения в статье являются также языковые средства, организующие реплики участников диалога и играющие важную роль в реализации идейно-художественного содержания произведения.
Ключевые слова: диалог, лексико-семантический аспект, стилистическая роль, речевое поведение, культурема «цивилизация – человек», инженер Бобров, доктор Гольдберг, образ постороннего, Молох.

Повесть А.И. Куприна «Молох», написанная в период рубежа XIX–XX вв., осмысливает в традициях реалистического художественного метода судьбу отдельного человека в эпоху капитализма. Актуальность этой темы обусловлена серьезными переменами, происходящими в российской действительности в связи с утверждением капиталистического строя и расширением капиталистического производства. Невольно вспоминаются строки из поэмы А.А. Блока «Возмездие», метафорически точно передающие трагедию порубежной жизни:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный,
Беспечный брошен человек...

С тобой пришли чуме на смену
Неврастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену... [1, с. 297–298].

Выразительные эпитеты акцентируют трагическую оппозицию «цивилизация – человек», ставшую одной из центральных культурем эпохи: «железный», «жестокий» век противостоит «безвольному» человеку. Таким «безвольным» предстает герой повести А.И. Куприна Андрей Ильич Бобров, главный инженер завода, продолжающий галерею «маленьких людей» в русской классической литературе. Проблема противостояния Боброва капиталистическому миропорядку кроется уже в названии повести. Молох – древнее финикийское божество, идол, требующий в качестве жертвоприношения свежей, еще теплой человеческой крови – символизирует в произведении капиталистический миропорядок. Противостояние ему заранее обречено на провал. И, тем не менее, автор пытается изобразить бунт одинокого, слабого человека против буржуазной цивилизации.

Образ Боброва раскрывается с помощью авторского описания, монологов, внутренней речи самого героя и его диалогов с другими персонажами повести, среди которых, безусловно, наиболее значимыми являются диалоги с доктором Гольдбергом.

На наш взгляд, именно диалоги играют важнейшую роль в раскрытии образа инженера Боброва, благодаря их лексико-семантической и стилистической специфике. Диалог, в силу его композиционного строения, позволяет охарактеризовать позицию героя по тому или иному вопросу не только из его слов, но и из ответных реплик собеседника, а также авторских комментариев поведения героя во время диалога.

Композиционно повесть состоит из 11 глав. С позиций тематического содержания и их роли в общем развитии сюжета произведения все они целенаправленно, логично и последовательно служат раскрытию единого авторского замысла – показать обреченность вызова инженера Боброва.

Уже первая глава повести знакомит нас с главным героем, который, согласно авторскому описанию, особенно плохо себя чувствовал в изображаемый момент: *Причиной этому, без сомнения, было нравственное и физическое переутомление, а также давняя привычка к подкожным впрыскиваниям морфия, – привычка, с которой Бобров на днях начал упорную борьбу* [2, с. 19]. Однако, как становится известно из этой же главы, физическая немощь Боброва имеет более глубокие причины: *Но всего больнее действовал на него тот внутренний душевный разлад, который он примечал в себе с недавнего времени. Товарищи Боброва, инженеры, глядевшие на жизнь с самой несложной, веселой и практической точки зрения, наверно, осмеяли бы то, что причиняло ему столько тайных страданий, и, уж во всяком случае, не поняли бы его. С каждым днем в нем все больше и больше нарастало отвращение, почти ужас к*

службе на заводе [2, с. 20]. Заданные в этой главе лейтмотивные направления характеристики образа героя будут углубляться, наполняться дополнительным содержанием по ходу всего произведения.

Основная мысль – *Его нежная, почти женственная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности, с ее будничными, но суровыми нуждами. Он сам себя сравнивал в этом отношении с человеком, с которого заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замеченные другими, причиняли ему глубокие и долгие огорчения* [Там же] – получит развитие в дальнейших главах повести, конкретизируясь и наполняясь содержанием преимущественно в диалогах с Гольдбергом, пожалуй, единственным близким Боброву по духу человеком, с которым читатель знакомится в 5-й главе повести. Роль доктора в жизни Боброва и его отношение к Гольдбергу определяются автором с начала этой главы: *В теперешнем настроении Боброва доктор Гольдберг был единственным человеком, присутствие которого он мог перенести без болезненного раздражения. Он любил искренно этого беспечного, кроткого еврея за его разносторонний ум, юношескую живость характера и добродушную страсть к спорам отвлеченного свойства. Какой бы вопрос ни затрагивал Бобров, доктор Гольдберг возражал ему с одинаковым интересом к делу и с неизменной горячностью. И хотя между обоими в их бесконечных спорах до сих пор возникали только противоречия, тем не менее они скучали друг без друга и виделись чуть не ежедневно* [2, с. 38].

Уже в первом описании доктора четко определяются те черты его характера, за которые его «искренно любит герой»: *разносторонний ум, юношеская живость характера* и *добродушная страсть к спорам отвлеченного свойства.* Гольдберг в определенной степени антагонист Боброва, противостоящий ему во всех спорах. Тем не менее, именно ему он доверяет свои самые сокровенные мысли. Безусловно, роль доктора здесь символична – он врачует не только тело Боброва (избавляет его от привычки к впрыскиваниям морфия), но и лечит его душу, что для героя гораздо важнее. Доктор искренне сочувствует Боброву в его беспокойном бытии, пытается смягчить его настроение и состояние посредством ласковых обращений: *голубчик, голубчик вы мой, дорогой мой, голубушка, милочка, голубушка моя, милый мой, государь мой.* Доктор искренен в своих оценках Боброва и в процессе диалога с ним, и даже наедине с самим собой. Об этом свидетельствуют пояснения к речевым и мыслительным действиям доктора: *думал он, охваченный одновременно жалостью и страхом, сказал с участием* и др. Слова Гольдберга, обращенные к Боброву, характеризуются автором как *простые, участливые, ласковые, успокоительные.*

Предметом спора оппонентов являются реальные плоды цивилизации. Бобров воинственно настроен против них, поэтому его речевое поведение представлено глаголами энергичного действия (*ходил из угла в угол, кричал, щелкал хлыстом* и др.); Гольдберг видит пользу в них, соответственно его голос *веселый, добродушный*, он по-доброму подшучивает над приятелем, чтобы отвлечь от безрассудных мыслей (взорвать ненавистный заводской котел, убить подлого Квашнина, убить себя).

И первая же тема их разговора задается Бобровым:

– Ну, как попрыгиваете, государь мой, Андрей Ильич? У-у, да какой же вы сердитый? Что? Опять веселая меланхолия?

– Ах, доктор, скверно на свете жить, – сказал устало Бобров.

– Отчего же так, голубчик?

– Да так… вообще... всё скверно… [2, с. 39].

Зная склонность «нервной» натуры Боброва к негативным оценкам и обобщениям, доктор пытается отвлечь Боброва или же хотя бы перевести разговор в более позитивное русло. И у него получается по-хорошему разговорить Боброва:

– Ну, что вы, голубчик? Ну, что терзаетесь? Уж говорите лучше прямо, что такое там в вас засело? Всё легче будет. Чай, все-таки не чужой я вам человек, не из праздного любопытства спрашиваю.

Эти простые слова тронули Боброва… [Там же, с. 40–41].

Несмотря на нерасположенность Боброва к разговору, на участливые слова Гольдберга он отвечает: *Все мне тяжело и гадко, Осип Осипович… Первое, мне гадко то, что я служу на заводе и получаю за это большие деньги, а мне это заводское дело противно и противно! Я считаю себя честным человеком…* [Там же].

Таким образом, краткие прилагательные в функции составного именного сказуемого при оценке душевного состояния героя образуют один семантический ряд по принципу градации: *скверно – тяжело – гадко – противно.*

Пребывая в состоянии нервного перенапряжения, герой не может успокоиться, ему требуется дальнейшее «сражение», и он вспоминает недавний спор с доктором по поводу его теории о том, что «инженеры и изобретатели своими открытиями ускоряют пульс общественной жизни» [2, с. 41]. Бобров в корне не согласен с этим утверждением Гольдберга. Более того, оно возмущает его и приводит в неистовство своей ошибочностью. Бобров разбивает утверждение о том, что его труд приносит пользу: *Двое суток работы пожирают целого человека. Черт возьми, Вы помните из Библии, что какие-то там ассирияне или моавитяне приносили своим богам человеческие жертвы? Но ведь эти медные господа, Молох*

и Дагон, покраснели бы от стыда и от обиды перед теми цифрами, что я сейчас привел. <…> …с точностью можете вычислить, во сколько человеческих жизней обойдется каждый шаг вперед вашей дьявольской колесницы, каждое изобретение какой-нибудь поганой веялки, сеялки или рельсопрокатки? Хороша, нечего сказать, ваша цивилизация, если ее плоды исчисляются цифрами, где в виде единиц стоит железная машина, а в виде нулей – целый ряд человеческих существований! [2, с. 44].

Диалогическая речь Боброва энергична, образна, красочна, насыщена метафорическими средствами (*медные господа Молох и Дагон, шаг дьявольской колесницы, Молох, требующий теплой человеческой крови,* и др.), бытийно-указательными и восклицательными предложениями, вводными конструкциями и невербальными средствами, которые используются для подтверждения выражаемой мысли и оценки обсуждаемого положения дел.

– Черт возьми, вы меня ошеломили, – отозвался с дивана доктор. – Хотя цифры могут быть и не совсем точными... [Там же].

Однако, как человек уравновешенный и разумный, он пытается найти и положительные моменты в развитии цивилизации: *Но, послушайте, голубчик вы мой, – возразил доктор, сбитый с толку пылкостью Боброва, – тогда, по вашему, лучше будет возвратиться к первобытному труду, что ли? Зачем вы все черные стороны берете? Ведь вот у нас, несмотря на вашу математику, и школа есть при заводе, и церковь, и больница хорошая, и общество дешевого кредита для рабочих…* [Там же].

Боброву свойственно сгущать краски и он уже не может остановиться и доходит до символических обобщений:

– Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови! – кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку. – О, конечно, здесь прогресс, машинный труд, успехи культуры... Но подумайте же, ради Бога, – двадцать лет! Двадцать лет человеческой жизни в сутки!.. Клянусь вам, – бывают минуты, когда я чувствую себя убийцей!..

«Господи! Да ведь он – сумасшедший», – подумал доктор, у которого по спине забегали мурашки, и он принялся успокаивать Боброва…<…> «Маниак, совершенный маниак», – думал он, охваченный одновременно жалостью и страхом [2, с. 47].

К этой мысли Гольдберг будет еще возвращаться в ходе всей повести, тем более что происходящие события подтверждают нестабильное психическое состояние героя. Об этом свидетельствует следующий пример в ситуации после диалога, который Бобров накануне провел на пределе своих душевных сил: *Бобров слабо сопротивлялся, обессиленный только что минувшей вспышкой. Но когда он лег в постель, то внезапно разразился*

истерическими рыданиями. И доктор долго сидел возле него, гладя его по голове, как ребенка, и говоря ему первые попавшиеся ласковые, успокоительные слова [2, с. 48].

Гольдберг искренне жалеет Боброва, видит в нем светлую, неиспорченную душу, но, к сожалению, не может отвести его мысли от вечных вопросов бытия, которые внутренне разрушают героя, ведут его к неминуемой драме, трагическому финалу.

Следующий диалог героев происходит в 7-ой главе. Он как бы продолжает прерванный в 5-ой главе спор все о том же – о смысле существования, о Молохе, бессердечно пожирающем человеческие жизни:

– Что, коллега, смотрите, как вашего Молоха упитывают? – услышал Бобров за своей спиной веселый, добродушный голос.

Андрей Ильич задрожал и чуть-чуть не полетел в кочегарную яму. Его поразило, почти потрясло это неожиданное соответствие шутливого восклицания доктора с его собственными мыслями…

– Я вас, кажется, напугал, дорогой мой? – спросил доктор, заглянув в лицо Боброва… – Вот так преисподняя! – воскликнул он, заглянув вниз. <…> А как такая штучка вздумает того... лопнуть? Эффектное выйдет зрелище? А?

– Очень эффектное, доктор. Наверно, от всех этих зданий не останется камня на камне...

Гольдберг покачал головой и многозначительно свистнул…

– Так что это можно сделать нарочно?

– Сколько угодно... Не хотите ли попробовать? Когда вода совсем упадет в водомере, нужно только повернуть вентиль… видите, маленький круглый рычажок... И всё тут.

Бобров шутил, но голос его был странно серьезен, а глаза смотрели сурово и печально. «Черт его знает, – подумал доктор. – Милый он человек, а все-таки психопат…» [2, с. 64–65].

По мере развития сюжета повести противостояние Боброва и окружающей его действительности усугубляется, приобретая все более драматический характер.

Следующий диалог Боброва с Гольдбергом (10-я глава) происходит уже после трагического объяснения героя с Ниной, которая «сумела себя продать» и теперь признается Боброву в том, что это была не ее воля, а решение семьи. Ее предательство служит последней каплей, окончательно разрушившей хрупкое душевное равновесие героя и завершившей его падение.

Этот диалог происходит за столом на пикнике, устроенном Квашниным, где и сообщается о помолвке Нины Зиненко и инженера Свежевско-

го. Все, что здесь происходит, воспринимается Бобровым через силу, как бы оторванно от сознания. И он снова повторит реплики первого диалога с доктором: *Тяжело мне, доктор, гадко мне, – ответил тихо Бобров, машинально, однако, следуя за увлекавшим его Гольдбергом* [2, с. 86].

Пристально вглядываясь в лицо друга, доктор уже с тревогой замечает, что его состояние близко к критическому: *Да что с вами, голубушка? Вы совсем раскисли, – заговорил он серьезно и с участием. – Ну, уж как хотите, а я вас не оставлю одного* [Там же].

Ласковая поддержка Гольдберга, безусловно, необходима Боброву. Один он не в силах справиться с постигшей его трагедией: враждебный мир отобрал у него единственного, как казалось герою, любимого человека – Нину. Теперь ему незачем жить, но покончить с жизнью он также не решается. Бобров не знает, как справиться с этой нарастающей болью: *Он с жадностью и с отвращением пил коньяк, стараясь забыться. Но странно, – вино не оказывало на него никакого действия. Наоборот, ему становилось еще тоскливее, и слезы еще больше жгли глаза* [2, с. 86–87]. Он с омерзением напивается, словно бросая вызов Нине, не понимая того, что ей это все равно.

Наконец, 11-я глава является развязкой сюжета. Она происходит на фоне страшного, даже зловещего пейзажа: *На горизонте огромное зарево отражалось неровным трепетанием в ползущих по небу тучах. Бобров глядел на вспыхивающее небо, и торжествующее, нехорошее злорадство шевелилось в нем* [Там же, с. 94].

Дальнейшее состояние героя А.И. Куприн описывает как болезненное, где явь перемежается с галлюцинациями: *Временами Боброву начинало казаться, что он мчится по какому-то крутому косогору и вот-вот вместе с экипажем и лошадьми полетит с отвесной кручи в глубокую пропасть. Он совершенно потерял способность опознаваться…* [Там же, с. 95].

Неслучайно в этой главе в многочисленных описаниях самочувствия и поведения Боброва автор активно использует глагол *казаться*. Он подчеркивает нереальность, иллюзорность происходящего с героем, как бы потерю грани между действительностью и забытьем в сознании героя: *Ему казалось, что подъем бесконечен, и тупое отчаяние овладевало его душой. <…> Временами ему представлялось, что он спит и видит один из своих лихорадочных болезненных снов… всё было так же тяжело, нелепо, неожиданно и ужасно, как эти кошмары…* [Там же, с. 96].

Состояние небывалого нервного напряжения завершается для Боброва обмороком, после него герой очнулся словно другим человеком: если в предыдущих главах он лишь робко признавался доктору в том, как тяжело

и гадко ему жить, то теперь «острая и отчаянная, беспредметная злоба переполняли его душу…», злоба, которая толкала его на решительные действия:

– Ну, скажи же, скажи, что мне делать? Скажи, ради Бога, – страстно шептал он, обращаясь к кому-то другому, постороннему, как будто сидевшему внутри его. – Ах, как мне тяжело! Ах, как мне больно!.. Невыносимо больно!.. Мне кажется, я убью себя... Я не выдержу этой муки...

А другой, посторонний, возражал из глубины души, также вслух, но насмешливо-грубо:

– Нет, ты не убьешь себя. Зачем перед собой притворяться? Ты слишком любишь ощущение жизни, для того чтобы убить себя, ты слишком немощен духом для этого. Ты слишком боишься физической боли. Ты слишком много размышляешь.

– Что же мне делать? Что же мне делать? – шептал опять Андрей Ильич, ломая руки. <…>

– Не ломайся, не ломайся; к чему эти пышные слова старых мелодрам, – иронически говорил другой. – Если ты так ненавидишь Квашнина, поди и убей его.

– И убью! – закричал Бобров, останавливаясь и бешено подымая кверху кулаки. – И убью! Пусть он не заражает больше честных людей своим мерзким дыханием. И убью!

Но другой заметил с ядовитой насмешкой:

– И не убьешь... И отлично знаешь это. У тебя нет на это ни решимости, ни силы... Завтра же опять будешь благоразумен и слаб... [2, с. 97–98].

Повтор глагола *убить* в речи Боброва свидетельствует лишь о высокой мере возбужденности, но не о способности героя совершить это действие. Даже в критическом духовном состоянии не может убить даже самого себя. Его сущность раскрывается при помощи образа постороннего, будто обитающего внутри него самого, который убедительно характеризует привычки и возможности Боброва и вступает с ним в своеобразный диалог, опровергая возможность реализации его разрушительных намерений.

Однако и этот вызов заканчивается для Боброва поражением. Оказавшись вновь стоящим над кочегарной ямой (здесь происходил его диалог с Гольдбергом в 7-й главе), Бобров думает о самоубийстве, но не совершает его, а спрыгивает в кочегарку и наполняет топливом котел: *Болезненная, мстительная и страшная мысль, мелькнувшая еще там, на дороге, овладевала им все более. Он смотрел на огромное тело котла,*

начинавшего гудеть и освещаться огненными отблесками, и оно казалось ему все более живым и ненавистным…<…> …посторонний голос заговорил громко и насмешливо:

– Ну; что же, остается сделать одно еще движение! Но ты его не сделаешь... Basta... Ведь все это смешно, и завтра ты не посмеешь даже признаться, что ночью хотел взрывать паровые котлы [2, с. 99].

Этот последний всплеск энергии Боброва окончательно забрал у него как физические, так и душевные силы, вернув его в состояние безразличия. «Душевный разлад», о котором мы узнаем еще при первом знакомстве с героем, к концу произведения окончательно губит его, возвращая к болезненной зависимости от впрыскиваний морфия: *Ради бога, доктор, дайте морфия… Скорее морфия, или я сойду с ума!.. Я невыразимо страдаю!..*

Гольдберг взял Андрея Ильича за руку, поспешно увел в другую комнату и, плотно прикрыв дверь, сказал:

– Послушайте, я догадываюсь, что вас терзает... Поверьте, мне вас глубоко жаль, и я готов помочь вам... Но... голубушка моя, – в голосе доктора послышались слезы, – милый мой Андрей Ильич... не можете ли вы перетерпеть как-нибудь? Вы только вспомните, скольких нам трудов стоило побороть эту поганую привычку! Беда, если я вам теперь сделаю иньекцию... вы уже больше никогда... понимаете, никогда не отстанете.

Бобров повалился на широкий клеенчатый диван лицом вниз и пробормотал сквозь стиснутые зубы, весь дрожа от озноба:

– Все равно... мне все равно, доктор... Я не могу больше выносить.

Доктор вздохнул, пожал плечами и вынул из аптечного шкафа футляр с правацовским шприцем. Через пять минут Бобров уже лежал на клеенчатом диване в глубоком сне. Сладкая улыбка играла на его бледном, исхудавшем за ночь лице. Доктор осторожно обмывал его голову [Там же, с. 99–100].

Библиографический список

1. Блок А. Избранное. М., 1988.
2. Куприн А.И. Повести. Рассказы. М., 2002.

И.В. Лебедев

Жанр фэнтези и авантюрно-приключенческая литература

Статья посвящена проблеме происхождения жанра фэнтези. Проводится анализ жанровых черт фэнтези и высказывается предположение о жанровом родстве фэнтези и приключенческой литературы.

Ключевые слова: фэнтези, приключенческая литература, приключенческие жанры, фантастика, детектив, авантюрно-исторический роман, художественный мир, вторичность, инаковость, связь с транцендентным, игровой характер, этическая контрастность, эскапизм.

Жанр фэнтези, появившийся как новое литературное образование в 1950-х гг. благодаря знаменитому «Властелину колец» Дж.Р.Р. Толкина, на рубеже веков привлек к себе пристальное внимание множества исследователей. Но, несмотря на значительное количество работ, природа фэнтези остается во многом неопределенной. Ведь за прошедшие с момента издания толкиновского эпоса полстолетия возникло множество модификаций фэнтези (помимо собственно эпического). Это и так называемое «темное» («черное») фэнтези[1], связанное с готическим романом ужасов XVIII в., и историческое фэнтези[2], имеющее в основе исторический роман XIX в., и «научное» фэнтези[3], являющееся своего рода симбиозом с научной фантастикой XX в., не говоря уже о наиболее распространенной модификации – «фэнтези меча и магии» (героическое фэнтези)[4], в котором нетрудно увидеть возрожденный на новом материале древний жанр рыцарского (а в некоторых случаях пародирующего его плутовского) романа. Такая неожиданная «всеядность» фэнтези способна поставить исследователя в тупик.

Проблема усугубляется тем, что фэнтези во всех своих разновидностях относится к массовой, т.е. «низкой», литературе. Эскапизм, действительно свойственный массовой литературе, в советские времена

---

[1] Основоположником этого направления в западной литературе можно считать Г.Ф. Лавкрафта (1890–1937). В России в этом жанре написаны романы А. Дашкова «Звезда Ада», «Войны некромантов», «Умри или исчезни».

[2] Наиболее интересным образцом следует считать цикл «Отблески Этерны» В. Камши (2004 – цикл не закончен).

[3] В России основоположниками этой жанровой разновидности считаются А. и Б. Стругацкие («Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Пикник на обочине»).

[4] Например, цикл романов Н. Перумова «Летописи разлома» или циклы А. Пехова.

объявлялся страшным грехом. Как справедливо указывают в своей монографии Н.А. Купина, М.А. Литовская и Н.А. Николина, «массовая культура (и литература как ее часть) рассматривалась советским искусствознанием как “культура сокрытия суровой реальности человеческого существования, средство наркотизации людей, удержания их от анализа, беспощадного продумывания их же собственного… жизненного опыта”» [4, с. 18].

Поскольку жанр фэнтези появился в отечественной литературе уже в постперестроечную эпоху, в советские времена под массовой литературой понимались все приключенческие жанры. Их изучение считалось делом, не достойным академической науки, т.к. это «чтиво», по мнению теоретиков искусства, соответствовало усредненному вкусу малообразованного обывателя. В результате значительный пласт культуры оказался практически полностью не изученным в отечественном литературоведении. В 1982 г. в одной из редких статей, посвященных приключенческим жанрам, Л. Мошенская писала: «Не изучен генезис приключенческой литературы, ее эволюция, своеобразие ее художественного мира, ее структура, ее связи с большой литературой» [7, с. 170]. С тех пор не изменилось практически ничего. Ряд частных исследований, посвященных отдельным авторам или отдельным жанровым модификациям, не получил должного теоретического обобщения. До сих пор, когда говорят о приключенческой литературе, не понятно даже, идет ли речь об одном особом жанре или о целом ряде жанров (историко-приключенческий роман, пиратский роман, колониальный роман, готический роман-триллер, детектив и т.д.), похожих друг на друга определенным набором существенных признаков. Краткая литературная энциклопедия откровенно определяла приключенческую литературу как «понятие, не имеющее строго очерченных границ, применяемое для обозначения многих литературных жанров, объединяемых лишь приключенческой тематикой, фабулой (сюжетом) или мотивами» [5, стб. 973]; а новейшая «Литературная энциклопедия терминов и понятий» выражается еще более расплывчато: приключенческая литература – это «произведения с острыми сюжетными ситуациями, напряженным действием, обыгрыванием разного рода загадок и тайн» [6, с. 806]. Такая теоретическая неопределенность (дополнительно усложняемая долгой литературной историей жанра, который восходит еще к позднегреческому авантюрному роману) создает колоссальные препятствия на пути изучения относительно недавно возникшего фэнтези, поскольку последнее, если определить его природу максимально кратко, является по существу не чем иным, как *современной модификацией приключенческого жанра.*

Ставя вопрос о происхождении фэнтези, большинство современных ученых соотносят фэнтезийные произведения с фантастикой. Хотя «статус жанра фэнтези на настоящий момент является недостаточно определенным» [3, с. 75], а «в научной литературе отсутствует общепринятая дефиниция жанра фэнтези» [1, с. 13], исследователи, однако, все же относят новую жанровую разновидность к фантастике. При этом они обычно оговариваются, что имеется ввиду не «условная», а «безусловная» фантастика, по определению К.Г. Фрумкина. Последняя дефиниция тесно связана с тем, что фэнтези в качестве прототипа для моделирования художественного мира выбирает, как правило, миф или легенду. «Наиболее темный вопрос истории фантастики – вопрос о фантастичности мифа» [9, с. 11], – писал по данному вопросу исследователь. «Интуитивное понимание того, что авторы прошлого относились к фантастическому совершенно иначе, чем мы, порождает проблему… Формальное определение фантастического как отклонения от действительности … заставляет включить в понятие “фантастика” слишком большое количество произведений искусства всех времен и народов» [Там же, с. 12]. В этом смысле «историю проявлений необычайного в литературе стоит начинать с Гомера и Апулея, и дальше продолжать через Данте, Кампанеллу и Бальзака» [Там же]. Поэтому ученый предложил ввести различение между фантастикой условной и безусловной. «Безусловной фантастикой, которую можно также называть “чистой фантастикой“, или “фантастикой в узком смысле”, следует называть сознательное, преднамеренное изображение вымышленных фактов в литературе и искусстве. Под условной фантастикой следует называть все случаи изображения фактов, которые являются фантастическими (вымышленными) с нашей точки зрения, но которые не были или, по крайне мере, могли не быть таковыми с точки зрения их авторов. К условной фантастике следует отнести все случаи, когда намерения авторов фантастического вымысла являются темными и не поддаются однозначной реконструкции» [Там же, с. 14].

Однако такое строгое разграничение мало что дает для определения природы фэнтези. Ведь каким бы реальным ни рисовался магический мир произведения его героям, читателю совершенно очевидно, что автор книги не верит в архаический миф, которым пользуется как моделью, и не стремится создать прообраз возможного будущего, как это было свойственно научной фантастике. Кроме того, использование фантастического элемента само по себе не относит произведение к фантастике. Как справедливо отмечает тот же К.Г. Фрумкин, следует различать фантастику как жанр и как метод: «жанр характеризует целое литературное произведение, в то время как метод может использоваться

в самых разных жанрах наряду с прочими» [9, с. 16]. Поэтому использование поэтики необычайного нельзя считать генетически определяющей чертой для жанра фэнтези. Это подтверждается и исторически: необычайное и сверхестественное, например, в рыцарском романе (являющемся «прадедушкой» фэнтези), никак нельзя отнести к «безусловной фантастике», т.к. нам неизвестно, насколько реальным или фантастическим казалось средневековому человеку существование великанов или волшебников.

Поэтому истоки современного фэнтези логичнее было бы искать в генезисе и истории развития приключенческого жанра: ведь фэнтези, как и любая приключенческая книга, по общему типу поэтики и архитектоники относится к так называемой «формульной литературе».

К основным чертам фэнтези современные исследователи относят, прежде всего, существенную *вторичность* изображаемого мира. Здесь следует сразу обратить внимание на то, что вторичность мира фэнтези определяется не столько его непохожестью на реальность, сколько тем, что художественная действительность фэнтези всегда *заведомо производна*. Автор пользуется уже имеющимся материалом как шаблоном: образцом может служить миф, цикл легенд (например, скандинавский, кельтский или славянский), фольклорные поверья; но в этом же качестве может выступить и любой чисто литературный материал: исторический или историко-приключенческий роман, плутовской или пиратский роман, детектив. Для автора фэнтези существенна не столько новизна, сколько *узнаваемость* мира для мало-мальски начитанной аудитории: таким образом происходит экономия художественных средств. В противном случае описательная часть объемом превышала бы действие, а это сразу же превратило бы фэнтези в произведение другого жанра: ведь действие – это главный нерв приключенческой книги!

С другой стороны, производность и вторичность художественного мира фэнтези никак не отменяют требований к тщательной его проработке, необходимости строго логичного его построения. Ведь если фэнтези по своему существу является модификацией приключенческого жанра, это означает изначальную «просчитанность» сюжетной интриги: любая случайность является здесь мнимой, на самом деле за любым поворотом сюжета стоит произвол автора. «Глобальное господство случая в мире приключений возможно потому, – писала Л. Мошенская, – что мир этот – мир во многом условный, действительность изображается в нем не в свете ее собственных закономерностей, а на основе определенного приключенческого канона, имеющего очень древние корни» [7, с. 174–175]. В приключенческой книге «случайность оказывается очень точно

срежиссированной, математически выверенной. Такой расчет выступает особенно наглядно в детективе, там выкладки производятся прямо в присутствии читателя» [7, с. 186]. Приводя в качестве другого примера романы Дюма, исследовательница подчеркивает: «Вряд ли Дюма настолько уж не понимал ход исторических событий, как его в том часто упрекают. Чего-то, наверное, не понимал, но во многих случаях сознательно перекраивал историю, предпочитая законам истории законы жанра» [Там же, с. 177]. Сюжет хорошей приключенческой книги должен быть написан «с конца»: так, Дж.Р.Р. Мартин, автор «Песни льда и пламени», современного эпического фэнтези, основанного на историческом материале (войне Алой и Белой роз), признавался, что сначала продумал смерть своих героев, а уже потом их жизнь.

Вторичность и проработанность мира обусловливают еще одну черту фэнтези: условность его художественного мира, *инаковость* его пространства и времени. Инаковость в данном случае определяется фантастичностью: фэнтези использует фантастику как один из приемов моделирования. В классической работе Т.А. Чернышевой «Природа фантастики» определяется два способа такого моделирования: художественная реальность, созданная на основе одного фантастического допущения (посылки), и художественная реальность, созданная на основе множества фантастических допущений. «В сказочном повествовании, или повествовании со множеством посылок, создается особая условная среда, особый мир со своими законами, которые, если смотреть на них с позиций детерминизма, кажутся полнейшим беззаконием… Повествование же с единой фантастической посылкой – это рассказ о необычайном и удивительном, рассказ о чуде, соотнесенный с законами реальной, детерминированной действительности» [10, с. 139]. Фэнтези, как легко можно увидеть, относится к адетерминированному типу (или «повествованию со множеством посылок»): мир фэнтези глобально не соответствует законом нашей реальности.

Инаковость – еще одна черта, обусловленная генетической привязкой фэнтези к приключенческому жанру, потому что мир приключения по сути своей также сформирован условными пространством и временем, практически никак не связанными с реальными. В работе М.М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» [1] указывается, что реальное течение времени в приключенческих жанрах изменено: оно сжато, движется быстрее, почти не меняя героев; оно разбито на ряд коротких отрезков (авантюр), поэтому множество событий происходит «вдруг», «внезапно». Это авантюрное время показывает, что главной движущей силой являются не герои или закономерности истории или бытия, а некая

всесильная «судьба» (в фэнтези ее заменителями могут выступать боги и магия). Что же касается пространства, то оно в авантюрном романе механически раздвинуто для того, чтобы дать место для разнообразных приключений. Как правило, это пространство является для героев чужим, а то и вовсе экзотическим. В своей статье «Мир приключений и литература» Л. Мошенская, анализируя способы построения «пространства приключений» в истории западной литературы, приходит к остроумному парадоксальному выводу, что это всегда экзотический «необитаемый остров», на котором писателю «все можно». От острова Монте-Кристо до Острова сокровищ Стивенсона, от фантастического «Затерянного мира» до детективного «Восточного экспресса», от «Таинственного острова» Жюля Верна до викторианского Лондона Шерлока Холмса действие приключенческой книги разворачивается в герметически замкнутом пространстве – это «остров, возникающий из небытия и не имеющий открытого выхода в пространство реального мира» [7, с. 182].

Роль случайного, или роль судьбы (рока), необычайно важная для любой приключенческой книги, в которой каждый неожиданный остросюжетный поворот сродни маленькому чуду, определяет связь с трансцендентным, свойственную фэнтези. В фэнтези адетерминированность мира, его антикаузальность («в мире фэнтези можно подниматься по бесчисленным ступенькам вверх, а оказаться глубоко под миром, в преисподней» [2, с. 39]) не является внутренней: она внешняя по отношению к реальной действительности. Изнутри фэнтезийный мир детерминирован зачастую строже, чем природный: полный мнимых случайностей, он практически не допускает случайностей настоящих. Трансцендентное является здесь главным законом; даже если сами герои забывают о могущественных иррациональных силах, эти силы не забывают о них.

Игровой характер повествования, этическая контрастность добра и зла, постоянно активный герой – вот еще несколько существенных особенностей, которые показывают генетическую связь между приключенческим жанром и его новой модификацией – фэнтези. В сущности, автор приключенческой повести или романа никогда не имеет дела с подлинными жизнью и смертью, его мир – это мир игры, где персонажи появляются и выбывают как шахматные фигуры (в этом смысле очень показательны «Десять негритят» Агаты Кристи). С другой стороны, этическая проблематика всегда является ведущей для любой приключенческой книги, даже плутовского романа или «черного фэнтези»: добро и зло здесь всегда персонифицировано, и хотя первое не обязательно побеждает, второе обязательно будет разоблачено, т.к. герой реализует себя только в этом противостоянии.

В этом контрастном разведении добра и зла, в активном герое, который, говоря обыденным языком, вечно ищет себе на голову неприятности, выражается нравственный идеал человека. «Именно в “завышенных” этических нормах, в идеальности таится притягательная сила приключенческой литературы, именно это прежде всего делает ее литературой» [7, с. 201]. И в эскапизме приключенческого жанра вообще и фэнтези в частности на самом деле нет греха. Как писал основоположник фэнтези Дж.Р.Р. Толкин, «в том, что обычно называется “Реальной Жизнью”, Побег, как правило, – поступок совершенно необходимый и даже порой героический» [8, с. 80]. Мир фантазии и приключений позволяет читателю не только отвлечься и разлечься: он позволяет людям иначе взглянуть на окружающий их обыденный мир.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Гусарова А.Н. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: Дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.
3. Кулакова О.К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования: на материале жанра фэнтези: Дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2011.
4. Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н. А. Массовая литература сегодня. М., 2009.
5. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1968. Т. 5.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.
7. Мошенская Л. Мир приключений и литература // Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 170–202.
8. Толкин Дж.Р.Р. Дерево и лист. О волшебных историях. Лист работы Мелкина. М., 1991.
9. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М., 2004.
10. Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск, 1984.

И.А. Строганова

«Пути небесные» И.С. Шмелева: жанровый и стилевой синтез

В статье рассматривается итоговый роман И.С. Шмелева «Пути небесные» в аспекте его жанровой принадлежности. Жанровая форма романа синтезирует черты жития, дневника, исповеди, поучения, проповеди. Кроме компонентов агиографической литературы писатель использовал классическую романную

линию и создал в эмиграции новый жанр – «духовный роман», в чем проявилось новаторство автора книги. Исследователи творчества И.С. Шмелева, в том числе его современники, неоднозначно восприняли итоговое произведение писателя и указывали на некоторую противоречивость в использовании писателем элементов различных жанровых форм.

Ключевые слова: художественная форма, жанровый синтез, стилевой синтез, «духовный роман», православное мировоззрение, роман И.С. Шмелева «Пути небесные».

Книга И.С. Шмелева «Пути небесные» – «роман-завещание» [22], «эпопея о религиозных исканиях русской души» [4] – итоговое произведение писателя. Г.П. Струве отмечал, что в изгнании художественный талант И.С. Шмелева приобрел размах, которого до того не было; главным вкладом писателя в зарубежную литературу, по мнению критика, стал и роман «Пути небесные» [15], новый тип романа, основанный на сознательно-православном мировоззрении; «воссоздав черты личности, детали биографии и даже сохранив имена реальных людей, Шмелев создал книгу, стоящую на грани между художественным произведением и документальным повествованием» [6, с. 3]; «необычность романа заключается в осознанно-строгой ориентированности на христианские догматы, более последовательной и жесткой даже по сравнению с “Богомольем” и “Летом Господним”» [5, с. 68]. Поэтическая система «Путей небесных» включает жанровые черты агиографии, дневника, исповеди, поучения, проповеди, органично вплетающихся в структуру произведения. Наряду с жанровым синтезом в книге наблюдается синтез стилевой: символистские концепции рубежа XIX–XX вв. взаимодействуют с традициями русской реалистической классики.

В основе «духовного романа» Шмелева – творческий сплав жанровых компонентов светской и духовной литературы: помимо любовной интриги, важнейшими смысловыми жанрообразующими факторами книги являются знамения, предсказания, предопределения, чудеса, вещие сны, случаи как знаки Господни [19, с. 20–28]. Опираясь на данное И. Ильиным определение книги И. Шмелева как «опыта духовного романа», О.В. Селянская анализирует духовно-эстетическую концепцию автора, эволюцию ключевых моментов воплощенного в книге многолетнего духовного опыта писателя. Рассматривая «Пути небесные» в контексте православной традиции, О.В. Селянская акцентирует внимание на таких аспектах жанровой природы романа, как провиденциальный характер («план» «для судеб мира» – история мира; «для каждого из сущих» – «план жизни» человека, его судьба); символичное название, отражающее

поиск путей к познанию божественной истины; контраст божественного и дьявольского (святого и грешного, светлого и темного) на всех уровнях текста; создание «иконного» образа главной героини; жертвенную любовь ко всему живому; связь «всего со всем» – чувство соборности, слиянности человека с окружающим миром в общей молитве Богу; мотив душевного сна; духовную брань. О.В. Селянская отмечает такие особенности художественной системы книги И. Шмелева, как метафорическую образность, систему оппозиций, символику света и цвета, темпоритм повествования, составляющих основу религиозной концепции автора: идею восхождения человека через страдания и земные лишения к божественному откровению – «небесный путь» [11].

В структуре жанрово полифоничного «духовного романа» И.С. Шмелева О.Е. Галанина и В.Т. Захарова выявляют и анализируют систему лейтмотивов, отражающих последовательную установку автора на православную традицию, и замечают: «Такая насыщенная концентрация формы обусловлена идейной концепцией автора: показать путь духовного становления личности не в психологическом аспекте (как это было в литературе XIX в.), а в категориях православной антропологии» [1, с. 74–75]. В сопоставлении социально-бытового и космического уровней «Путей небесных» в своей работе авторы рассматривают комплекс мотивных линий, соотносимых с моделями «Дом-Храм-Город» и «Дом-Храм-Усадьба». По их наблюдению, первый план сопровождается темами искушения, соблазна, «антидома», переходящих в генеральный мотив «суетности жизни»; на втором уровне этот мотив трансформируется: круг всеобщей суеты переходит в круг бесконечной полноты, где ведущим становится мотив возвращения в потерянный рай.

В романе писатель использует значимые для житийной литературы элементы: вещие сны и описание чудес. «Чудесное событие – характерный для творчества И.С. Шмелева сюжетный мотив», – утверждает Л.В. Суматохина, отмечая эволюцию «чудесных» мотивов в творчестве писателя от условного метафорического упоминания о чуде в дореволюционный период до употребления в буквальном смысле слова после 1934 г., когда писатель пережил чудесное исцеление [16]. Рассматривая чудесное событие в сюжете «Путей небесных» как черту духовного реализма, исследовательница представляет фабулу книги в виде цепи чудесных событий, в которых для героев очевиден Божий Промысел, «небесный чертеж» их судеб. По утверждению Т.А. Махновец, чудо в произведениях И. Шмелева «сообщает полноту концепции мира и человека, оно приподнимает человека над привычными условиями “мира сего», напоминая, что человеку даны способности для восприятия иного,

высшего мира» [10, с. 28]. В то же время «изобилие и сам характер чудес, исходящих от икон, нарушает художественную меру» [20, с. 34]; в частности, празднование памяти Николая Чудотворца в «Путях небесных» присутствует не в подтексте, а в самом тексте, и «именно эта неумеренная настойчивость лишает изображение праздников в последнем романе Шмелева той поэтичности и сердечной теплоты, которой оно отмечено в “Лете Господнем”» [21].

Религиозная окрашенность поздней прозы И. Шмелева определила обращение писателя к темам «хождения», «жития», «поучения», «пророчества». Анализируя возможность жанрового синтеза жития и романа в итоговом произведении писателя, Н.А. Герчикова отмечает стремление некоторых литературоведов свести своеобразие романа лишь к идее использования И. Шмелевым житийных мотивов в построении сюжета. Однако, по ее мнению, при детальном рассмотрении замысла «Путей небесных» обнаруживается иной аспект этой проблемы – сущностных отличий романа и жития в силу различной направленности этих жанров: светского (роман) и «церковного» (житие), что позволяет говорить о новаторстве и художественном эксперименте в творчестве писателя [2, с. 309]. Н.А. Герчикова приходит к выводу о тяготении «Путей небесных» к типу «романа воспитания», в котором «изображены временные отрезки, ярко высвечивающие определяющие моменты в жизни главных героев, переходные этапы их становления, выстроенные автором в линию поступательного развития» [Там же, с. 311].

Штрихи житийного жанра в реалистическом повествовании «Путей небесных» О.Н. Сорокина соотносит с названиями глав романа: «Откровение», «Искушение», «Преодоление» и др. Сверхзадача романа, по ее мнению, – исследование темы судьбы человека, центральная проблема – спасение души человеческой. «По своему художественному методу и философии “Пути небесные” противостоят “новому роману” экзистенциалистов, а с другой стороны, согласуются с идеями французских современников Шмелева – Франсуа Мориака и Жоржа Бернаноса, авторов религиозных романов, ориентирующихся на “Мысли” Блеза Паскаля: “страдание человека без Бога, и величие человека с Богом”», – считает исследовательница [14, с. 276]. Богословский контекст творчества И. Шмелева обусловлен его мировосприятием как верующего писателя и объясняет своеобразие художественной действительности романа, где в природный мир включено сверхъестественное: «В основе шмелевской трактовки человеческой личности лежит одна из центральных тем христианской антропологии – тема образа и подобия Божьего» [12, с. 62]. Важнейшим элементом художественной структуры романа,

по мнению А.Г. Сергеевой, является христианская символика движения человеческой души к спасению из мрака греховной слепоты к прозрению и познанию света Истины, т.е. Божественного Промысла, но в то же время утверждается невозможность для порабощенной грехом души прямо следовать этому пути и сразу проникнуть в суть происходящих событий. На вопрос о смысле страданий И.С. Шмелев отвечает, опираясь на православное учение: страдание за грех есть голос Божий, вразумление грешащему человеку. Эту мысль выражает героиня романа, воспринимающая страдание как духовное лекарство от греховного вреда, чему способствует и духовный настрой, изначально включающий ориентацию на постижение смысла примет потустороннего мира.

Работая над романом «Пути небесные», И. Шмелев читал Софокла в поисках античного понимания рока; «осмыслив воззрения древних, он размышлял о христианском понимании Промысла: где у Софокла – гибель в угоду злому року, у Шмелева – искушения и спасение» [13, с. 227]. Отмечая, что «абстрактно-гуманитарная» идея о путях спасения души через совесть, о страстях, искушениях, прельщениях, самолюбии, сомнениях подчиняет себе природу текста «Путей небесных», Н.М. Солнцева сопоставляет структуру романа с текстами Феофана, сравнивая названия глав, в основу которых положены моральные, религиозные понятия («Зло», «Страсти», «Прелесть», «О соблазне», «О гневе» и др.). На определении жанра «Путей небесных» как религиозного романа настаивает Е.А. Черева, в качестве обоснования рассматривая не только проповеднический пафос книги, но и важную роль мотива преображения [18]. Идея преображения с точки зрения православного сознания занимает особое место в творчестве И.С. Шмелева, она «становится основным художественным приемом в изображении человека. Положительные герои изображаются Шмелевым в сиянии света» [9, с. 146].

Романная и агиографическая линии в структуре «Путей небесных», таким образом, органически взаимодействуют. В соответствии с замыслом произведения, бытовой и бытийный планы в книге сопряжены с двумя сюжетными линиями, реализуясь, в том числе, через лейтмотивные комплексы, соотносимые с образами главных героев и религиозной канвой книги. Жанровые особенности романного целого определили стилевой синтез «Путей небесных», выраженный во взаимопроникновении традиций русской реалистической литературы и философско-эстетических поисков Серебряного века.

Этический критерий, лежащий в основе эстетики Л. Толстого, по мнению А.П. Черникова, доминирует в произведениях И. Шмелева, чем и обусловлен интерес писателя к проблемам морали, человеческого дос-

тоинства, мучительных поисков ответов на вопросы о смысле жизни, о быте и бытии русского человека, о сложностях жизни, противоречивых исканиях и радостях духовных прозрений. Несомненные толстовские традиции в «Путях небесных» ученый видит в использовании И. Шмелевым формы традиционного любовного романа, где интертекстуальность «носит явно полемический характер, ибо, используя для воплощения христианских идей форму, ситуации традиционного романа, в частности, “Анну Каренину”, Шмелев насыщает его новым смыслом и содержанием, показывая, какова роль Провидения в жизни каждого человека, как ведет его по земным путям и путям небесным Божий Промысел и какова роль самого человека в выборе этих путей» [19, с. 27].

Историософская концепция Вл. Соловьева (исторический процесс с внутренней необходимостью ведет к торжеству добра), по мнению А.М. Любомудрова, оказала влияние и на творчество И. Шмелева: «существенно для мировоззрения Шмелева то, что правда неизбежно должна прийти в мир в рамках наличного исторического бытия. <…> Но влияние Соловьева не ограничивалось лишь историософскими теориями. Основоположник символизма, философ-поэт оказал немалое воздействие и на эстетическую ткань произведений Шмелева» [8, с. 19, 21]. Указывая на значимость итогового романа писателя, А.М. Любомудров обращает внимание на «просчеты» автора в изображении православного мира и православного человека, прежде всего в создании образа главной героини. Двоемирие Дарьи, двойственность ее натуры, соединяющей человеческое и нечто из мира высшего, при внимательном прочтении оказывается не поэтической метафорой, а обнаруживает глубокий религиозно-философский смысл, отсылающий к эстетическим и философским составляющим русского символизма начала XX в., «христианство призывает человека к обожению души, ума, сердца, тела, а не разрывает личность дуалистически на небесную и земную» [Там же, с. 22].

Еще одно отступление от последовательно православной линии в изображении персонажей связано с преклонением Вейденгаммера перед героиней, подобное культу Прекрасной Дамы у младосимволистов; отголоски символистской поэзии, идея Вечной Женственности пронизывают также письма Вагаева к Дарье. Влияние идей философа отчетливо заметны в неслучайности всего происходящего: эта мысль «может показаться подлинно христианской, но мысль о таинственном значении и даже предназначении каждого явления уже уводит от представления о Промысле и свободной синергии Бога и человека» [Там же, с. 24]. Н.М. Солнцева также замечает отражение рассуждений Вл. Соловьева о механическом (рассудочном мышлении) и органическом, рассматривающем нечто в

его связи со всем прочим в романе И. Шмелева, проявившееся в степени духовного влияния Дарьи на Вейденгаммера [13]. Влияние философских построений Вл. Соловьева в замысле «Путей небесных» Л.В. Хачатурян находит в заимствовании писателем у философа двух центральных идей: Вечно-женственного как искупляющей и направляющей силы и диалектического понимания христианства, согласно которому падение/искушение является необходимым этапом становления человеческого и Мирового духа [17].

Решение художественных задач, поставленных И. Шмелевым в «Путях небесных», потребовало создания новой художественной формы. В итоге роман синтезирует различны жанровые и стилевые черты, органично вплетающиеся в художественную ткань произведения и создающие целостность, единство романного пространства, реализуясь на разных уровнях структуры текста: сюжетном, образном, мотивном, композиционном.

Библиографический список

1. Галанина О.Е., Захарова В.Т. Духовный реализм И. Шмелева: лейтмотив в структуре романа «Пути небесные». Н. Новгород, 2004.
2. Герчикова Н.А. Роман «Пути небесные» – итог творческого пути И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания / Под ред. Спиридоновой Л.А. М., 2007. С. 308–313.
3. Иван Шмелев // Литература русского зарубежья (1920–1990) / Под ред. Смирновой А.И. М., 2006. С. 64–79.
4. Каманина Е.В. О смысле заглавия и подзаголовка «эпопеи» в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания / Под ред. Спиридоновой Л.А. М., 2007. С. 135–142.
5. Компанеец В.В. Антиномичность характера в романе И.С. Шмелева «Пути небесные» // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен: В 2-х ч. / Под ред. Гопман В.Л. М., 2003. Ч. 1. С. 68–71.
6. Любомудров А. Опыт духовного романа // Шмелев И. Пути небесные. М., 2007. С. 3–78.
7. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб., 2003.
8. Любомудров А.М. И.С. Шмелев и философия Владимира Соловьева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания / Под ред. Спиридоновой Л.А. М., 2007. С. 19–24.
9. Макаров Д.В. Преображение человека: от религии к художественной литературе (И.С. Шмелев, А.А. Блок). Ульяновск, 2005.
10. Махновец Т.А. Концепция мира и человека в зарубежном творчестве И.С. Шмелева. Йошкар-Ола, 2004.
11. Селянская О.В. Духовно-аксиологическая парадигма романа И.С. Шмелева «Пути небесные» в контексте переписки автора с И.А. Ильиным: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2004.

12. Сергеева А.Г. «Пути небесные» И.С. Шмелева как «духовный роман» // Творчество И.С. Шмелева в аксиологическом аспекте / Под ред. Цыганник В.П. Алушта, 2004. С. 56–67.
13. Солнцева Н.М. Иван Сергеевич Шмелев: аспекты творчества. М., 2006.
14. Сорокина О.Н. Московиана: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 2000.
15. Струве Г.А. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. М.; Париж, 1996.
16. Суматохина Л.В. Типология чудесного в произведениях И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания / Под ред. Спиридоновой Л.А. М., 2007. С. 247–252.
17. Хачатурян Л.В. «Пути небесные»: редакции 1944 и 1947 гг. // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания / Под ред. Спиридоновой Л.А. М., 2007. С. 314–318.
18. Черева Е.А. Жанрообразующее значение мотива «преображения» в романном творчестве И.С. Шмелева // Пушкинские чтения: Материалы X международной конференции: Сб. научных ст. СПб., 2005. С. 183–189.
19. Черников А.П. Традиции русской литературы XIX в. в прозе И.С. Шмелева // Художественный мир И.С. Шмелева и традиции славянской культуры / Под ред. Цыганник В.П. Симферополь, 2004. С. 20–28.
20. Шешунова С.В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Дубна, 2006.
21. Шешунова С.В. Православный календарь в романах И.С. Шмелева // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания / Под ред. Спиридоновой Л.А. М., 2007. С. 58–66.
22. Шмелев И.С. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Под ред. Николюкина А.Н. М., 1997. С. 454–457.

Л.В. Балкова

Язык как особая форма отражения и познания определенности

В статье рассматривается пространственно-временная определенность в физическом и грамматическом понимании, а также способы ее отражения в языке в процессе создания типов грамматических моделей.

Ключевые слова: пространство, время, пространственно-временная определенность, язык, физические и грамматические характеристики пространственно-временной определенности.

Рубеж XX–XXI вв. – время смены парадигм научного мышления и изменения естественнонаучной картины мира. До начала нашего столетия в науке господствовала возникшая в Новое время ньютоновско-картезианская механистическая система мышления, основанная на теориях И. Ньютона и Р. Декарта [1; 2], которым принадлежала идея принципиальной двойственности реальности: материя и ум – различные, параллельные друг другу субстанции. Отсюда следовало, что материальный мир можно описать объективно, не включая в описание человека-наблюдателя с его специфической позицией, с его субъективностью. Современная картина мира в качестве опровержения механистического подхода предполагает неразрывную связь субъекта и объекта познания, основанную на единстве сознания и материи, что во многом определяет трансдисциплинарный характер развития науки. Языку отводится особое место в познании объективной реальности, т.к. он позволяет рассмотреть, каким образом идеальные объекты, отражаясь в сознании, приобретают материальную форму.

Людвиг фон Витгенштейн (1889–1951) еще в середине прошлого столетия писал, что только совокупность исследования объективной реальности, мышления и языка составит основную аналитическую деятельность в науке [2]. Многие понятия и методы языкознания уже давно применяются в математической логике, информатике, когнитологии и других

науках. В языкознании подход, основанный на понимании языка как субстанции, взаимосвязанной с объективной реальностью, использовали такие ученые, как И.А. Бодуен де Куртене, И.Г. Кошевая, Г.П. Мельников, Б. ли Уорф, А.А. Потребня, Э. Сепир, И.И. Срезневский, Ф. де Соссюр, У. Чейф и др. В своих работах при описании языковых явлений они использовали термины и категории, распространенные в физике и информатике, такие как знак, член определенной знаковой системы, код, коэффициент, индекс, функциональные зависимости, функции, стабильность, системность и др.

И.Г. Кошевая делает вывод о том, что «язык, преломляя в своих знаковых системах значение конечного и бесконечного, выступает специфическим средством отражения объективных пространственно-временных отношений, которые как формы бытия материи безграничны» [4, с. 138]. Данный подход основывается на взаимосвязи языка и отраженной в нем пространственно-временной определенности. С этой точки зрения определяющим грамматическим значением обладают характеристики определенности, пространства и времени, которые реализуются в грамматических категориях и структурах (абстрактных или конкретных), каждая из которых есть «следствие универсального процесса отражения», а язык, являясь «системой специфического отражения мира, выступает как инструмент для раскрытия закономерностей в таких далеких от него дисциплинах, как математика и физика» [5, с. 51–53].

Вышесказанное позволяет рассмотреть Определенность и связанные с ней категории Пространства и Времени в качестве трансдисциплинарных понятий, открывающих возможность создания «системы координат», которую можно использовать в рамках нескольких дисциплин, для решения конкретной исследовательской или практической задачи. Центром «системы координат» может выступать как физический, так и философский объект, например, человек в момент речи или квантовая частица. В каждом отдельном случае физические или философские характеристики данных категорий будут влиять на их реализацию в объективной реальности или в конкретных грамматических правилах и структурах.

Здесь возникает вопрос о соответствии содержания данных понятий в физическом и лингвистическом понимании, ответ на который предполагает сопоставление физических и грамматических характеристик и описание данных явлений объективной реальности с целью поиска соответствий на различных уровнях ограничительных связей: фонетическом, семантическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом и текстологическом. Иными словами, необходимо рассмотреть, каким образом свойства материи, связанные с пространственно-временной

определенностью, такие как *конечность* / *бесконечность*, *абсолютность* / *относительность*, *константность* / *переменность, статика* / *динамика*, *экстремальность* / *предельность*, *центробежность* / *центростремительность*, благодаря отражательной функции языка реализуются в характеристиках грамматических, речевых и текстологических. Определяющими факторами внешнего воздействия, при этом, являются Определенность, Время и Пространство, которые, будучи неразрывно взаимосвязанными, преломляются в человеческом мышлении через категории *количества*, *качества* и *лимитации*. С помощью данных категорий физическая реальность отражается в реальности языковой.

Вспомним о теории квантовой неопределенности В. Гейзенберга и об энтропии как степени информационной неопределенности, которая, согласно формуле Шеннона, характеризуется устранением на квантовом уроне. Информационный смысл квантовой энтропии был пояснен в работе Бена Шумахера, посвященной квантовому состоянию данных, опубликованной в журнале «Physical Reviews» в 1995 г. Именно он ввел понятие «энтропийного неравенства» как соотношения переданной и полученной информации, соответствующего лингвистической трактовке соотношения знака и значения. Определенность, таким образом, раскрывается как количество переданной и полученной информации, обладающей определенными качественными характеристиками, которые ученые научились описывать математически [1].

Определенность на уровне философии представляет собой объективную закономерную взаимообусловленность явлений материального и духовного мира и взаимосвязана с таким понятием, как детерминизм. Центральным его ядром служит положение о существовании причинности, которая находит отражение в таком физическом и грамматическом явлении, как функциональная зависимость, представленной в лингвистике в качестве регулятора содержательной стороны значения, начиная от семантико-фонетического комплекса и заканчивая речевым комплексом и текстом, включая речевую ситуацию.

Определенность *на уровне грамматики* раскрывается в разных аспектах, например, как отграничение действия по характеру протекания во времени и пространстве посредством качественной и количественной лимитации, т.е. существует некоторый количественный предел, до которого данное действие или явление сохраняет свои качественные свойства. Значение пространственно-временной определенности является средством разграничения грамматических характеристик [3].

Способы грамматического выражения определенности, представленные *в уровнях ограничительных связей*, о которых мы скажем далее, суммар-

но образуют грамматическую категорию определенности / неопределенности, отражающую диалектическое противоречие единства противоположных сторон явления: оппозицию определенности и неопределенности.

В отличие от определенности, Неопределенность имеет безграничный и открытый характер, например, неопределенность множественности (типа: movables), не соотносящаяся с единичностью абстрактная множественность (tables). Безграничный характер неопределенности, ее перспективная направленность и бесконечность, в том числе пространственно-временная, противопоставляется конечности определенности. Если на уровне корреляции Определенность связана с особенностями восприятия и характером воспринимаемой информации, то на уровне системы языка она находит выражение в уровнях ограничительных связей (семантическом, лексическом, лексико-грамматическом, грамматическом, текстовом). Рассмотрим это на некоторых примерах.

1. На с*емантическом уровне* Определенность находит выражение, например, в предельном характере семантического значения глаголов, выражающих восприятие, наличии у семантико-фонетического комплекса ограничительного потенциала, в семантических полях гравитации (центр поля – большая степень определенности), переходности глагола, которая отражает предельность и зависит от семантического значения корня.

2. На *лексическом уровне*, связанном с раскрытием ограничительного потенциала сематико-фонетических комплексов, она выражается в однокоренных словарных единицах статичной, процессной, лимитативной и квантификативной групп лексики (*to catch – catching*, *to see – seeing*, *to put – putting*).

3. На *лексико-грамматическом уровне* определенность может выражаться в наличии определенных ограничительных элементов (*ing*-окончания и послелоги, например, *off*: *He asked for the latter to be send off at once*). В именительности, когда мы называем что-либо, мы выражаем определенность, которая неразрывно связана с Пространством и Временем, т.к. данные категории, прежде всего, позволяют что-либо определить. Само деление лексических единиц по принципу «имя / глагол» отражает отграничение предметов и их действий. Имя более определенно, чем действие.

4. На *грамматическом уровне* определенность представляется такими категориями, как модальность, лимитация, выделительность, парцелляция, константность, реальность, перфектность, переходность глагола, вид, который, включая в себя понятие нереальной предельности в ее достигнутости / недостигнутости, противопоставляется в оппозициях совершенности / несовершенности, предельности / непредельности, перфектности / имперфектности). В частности, дихотомическое противопоставление

именной и глагольной предельности выступает как выражение общей идеи ограничения. Определенность как предельность или лимитативность находит отражение в аспектуальном характере семантико-фонетических комплексов, разделяющих положительный и отрицательный заряд.

5. На *синтаксическом уровне* можно констатировать, что наличие дополнения при глаголе, в том числе сложного, в значительной мере зависит от предельности глагола. Значительный интерес приобретают также взаимоотношения между непредельным непереходным глаголом и объектом, с одной стороны, и однокоренным предельным глаголом – с другой. Когда мы говорим «идти в пустыне», «плыть морем», «ехать по городу», то подчеркиваем пространственное местоположение. Объект не стесняет своего развития какими-либо лимитирующими действиями. Обозначенное непредельным глаголом действие развивается неограниченно: *I believe John to be sailing over the world. Я верю, что Джон плывет на яхте вокруг света.*

6. На *уровне текста*, или на речевом уровне, определенность присутствует, например, в процессе энтропии при коммуникативном акте, когда происходит смещение универсально-константных значений, в рекуррентных центрах как независимых линиях определенного текстового сегмента, смысловых ядрах и авторском ракурсе как специфическом единстве центральных звеньев с дальней периферией.

Характеристики Определенности в физическом ее понимании (относительность / абсолютность, известность / неизвестность, конечность / бесконечность) могут быть дополнены характеристиками как грамматической категории (предельность / непредельность, абстрактность / конкретность). И в том, и в другом случае характер определенности определяет противопоставление или оппозиция ее качеств, взаимосвязь с пространством и временем, а также субъективность восприятия. Физические характеристики Определенности взаимосвязаны со способами ее грамматического выражения, что влияет на образование таких грамматических категорий, как лимитативность.

Итак, Определенность, с точки зрения квантовой физики, понимается как «энтропийное равенство», имеющее конечный, предельный характер, стремящееся к одной точке, прежде всего, во времени и пространстве. Грамматически она раскрывается несколько в другом ключе, например, как преломленность конечного и бесконечного, определение конкретной значимости каждого знака, выражение общей идеи ограничения и «меры», и «предела», но «энтропийное равенство» отражает процесс энтропии в речи, также в языкознании оно может быть трактовано, как соответствие знака и значения и т.д. Определенность имеет непосредст-

венную взаимосвязь с такими формами бытия, как Информация и Язык, который выступает не только как способ передачи информации, но и как информация, и способ различных форм существования материи.

Современный уровень развития науки позволяет заключить, что пересечение физического и лингвистического понимания таких субстанций, как Пространство, Время и Определенность, является источником познания их сущности. Развитие квантовой информатики предполагает исследование информативных свойств языка, неразрывно взаимосвязанных данными понятиями, представленными во многих грамматических и философских категориях. Пространственно-временные координаты являются отправной точкой анализа для целого ряда уже существующих дисциплин и дисциплин будущего, таких как лингвистическая информатика или физическая лингвистика. Очевидно, что роль языка в познании мира будет неуклонно возрастать, т.к. он представляет собой особое явление, которое преломляет окружающий мир изоморфно через призму фонетически и грамматически организованных словарных знаков [6, с. 40].

Рассмотренные на предмет взаимодействия с понятием Определенности различные грамматические явления позволили наблюдать, как реальность физическая отражается в реальности грамматической, каким образом язык фиксирует в своих структурах и категориях данную категорию. Если Язык является «формой», то его «базовые понятия» являются «гранями» данной формы, имеющими трансдисциплинарный характер. Пространство – это форма существования материи, Время – это форма движения материи, Определенность – это форма проявления общего состояния материи, которая неразрывно связана с таким понятием, как Информация. Язык, таким образом, выступает не только как способ передачи информации или как способ ее сохранения, но и как информация.

Задача современного языкознания заключается не только в том, чтобы выявить наборы инвариантных единиц внутренней структуры языка (типа фонем, тонем, интонем, морфем, лексем, схем построения словосочетаний и предложений), но и определить основные законы их взаимодействия и их системные характеристики. Предлагаемый подход во многом определяет прикладное значение лингвистики и ее роль в формировании так называемого блока базовых понятий.

Библиографический список

1. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
2. Витгенштейн Л. Несколько заметок о логической форме / Пер. и примеч. Ю. Артамоновой // Логос. 1995. № 6. С. 210–216.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. СПб., 1990.

4. Кошевая И.Г. О языке как особом средстве отражения действительности // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 2013.
5. Кошевая И.Г., Свиридова Л.К. Грамматические структуры и категории английского языка. М., 2010.
6. Кошевая И.Г. Стилистика современного английского языка. М., 2011.

П.В. Гращенков

К эволюции нефинитных форм глагола[1]

Подробное рассмотрение этапов эволюции деепричастий в разных языках (достаточно подробное освещение получают русский и английский языки, также привлекается материал тюркских, осетинского и некоторых других языков) дает возможность утверждать, что деепричастия развивались из разных грамматических форм и в целом следовали разным сценариям. Несмотря на это, свойства деепричастий как типологически устойчивой грамматической категории позволяют сделать вывод об универсальности такого явления, как нефинитность, и бóльшей близости нефинитных форм между собой.
Ключевые слова: деепричастие, нефинитность, PRO, языковые изменения, типология, русский язык, английский язык.

Деепричастия, герундии, конвербы регулярно выделяются в различных языках в качестве одной из наиболее типичных нефинитных глагольных форм. В данной работе исследуется вопрос о том, чтó представляет собой деепричастие и откуда оно появляется в некотором конкретном языке. В определенной степени работа продолжает серию исследований по структуре и типологии деепричастных форм, начатых в работах В.П. Недялкова и М. Хаспельмата [10; 26]. Отличие данной работы от парадигмы, намеченной в указанных исследованиях, состоит в том, что основной акцент в ней сделан не на типологическом изучении деепричастий, а на их диахронии и, в несколько меньшей степени, – синтаксической структуре.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 11-06-00489-а и гранта РГНФ 12-14-16035.
Автор выражает большую признательность за предоставление источников и обсуждение древнерусского материала А.В. Сахаровой, Д.В. Сичинаве и Н.А. Седуковой.

Что такое деепричастие?

Чем руководствуется лингвист, называя определенную глагольную форму в некотором впервые описываемом языке «деепричастием»? Обратимся к конкретным примерам. Так, в грамматиках тюркских языков, созданных отечественными исследователями, деепричастиям приписываются следующие свойства: 1) они выражают действие «в отношении к другому действию»; 2) у них не бывает подлежащего (что, как отмечается, верно не для всех деепричастий); 3) они способны выражать одни грамматические глагольные значения (залог, отрицание) и 4) неспособны – другие, например, время; 5) синтаксически «выполняют функции соподчиненного сказуемого и обстоятельств», наконец, 6) сохраняют исходное глагольное управление [16, с. 223–229].

Одним из наиболее полифункциональных деепричастий является английский герундий. Форма на *-ing* в английском может быть употреблена в аргументной, обстоятельственной или определительной функции, при этом она допускает как употребление с нулевым субъектом, кореферентным подлежащему главной клаузы (1a), так и с выраженным субъектом, оформленным номинативом (1b), генитивом (1c) или аккузативом (1d):

(1) английский

a. (When) **walking** through the tall grass, **I** tuck my jeans into my socks[1].
Гуляя по высокой траве, я заправляю джинсы в носки.

b. **John doing** pull ups made me laugh, **Jack sleeping** made me smile.
То, что Джон подтягивается на турнике, рассмешило меня, а то, что Джек спит, заставило улыбнуться.

c. I heard **his crying** and came to fix things.
Я услышал, что он кричит, и пошел на помощь.

d. I would be too upset about **him not having** done it earlier.
Я была бы расстроена, что он не сделал этого раньше.

Герундий при этом сохраняет свойства глагольной группы: прямой объект может выражаться аккузативом, в качестве адъюнктов используются наречия, возможно использование показателей вида и отрицания (1d).

Русское деепричастие, напротив, является достаточно узкоспециальной грамматической формой. Оно употребляется лишь в обстоятельственной функции, всегда имеет невыраженный субъект, как правило, кореферентный подлежащему главной клаузы. При этом свойства глагольных

[1] Здесь и далее, если источник примера специально не указан, он собран автором. Английские примеры были собраны при помощи поисковых систем Google и Яндекс и в ряде случаев адаптированы.

групп, такие, как способность управлять аккузативом или выражать вид, сохраняются:

(2) РУССКИЙ

a. Встречая друзей, гости радовались так, будто не виделись много лет.

b. Встретив старых друзей и знакомых, Коля опять попадает в глупую ситуацию.

Требование невыраженности субъекта является достаточно строгим ограничением для многих деепричастных форм. Так обстоит дело со всеми русскими деепричастиями и, например, с тюркскими деепричастиями на *-п*:

(3) ТАТАРСКИЙ

??Ата баланы тун белән капла-п, әни арбага
Отец ребенка шуба с укрыть-Conv мать на.телегу
салды.
класть-Past

После того, как отец укрыл ребенка шубой, мать положила его на телегу.

В отличие от русского, в тюркских языках есть и другие деепричастные формы, которые вполне могут иметь собственный субъект:

(4) ТАТАРСКИЙ (МИШАРСКИЙ ДИАЛЕКТ)

tawyš-lar išete-l-m-i bašl-a-gač
голос-PL слышать-PASS-NEG-ST начинать-ST-ANT
jaŋa-dan ber-gä ʒyj-y-l-dy-k.
новый-ABL один-DAT собирать-ST-PASS-PST-1.PL

Когда уже не слышны были голоса, мы опять собрались вместе.

Условие односубъектности с главной предикацией, впрочем, в ряде случаев может нарушаться и для таких типов деепричастий, как тюркские п-конвербы, ср.:

(5) [4]

a. АЛТАЙСКИЙ

Dibe keli-p kar kajyl-dy
Весна приходить-Conv, снег растаял-Past.

Когда пришла весна, снег растаял.

b. ТАТАРСКИЙ

Karlar өre-p, agačlar bөrelen-de
Снег таять-Conv, деревья набухать-Past.

Когда снег растаял, на деревьях набухли почки.

Условия, определяющие возможность употребления п-конвербов с собственным подлежащим, сводятся к определенной семантической

связи между субъектами («часть-целое») или каузальной связи между предикациями [6; 11].

Деепричастия в разных языках сближает если не обязательное бессубъектное употребление, то, как минимум, наличие некоторых ограничений на формы выражения субъекта. Как представляется, можно утверждать, что английский герундий, несмотря на все разнообразие способов кодирования подлежащего, подчиняется одному общему запрету: его подлежащее всегда выражено иначе, чем в финитных клаузах. Согласно примеру 1b, номинативное употребление вроде бы возможно, однако на самом деле перед нами – аккузативная форма существительного, местоименные перифразы возможны при аккузативе или генитиве, но не при номинативе:

(6) АНГЛИЙСКИЙ

a. ***He** doing his job made me want to do mine.

b. **Him** doing his job made me want to do mine.

c. **His** doing his job made me want to do mine.

От того, что он делал свою работу, мне захотелось выполнить мою.

Итак, подлежащее английского герундия не может выражаться номинативом. Единственное исключение – так называемые абсолютивные номинативные конструкции [30]:

(7) АНГЛИЙСКИЙ

Roddy tried to avoid Elaine, **he** being a confirmed bachelor. [30]

Будучи убежденным холостяком, Родди старался избегать Элейн.

Отметим другое свойство субъектов английского герундия – различие в дистрибуции герундиев с нулевым и выраженным субъектом. Два данных типа герундиев демонстрируют определенное сходство внутренней структуры, но различаются, например, тем, что в некоторых предложных употреблениях с временнóй семантикой разрешен лишь нулевой субъект, но не аккузативное или генитивное подлежащее (примеры 8a, 8b). Кроме того, в контексте дополнения некоторых глаголов также допустимы лишь невыраженные подлежащие (примеры 8c, 8d):

(8) АНГЛИЙСКИЙ

a. We left [$_{CP}$ after (*he / *them) baking the pie]. [18]

Мы ушли после приготовления пирога.

b. Sam has left since *him / PRO telling a story. [23]

Сэм ушел после того, как расказал историю.

c. I began *my/ *his / PRO writing the dissertation. [23]

Я начал писать диссертацию.

d. I avoided *my / *his / PRO bumping into her. [23]

Я избегал того, чтобы с ней сталкиваться.

В ряде случаев наблюдается обратная ситуация. Так, в примере ниже возможно употребление местоимения, но не PRO, что объясняется отсутствием структурного приоритета:

(9) английский

His$_1$ / *PRO$_1$ having shaved already shows that Mary arrived more than 5 minutes after John$_1$ did. [28]

То, что он был побрит, говорил о том, что Мэри пришла на пять минут позже, чем Джон.

Таким образом, английский язык демонстрирует ряд контекстов, разграничивающих употребления герундиев с выраженным и нулевым субъектом.

Другое важное синтаксическое свойство деепричастий, которое, на первый взгляд, представляется очевидным, состоит собственно в отсутствии финитности. Действительно, сентенциальным сирконстантом могут быть как деепричастия, так и финитные зависимые клаузы, и различие между ними состоит, прежде всего, в том, что деепричастия лишены лично-числового согласования и (эксплицитно выраженной) временнóй референции.

Мы можем указать следующие свойства, постулирующие деепричастие как самостоятельную нефинитную форму:

(10) 1) образуют зависимую клаузу;
2) оформленная деепричастием клауза вводит предшествующее или одновременное основному действию событие и играет роль обстоятельства в главной предикации;
3) предикации с деепричастиями лишены лично-числового согласования;
4) предикации с деепричастиями не имеют собственного временнóго значения;
5) употребление фонологически выраженного подлежащего либо невозможно, либо определенным образом ограничено.

Если финитность в принципе является релевантным признаком в некотором языке[1], то данный набор свойств либо а) соответствует некоторой нефинитной глагольной форме (русский), либо б) соответствует некоторому дистрибутивному классу употреблений одной из нефинитных форм языка (английский бесподлежащный герундий).

Таково определение деепричастия в функциональных терминах, что же касается синтаксического статуса проекций, возглавляемых ими, то тут существуют различные варианты анализа: одни исследователи признают

[1] Например, в китайском языке, где нет грамматических категорий времени и лично-числового согласования, финитность нерелевантна.

деепричастные клаузы TP (либо vP) [28]; в то время как другие – CP [18] и др. С точки зрения данной работы вопрос о точном расположении деепричастной вершины не является принципиальным, и мы без специального обсуждения примем последнюю точку зрения. Существенным представляется то, что синтаксическая структура клаузы, возглавляемой деепричастием, не предполагает выражения подлежащего в том виде, как оно возможно в финитных клаузах. Т.к. за лицензирование подлежащего обычно считается ответственным признак финитности, связанный с лично-числовым согласованием, мы будем считать, что деепричастная форма соответствует вершине C{-fin}.

Источники происхождения деепричастий

Исторически английский герундий восходит к суффиксам отглагольных имен *-ung, -ing*, объединившимся с причастным суффиксом *-ende-* [24]. Отглагольные имена на *-ung, -ing* [24] представляли собой существительные с точки зрения всех релевантных свойств: возглавляемые ими проекции имели дистрибуцию именных групп, а их внутренний синтаксис предполагал присоединение прилагательных и генитивных групп:

(11) ДР.-АНГЛ. Alfred: Bede, VII–VIII вв. [24]

in	leorn-ung-e	haligr-a	gewrit-a
в	изучать-Nmn-DAT	святой-GEN	писание-GEN

в изучении Священного Писания

Еще с древнеанглийского периода происходит слияние отглагольного имени с причастием настоящего времени на *-ende-*, что приводит к морфологической регулярности новообразованной формы. Периодизация дальнейших процессов выглядит примерно так: около 1200 г. засвидетельствованы первые употребления наречий, около 1300 г. – первые (неомонимичные) употребления герундия с прямым объектом:

(12) ДР.-АНГЛ. [27]

In	ordaining	of	prest-es	and	clerk-es
в	планировании	GEN	священник-Pl	и	служитель-Pl
And	in	casting	kirc	werk-es	
и	в	планировании	церковь	работа-Pl	

… в организации священников и служителей и в планировании церковных работ

В 1417 г. засвидетельствовано первое употребление пассива, примерно 1580 г. датируется первое зафиксированное употребление вида (*after having failed*) [24].

Преобразованию внутренней структуры из именной в глагольную, т.е. аналогичную той, что есть в глагольных группах, способствовала омонимия некоторых прилагательных и наречий, частичная омонимия падежных форм, исчезновение морфологических падежей и т.д.

Согласно Т. Фанего, в момент появления первых примеров герундия со свойствами глагольной группы наступает актуализация, т.е. в языке появляется новая, прежде не отмеченная, синтаксическая конструкция [24]. Актуализация происходит после реанализа и, по мнению некоторых авторов, в отличие от реанализа является постепенным процессом [25].

Достаточно хорошо описана и история образования русских деепричастий [3; 12] и т.д., также существуют специальные исследования данной проблемы [3; 8; 13]. Источником деепричастий послужили краткие формы действительных причастий. Прежде всего это были формы им.п. ед.ч. м.р. на *-а* и *-я* (первая заменялась второй) и ж.р. на *-учи/-ачи/-ячи*, образовывавшие причастия настоящего времени, и формы им.п. на *-въ(ши)*, образовывавшие причастия прошедшего времени.

В примере ниже отмечены формы кратких причастий, возглавляющие причастный оборот, примыкающий к своему логическому субъекту (*перебродяся; испросивъше*) или достаточно удаленный от него (*хотяще, имъ)*:

(13) ДР.-РУС., XIII в.

Тъгъда же Мьстислав [перебродяся (Prt.Prs) Днѣпрь], прѣиде в 1000 вои на сторожи татарьскыя, и побѣди я, а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимь Гемябѣгомь въ курганъ Половьчьскыи, и ту имъ не бы мочи, и погрѣбоша воеводу своего Гемябега жива въ земли, [хотяще (Prt.Pst) животъ его ублюсти]; и ту и налезоша, [испросивъше (Prt.Pst)] Половьци у Мьстислава, и убиша и.

Тогда же Мстислав, перебродив Днепр, пришел с 1000 воинов к татарским полкам, и победил их. Оставшиеся татары с воеводой своим Гемябеком (Ганибеком?) убежали на Половецкий курган, и не было им тут помощи. И зарыли они воеводу своего Гемябека живого в землю, желая сохранить ему жизнь. Но здесь его нашли половцы, испросив его у Мстислава, и убили его.

В дальнейшем происходило рассогласование с подлежащим в числе, роде и падеже, что привело к переосмыслению показателей *-а*/*-я*, *-учи*/*-ачи*/*-ячи, -въ(ши)* в деепричастные. Ниже приведены примеры употребления *-и* вместо окончания им.п. мн.ч. *-е* и рассогласования в роде: форма м.р. *возмя* используется для подлежащего ж.р.

(14) СР.-РУС. Казанский летописец, XVI в. [21]

*... по своеи воли живущ**и** и сами собой властвующе и никому же покаряющися*

(15) др.-рус. Моск. гр. 1388 [3, с. 354]

*А дастъ ми Богъ сына, и Княгиня моя подѣлитъ его, возм**я** по части у большиѣ его братии.*

По мнению J.I. Bjørnflaten, нарушение согласования наблюдается начиная с XIV в. [21], а к XVI в., по данным Т. Джангобековой [5], несогласованных форм становится уже около половины (47%). С другой стороны, для древненовгородского диалекта А.А. Зализняк утверждает, что «уже в ранне-др.-р. период в живой речи такие причастия утратили согласование (и, следовательно, превратились в чистые деепричастия) во фразах, где их агенс входил в состав главного предложения, но не в качестве подлежащего, а в качестве второстепенного члена» [7, с. 184].

Итак, деепричастные употребления английского герундия восходят к отглагольным существительным (и отчасти – причастиям), а русское деепричастие – к кратким действительным причастиям.

Особенности образования деепричастий в русском языке

Чтобы исчерпывающе описать структуру исходных конструкций, необходимо понять: 1) каков синтаксический статус проекции с интересующей нас формой, 2) какова ее функция в матричной предикации, 3) что является в ней подлежащим и как оно выражается.

В отличие от современного русского, в котором предикативное употребление действительных причастий затруднено [2], древнерусский допускал предикативное употребление, при этом действительные причастия могли употребляться как самостоятельно (пример 16), так и со связками (пример 17). Присвязочное употребление регулярно встречается с причастиями настоящего времени и редко – с причастиями прошедшего [9, с. 17–21].

(16) др.-рус. [14]

a. *избивахуть Суждалци. по городомъ и по селомъ. А товаръ ихъ **грабяче***

b. *не противу же Ростиславичема. бьяхуться Володимѣрци. но не **хотяче** покоритися Ростовьцемъ. и Суждальцемь. и Муромьце(м)*

c. *то слышавши Олговичи. Всеволодичь. С(вя)тославъ. обрадовашася. аки не **вѣдоуще**. Б(о)жия казни*

d. *иже просвѣти Рускую землю акы с(ъ)лнце луча **пущая***

(17) др.-рус. [9, с. 18]

a. ***суть** же (Грьци) хитро **сказующе**…*

b. *… **быша** три солнца **сѣяюче** межи собою, а столпы три **стояще** от земли до небеси.*

c. Послахъ отрокъ свои в Печеру, люди, яже ***суть*** *дань* ***дающе*** *Новугороду.*

d. Аще ли ***будете живуще*** *в распряхъ …*

Возможность употребления связки свидетельствует о наличии функциональной вершины, ответственной за выражение времени, т.е. T(I). О возможности образования деепричастной клаузой проекции уровня CP говорит их способность присоединяться к главному предложению при помощи сочинительного (примеры 16a, 16b) или подчинительного (примеры 16c, 16d, 17d) союзов, а также употребление с местоимениями, задающими относительные предложения (пример 17c).

То, что причастные клаузы могли иметь тот же уровень проекции, что и финитные предложения, с которыми они образовывали сложную предикацию, подтверждается, например, симметричными конструкциями с повторяющимися сочинительными союзами:

(18) ДР.-РУС., НОВГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ XII в. [3, с. 351]

а нынѣ ***вода*** *новоу женоу, а мънѣ не* ***въдастъ*** *ничьто же*

Важным наблюдением, сделанным в работе А.В. Сахаровой, является то, что причастные клаузы, как правило, соответствовали не основным, а фоновым событиям повествования, т.е. обозначали «ситуации, одновременные событиям основной последовательности или иным образом хронологически на них накладывающиеся» [13, с. 5]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что исходные для деепричастий конструкции имели семантику, которая предполагала их употребление в обстоятельственной функции.

Что касается подлежащего в исследуемых причастных клаузах, то оно чаще всего совпадало с подлежащим главной клаузы и не получало фонологической реализации: «В целом, однако, конструкция с несовпадающими подлежащими является для берестяных грамот редкостью» [8, с. 182]. При этом, как показано в исследовании А.В. Сахаровой, для текстов Новгородской первой летописи (XI–XIV вв.), фонологически выраженные подлежащие в составляющих, возглавляемых причастиями, встречаются хоть и не часто, но достаточно регулярно, ср.:

(19) ДР.-РУС. [13]

Нь преблагыи Богъ не ***хотя*** *смерти грѣшникомъ: на томъ холмѣ церкви святого Василиа есть, якоже послѣди скажемъ.*

В примерах типа 19 причастие употреблено без связки и имеет собственное подлежащее, из чего можно заключить, что на определенном этапе развития языка действительные причастия в подобных предикациях могли быть единственной глагольной формой. Можно предположить, что конструкции, в которых связка оставалась невыраженной, были одним из этапов

реанализа. Причастные формы переинтерпретировались как находящиеся в позиции вершины главного предложения. При этом, будучи лишены признаков финитности (лично-числовое согласование, время), они были неспособны проверить признаки лица, числа и падежа у подлежащих.

Как следует из исследования А.В. Сахаровой, если клауза с причастным оборотом имела собственное выраженное подлежащее, на него обычно накладывались определенные семантические и/или структурные ограничения [13]. Семантически такие подлежащие чаще всего были обозначением стихийных сил, времени (года, суток,…) и т.д., а структурное ограничение состояло, как правило, в употреблении дательного самостоятельного (для примеров ниже выполняются оба требования):

(20) др.-рус. [13, с. 105, 189]

a. Заутра же, солнцу ***въсходящу****, внидоша (крестоносцы) въ святую Софѣю, и одраша двери и расѣкоша*

b. …и постиже я и бися с ними. и абие ***приспѣвши*** *нощи, и отступися въ островъ далече, а Емь на брезѣ с полономъ*

Примечательно, что похожая семантическая закономерность наблюдается с тюркскими конвербами на *-п*: будучи односубъектными, они позволяют разносубъектные употребления либо при условии, что подлежащие соотносятся как «часть–целое», либо если подлежащие представляют собой силы стихии и природы (см. пример 5). Можно предположить, что подобные «псевдосубъекты» допустимы в контекстах, не вполне легитимных для «правильных» подлежащих, по той причине, что они лишены полного набора φ-признаков[1] и являются «неполноценными» подлежащими, похожими по своим свойствам на эксплетивные нулевые подлежащие, встречающиеся в ряде языков при выражении того же значения, ср. рус.: *Светало, Горит* и т.п.

Возвращаясь к древнерусскому, заметим, что подлежащее причастной конструкции могло и оставаться невыраженным, и не совпадать с субъектом главной клаузы:

(21) др.-рус., XII в. [7, с. 182]

и быс лесть въ переяславцехъ, ***рекоуче*** *(а именно, они говорили): «Гюрги …»*

В примере 21 логическим субъектом причастия *рекоуче* оказывается локативная ИГ *въ переяславцехъ* (отметим также рассогласование). Для

[1] В минимализме под φ-признаками понимаются признаки лица и числа, проверка φ-признаков происходит в вершине T/I. В результате этого данная функциональная вершина освобождается от неинтерпретируемых признаков, что является необходимым условием успешной деривации. Формы типа светало и т.п., очевидно, не выражают значения лица (и, возможно, числа), и, стало быть, лишены соответствующего признака.

причастного оборота вполне естественно не иметь собственного подлежащего и служить определением к косвеннопадежной ИГ.

Как указывается в работе А.В. Сахаровой, «если же подлежащее данной предикации не совпадает при этом с подлежащим предикации нарративной последовательности, обозначающей одновременную ситуацию, используется чаще всего дательный самостоятельный» [13, с. 188]:

(22) др.-рус. [13, с. 105, 196]

В лѣто 6574. Ростиславу ***сущю*** *Тмутороканю и* ***емлющю*** *дань у Касогъ и у иных странъ, сего же убоявшеся Грѣци, послаша с лестию катопана.*

Здесь мы подходим к вопросу о синтаксической роли причастных клауз в матричной предикации. Прежде всего, можно упомянуть отмеченные выше сочиненные (примеры 16a, 16b) и подчиненные (16c, 16d; 17d) предикативные употребления. Добавим, что достаточно регулярно причастные клаузы, задающие события, предшествующие моменту основного действия или одновременные с ним, выносятся в начало предложения, см. ниже примеры с дательным самостоятельным:

(23) др.-рус., XIII в. [13, с. 94]

a. Тому же лѣту ***исходящу****, на весну ходи Романъ с новгородци к Торопцу.*

b. Тому же пакы лѣту ***исъходящю****, и съсылахуся новгородци къ Всеволоду посадника дѣля Мирожки и Иванка и Фомѣ*

Другим регулярным способом употребления причастных клауз является определительный оборот, относящийся к именной (пример 21, 24) либо местоименной (пример 25), вершине:

(24) др.-рус., XII в. [7, с. 184]

даи Богъ ѥго молитвоу вьсѣмь хрьстияном и мьнѣ хоудомоу Наславу, ***правѧщи*** *ѥго ороудия въ правьдоу*

(25) др.-рус., XII в. [14]

и оупадоша ѡлговичемъ в ручѣ и тако изъимаша ѣ. ***держаще*** *стягъ Ярополчь*

Как видно из примеров 23–25, причастные клаузы часто располагаются либо в начале предикации, к которой они относятся, либо в конце. Препозиция часто связана с выражением фоновых или предшествующих событий, а причиной выноса вправо является, скорее всего, синтаксическая «тяжесть» составляющих. Так или иначе, невложенное расположение причастных клауз способствовало их интерпретации в качестве клаузальных адъюнктов.

В таких конструкциях причастные определения, вероятнее всего, проецируют не полную CP, а некоторую PartP, ср. грамматичность причаст-

ных перифраз в современном русском (*дай Бог его молитвоу всем христианам и мне, ничтожному Наславу, исправляющему его дела; и попали Олеговичам в руки и так поймали их, держащих стяг Ярополков*). Отметим здесь важный случай синтаксической омонимии, которая, как известно, играет принципиальную роль в грамматических изменениях [30]. Предложения типа 16d имели в древнерусском три синтаксически возможных прочтения (16d′, 16d′′ и 16d′′′), расположенных в порядке убывания их (семантической) достоверности:

(16) др.-рус. [14]

d. *иже просвѣти Рускую землю акы с(ъ)лнце луча* **пущая**

d′. *иже просвѣти Рускую землю* [$_{CP}$ *акы с(ъ)лнце луча пущая*]

d′′. *иже* [$_{VP}$ *просвѣти Рускую землю* [$_{DP}$ *акы с(ъ)лнце*]$_i$] [$_{PartP}$ PRO$_i$ *луча пущая*]

d′′′. *иже*$_k$ [$_{VP}$ *просвѣти Рускую землю* [$_{DP}$ *акы с(ъ)лнце*]] [$_{PartP}$ PRO$_k$ *луча пущая*]

В процессе развития деепричастных форм единственно возможным субъектом в них стало подлежащее главного предложения, как в варианте 16d′′′, а синтаксический уровень проекции закрепился такой же, как в варианте 16d′ – CP.

Рассмотрим пример 26. Субъект у предложения с «нормальным» (выраженным перфектным причастием) сказуемым отсутствует, или, вернее, выражается *pro*, а в причастной клаузе – представлен, т.е. ситуация обратна той, что мы наблюдали в примере 21:

(26) др.-рус., XII в. [7, с. 182]

се Жѧдъке ***пославъ*** *ѧбетника дова, и пограбила мѧ въ братни долгь*

Необязательность фонологического выражения подлежащего в финитных клаузах приводила к тому, что бесподлежащные причастные обороты могли восприниматься как CP. Невыраженность связки делала необязательным согласование в лице и числе и проверку падежных признаков. Малое *pro* таким образом могло восприниматься как PRO большое. Схематически переход от полноценных CP к нефинитным клаузам с обязательным отсутствием подлежащих (или, что то же, с обязательным наличием PRO) можно изобразить следующим образом:

(27) др.-рус.

a. [$_{CP}$ Su … Be$_{fin}$ … V$_{Part}$ ...]

b. [$_{CP}$ pro … Be$_{fin}$ … V$_{Part}$ ...]

c. [$_{CP}$ pro … Ø$_{fin}$ … V$_{Part}$ ...]

d. [$_{CP}$ PRO … Ø$_{fin}$ … V$_{Part}$ ...]

Суммируем то, что нам удалось установить о причастных клаузах, из которых образовывались русские деепричастия:

(28) 1) могли иметь собственный субъект, но чаще были лишены его;
2) если субъект был выражен, причастие не могло проверить признаков лица, числа и падежа;
3) при наличии подлежащего оно часто было представлено именами, обозначающими силы природы, либо вся клауза оформлялась как дательный самостоятельный;
4) причастные клаузы часто располагали тем же уровнем проекции, что и финитные предикации, CP;
5) синтаксически причастные клаузы регулярно адъюнгировалась к матричной предикации или одному из ее участников и располагались в абсолютном начале или конце матричной предикации;
6) семантически клаузы с причастиями обозначали второстепенные с точки зрения основного повествования события, которые, следовательно, не требовали независимой временной референции.

Свойства 1–3 предопределили дальнейшее употребление деепричастий с нулем подлежащего, а свойства 4–6 – их использование в функции клаузальных адъюнктов. В рамках дескриптивной лингвистики дальнейшая кристаллизация свойств деепричастий может объясняться тем, что некоторые их употребления были более частотными, следовательно, свойства, которые встречались менее регулярно, просто исчезали: «Генетической связью современного деепричастия с причастными формами объясняется недопустимость использования независимого деепричастного оборота типа “Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа.” Как историческое причастие, деепричастие *подъезжая* должно быть связано и с именем, обозначающим действующее лицо (*с меня – я*), и с глаголом, обозначающим производимое им действие (*слетела*)» [8, с. 84].

Подход с позиции теоретической лингвистики (неважно, типологической или формальной парадигмы) предполагал бы обратное: если есть универсальные закономерности, наблюдающиеся даже в генетически несвязанных языках, мы ожидаем, что деепричастие – некоторая устойчиво повторяющаяся в разных языках конструкция, к образованию которой приводят свойства человеческого языка как явления, а не конкретные факты истории определенных языков.

Современное русское деепричастие, действительно, субъектноориентировано, но изредка допускает и несубъектный контроль – это вполне могло бы быть наследием причастных клауз, из которых оно происходит. Подобная логика, однако, предполагала бы и способность, пусть и маргинальную, выражения деепричастиями собственного субъекта. Однако

контраст между «неграмматичностью» предложений с несубъектным контролем (пример 29) и предложений с разносубъектными деепричастиями (пример 30) очевиден. Точно также с современными деепричастиями абсолютно неграмматичны сочинительные и подчинительные союзы, которые были допустимы в древнерусском (пример 31):

(29) РУССКИЙ [17, с. 331]

Получив данные, будет выбран самый благоприятный момент для нанесения удара.

(30) РУССКИЙ

**Ученые / *ученым получив данные, будет выбран момент для удара.*

(31) РУССКИЙ

**Когда / *И получив данные, будет выбран момент для удара.*

Таким образом, объяснить свойства современных конструкций «параллельным переносом» грамматической системы (остаются те же свойства, но в иных пропорциях) из предыдущего состояния в настоящее не удастся. Свойства грамматических форм не есть результат удаления от одного какого-либо грамматического состояния, в нашем случае – древнерусского причастия, но и приближения к некоторому другому, т.е. тому, которое регулярно в языках мира представлено в виде деепричастий, конвербов и т.д.

Подобным полюсом, к которому приближались русские конструкции с деепричастиями, является грамматическая форма, обладающая свойствами, перечисленными нами выше в разделе «Что такое деепричастие?» (10). Из этих свойств наиболее важное влияние на процесс грамматикализации оказывает третий, предписывающий предикациям с деепричастиями отсутствие финитности (лично-числового согласования и признака времени).

Иными словами, если исходить из того, что одни и те же грамматические свойства деепричастий (10), повторяются от языка к языку неслучайно, а представлены в грамматике человеческого языка как некоторый набор признаков, из которого каждый язык на конкретном этапе развития выбирает определенную комбинацию, можно утверждать, что существует устойчивое сочетание признаков, выражающееся в отсутствии временнóй референции и лично-числового согласования. Именно к такому сочетанию как некоторому полюсу притяжения и стремились конструкции с русскими причастиями, а причинами, способствовавшими достижению этого состояния, явились исходные свойства причастных клауз (28). В частности, отсутствие выраженных субъекта и связки приводило к уподоблению этих конструкций нефинитным конструкциям с

PRO, а употребление их для выражения фонового действия – к приобретению роли клаузального адъюнкта.

Примечательно, что причастно-деепричастная форма, подобная той, что была в древнерусском, наблюдается и в других языках. Так, осетинский располагает формами на *-гæ,* которые имеют одновременно атрибутивную и обстоятельственную дистрибуцию:

(32) осетинский [1, с. 612]

a. судз-гæ сырагъ
горeть-Conv свеча
горящая свеча

b. уæрдоныл бад-гæ æрбацæйцыди
подъезжал сидеть-Conv на.арбе
Он подъезжал, сидя на арбе.

Похожая на древнерусскую ситуация наблюдается также в хинди [15] и в ряде других языков.

Представляется достаточно вероятным, что развитие деепричастных употреблений у причастных форм происходило по схожему сценарию: отсутствие признаков финитности у причастий и их употребление в роли адъюнкта или вторичного предиката приводило к закреплению за ними свойств, характерных для деепричастия – использование в роли адъюнкта клаузы и обязательное отсутствие фонологически выраженного субъекта.

Особенности образования английского герундия

Напомним, что согласно Т. Фанего английский герундий приобретал глагольные качества в следующем порядке: сначала появилась способность модифицироваться наречиями, затем – присоединять прямой объект, после этого развились пассивные и затем видовые значения [24]. Интересным в данной последовательности представляется то, что явно прослеживается направление развития структуры: «изнутри», т.е. от V, которое связано с наречной адъюнкцией и вставлением прямого объекта – «наружу», к v, также ответственному за прямой объект, но еще и за образование пассива, и далее – к AspP, которая, как принято считать, доминирует над vP [22].

Как утверждает Т. Фанего [24, p. 26, 37], первыми наращивать глагольную структуру начали те формы отглагольных существительных, которые, во-первых, употреблялись без определенных местоимений и посессора и, во-вторых, использовались в контексте предложных групп. Можно предположить, что за предложными группами с отглагольными часто стояло выражение временны́х интервалов и фоновых событий, ср.:

(33) ср.-англ. [24, p. 10, 24]

a. yn ***feblyng*** *þe body with moche fastyng*
in weakening the body by too much abstinence
в ослаблении тела чрезмерным постом

b. Vnder þy Monument ȝeo stod wiþoute ***wepyng*** *sore*
she stood close to the supulchre without weeping bitterly / without bitter weeping
она стояла рядом с надгробием без горького плача

Как представляется, именно в данных контекстах исходные именные группы с отглагольными существительными обладали внешним сходством с будущими конструкциями, содержащими PRO и глагольную структуру. Здесь мы принимаем вариант анализа, при котором *-ing* располагается в вершине I [18; 20], однако точное расположение данного показателя в современном английском (C/I) непринципиально.

(33´)от др.-англ. отглагольного имени к английскому герундию

a. $[_{DP}\ [_{NP}\ ]$-ing]

b. $[_{CP}$ PRO $[_{IP}\ [_{I}$ -ing] $[_{VP}\ [_{VP}\ ]\ ]\ ]$

Поверхностное сходство двух конструкций, архаичной и инновационной, приводило к синтаксической омонимии, которая, как известно, является (необходимым) спутником реанализа [31]. Важно при этом, что на определенном этапе истории английского языка, когда формы на *-ing* еще не развили (полноценной) способности присоединять глагольную группу и клаузальную оболочку, вариант анализа, в котором такая структура присутствует, уже имелся в сознании говорящего, что и приводило к переинтерпретации (33´a – в 33´b). Но если структура b не была представлена среди поверхностных структур английского языка того времени, значит, она существовала в сознании носителей благодаря тому, что представлена в некотором универсальном наборе структур, доступном любому человеку.

Что касается способов кодирования подлежащего в формах на *-ing*, то они долгое время ограничивались генитивом: «Subject argument in nongenetive form occured sporadically from Late Middle English, but remained very rare for a long time afterwards …» («Субъектный участник в негенитивной форме встречался спорадически с периода раннего среднеанглийского, но остался крайне редкой формой впоследствии») [24, p. 9]. Аккузативные подлежащие начинают регулярно встречаться в текстах лишь в XVI–XVII вв. [19].

Данный факт вполне вписывается в картину «нарастания» структуры по направлению от лексической проекции, V, к максимальной функциональной проекции, C. У прежнего способа кодирования подлежащего при помощи спецификатора именной проекции (= посессивного генитива) появляется альтернатива в виде аккузатива. Согласно наиболее распрос-

траненной точке зрения, подобное аккузативное подлежащее в нефинитных конструкциях лицензируется внешней по отношению к СР с герундием вершиной, прежде всего – глаголом или предлогом [18; 30]:

(34) английский [30]

a. The architects$_j$ favored [them$_{*j}$ being placed upon the investigations committee].

Архитекторы$_j$ одобрили их$_{*j}$ включение в исследовательский комитет.

b. John$_j$ counted on [him$_{*j}$ being elected]

Джон$_j$ рассчитывал на его$_{*j}$ избрание

Подобный «нефинитный» статус аккузативных подлежащих в английском подтверждается рядом свойств, отличающих их от генитивных субъектов. Например, в то время как вопросительный вынос внутреннего участника из клауз с аккузативным субъектом грамматичен, существует запрет такого выноса из генитивных конструкций.

(35) английский [23, p. 26]

*a. We remember **him** describing Rome.*

Мы помним его описание Рима.

*b. What city$_i$ do you remember **him** describing t_i?*

*Какого города вы помните его описание?

(36) английский [23, p. 26]

*a. We remember **his** describing Rome.*

Мы помним его описание Рима.

*b. *What city$_i$ do you remember **his** describing t_i?*

*Какого города вы помните его описание?

Предикации с PRO объединяются в данном случае с аккузативными клаузами:

(37) английский

a. He avoided PRO bringing up statistics on past elections.

Он избегал упоминания статистики по прошлым выборам.

b. What statistics$_i$ did he avoid bringing up t_i in this speech?

*Какой статистики он избегал упоминания в своей речи?

Внешняя дистрибуция двух данных типов герундия во многом схожа, ср., например, употребление в функции адъюнктов, возглавляемых послелогами, в следующем примере:

(38) английский

a. Before PRO leaving, we all had a party.

Перед отъездом у всех у нас была вечеринка.

b. Before him leaving, we all had a party.

Перед его отъездом у всех у нас была вечеринка.

Несмотря на то, что как внешний, так и внутренний синтаксис аккузативных герундиев и PRO герундиев совпадает не полностью, их объединяет важное общее свойство: и тот, и другой присваивают семантическую роль своему логическому субъекту. Так, пример 39a не предполагает конкретного ныряльщика и события ныряния. В то же время примеры 39b, 39c подразумевают, что некоторый определенный субъект был участником некоторого акта грациозного ныряния, а разница между предложениями 39b и 39c в том, что данный субъект в примере 39b кореферентен субъекту главной клаузы, а в предложении 39c выражен прономиналом и не имеет антецедента в предложении:

(39) английский

a. I enjoy graceful diving. [23, p. 28]

Я наслаждался грациозным ныряниeм.

b. I enjoy [PRO diving gracefully]. [23, p. 28]

Я наслаждался грациозным ныряниeм (ныряя грациозно).

c. I enjoyed [her diving gracefully].

Я наслаждался ее грациозным ныряниeм.

Итак, в двух данных типах герундия присутствует субъект, причем такой, φ-признаки которого не могут быть проверены.

Можно утверждать, что изначальные конструкции с отглагольными именами семантически были эквиваленты примеру 39a – синтаксический субъект (PRO) в них отсутствовал. Мы не располагаем точными данными о времени появления в английском языке конструкций с PRO-герундием, однако можно предположить, что оно примерно совпадает с временем образования аккузативной конструкции.

Таким образом, оба типа субъектов, аккузативный и PRO, подтверждают направленность «нарастания» внутренней структуры от ядра к периферии: после того, как внутреннее клаузальное наполнение новообразованных герундиев последовательно «доросло» до определенного уровня проекции, появилась возможность выражения («дефектных») подлежащих.

Заключение: общие закономерности в эволюции деепричастий

Направление грамматических изменений внутренней структуры (будущих) деепричастий было противоположным в русском и английском. В то время как предикации с русскими причастиями утрачивали часть свойств финитных CP – способность выражать подлежащее, включать сочинительные и подчинительные союзы, иметь самостоятельную временную референцию и т.д., английский герундий, напротив, развивался в направлении от V к C. Можно сказать, что в русских (дее)причастных

клаузах исчезало финитное C, в то время как в английских клаузах с герундием появлялось нефинитное.

В наблюдении за историей развития деепричастий представляются важным два аспекта: нефинитность и PRO. Нефинитность – то, что объединяет обе исходных структуры, русские причастия и английское отглагольное существительное. Нефинитность была отправной точкой развития деепричастных форм в обоих языках и предопределила набор употреблений, частично специфический, частично совпадающий у данных конструкций в двух языках. Главное общее свойство, способствовавшее образованию формы, специализирующейся в роли клаузального адъюнкта, – обстоятельственное употребление при передаче предшествующего либо фонового события. Морфосинтаксические особенности этого употребления в русском и английском языках отличались: в русском они представляли собой причастные адъюнкты к VP, клаузе или именной группе, а в английском – предложные группы.

Примечательно, что правила внешней дистрибуции – как раз то, что во многом сохранилось в каждом из языков и что отличает их друг от друга: русские деепричастия в отличие от английских герундиев никогда не употребляются в контексте предлогов или в аргументных позициях, не оформляют сентенциальных актантов и т.д.

Что касается второго важного аспекта развития деепричастных свойств, PRO, то он явился инновационным для каждого из языков. Располагая различными отправными точками в своем развитии, русское деепричастие и английский герундий сошлись в одной общей конечной точке – в их способности проецировать структуры с фонологически невыраженным аргументным участником, PRO. Сам факт «попадания» в общую конечную точку из разных начальных говорит о детерминированности грамматических процессов и объективной реальности универсальной грамматики.

Интересной закономерностью представляется то, что мы не наблюдаем развития деепричастных (других нефинитных) форм из финитных. Действительно, если отталкиваться лишь от частотности употребления некоторых глагольных форм при оформлении зависимых предикаций, вполне вероятным источником представлялись бы, например, наиболее частотные зависимые формы третьего лица. Но мы не наблюдаем подобных трансформаций – нефинитные формы легко переходят одна в другую, но не образуются из финитных. Как представляется, данное наблюдение говорит о том, что нефинитность не является лингвистическим артефактом, а обладает определенной реальностью, в первую очередь, благодаря наличию PRO в универсальном лексиконе.

Свойства PRO несколько отличаются в русском и английском: русский язык допускает в основном лишь субъектный контроль, в то время как английское PRO может контролироваться из других синтаксических позиций [23]. Можно предположить, что русские нефинитные употребления причастий эволюционируют несколько дольше, чем английский герундий, которому еще только предстоит развить субъектную ориентированность в контекстах с PRO. Однако такой сценарий совершенно необязателен: возможно, субъектная ориентированность является таким же параметром варьирования в типологии деепричастий, как и разносубъектность. Подобная внутридеепричастная параметризация требует отдельного исследования.

Библиографический список

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
2. Богданов А.В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов в русском языке: Дис. … канд. филол. наук. МГУ, 2011.
3. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е, стереотип. М., 2006.
4. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986.
5. Джангобекова Т. Краткие действительные причастия в «Истории о великом князе московском» А. Курбского: структура и функции // Науковий вісник Ужгородського університету. 2008. Сер. «Філологія». Вип. 18.
6. Ермолаева М. Деепричастия в рыбушкинском варианте мишарского диалекта. Отчет по итогам экспедиции МГУ в сел. Рыбушкино Нижегородской области. М., 2012.
7. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
8. Киржаева В.П. Историческая грамматика русского языка. Саранск, 2010.
9. Ломтев Т.П. Из истории синтаксиса русского языка. М., 1954.
10. Недялков В.П. Основные типы деепричастий // Недялков В.П. Типология и грамматика. М., 1990. С. 36–59.
11. Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Обстоятельственные предложения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Под ред. Лютиковой Е.А и др. Казань, 2007. С. 38–82.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
13. Сахарова А.В. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: критерии распределения предикаций на причастные и финитные в комиссионном списке новгородской первой летописи: Дис. … канд. филол. наук. М., 2007.
14. Седукова Н.А. Предикативное употребление действительных причастий настоящего времени в Киевской летописи: Доклад на конференции «Ломоносовские чтения–2013».
15. Сигорский А.А. Деепричастия в языке хинди // Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. тр. № 21 (36). М., 2005. С. 54–63.

16. Татарская грамматика. Т. II. Морфология / Под ред. М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, К.З. Зиниатуллиной. Казань, 1993.
17. Тестелец Я.Г. Общий синтаксис. М., 2001.
18. Alboiu G. When CP domains are pro-Case // The Annual Meeting of the Canadian Linguistic Association. University of Western Ontario. London, May. 2005 // York University. URL: http://www.yorku.ca/galboiu/documents/CLA-05_001.pdf (дата обращения: 10.09.2013).
19. Alboiu G. A-Probes, Case, and (In)Visibility. 2010 // LingBuzz. URL: http://ling.auf.net/lingBuzz/001163 (дата обращения: 10.09.2013).
20. Baker M. On Gerunds and the Theory of Categories. 2005. Ms, Rutgers University.
21. Bjørnflaten J.I. Grammaticalization theory and the formation of gerunds in Russian // Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus / Hansen B. & Grković-Major J. (eds.). Munchen, Berlin, Wien, 2009. С. 19–29.
22. Cinque G. Adverbs and Functional Heads. A cross-linguistic perspective. NY, 1999.
23. Cornilescu A. Gerund Clauses // Complementation in English. A Minimalist Perspective. Bucharest, 2004. URL: http://ebooks.unibuc.ro/filologie/cornilescu/14.pdf (дата обращения: 10.09.2013).
24. Fanego Th. On reanalysis and actualization in syntactic change. The rise and development of English verbal gerunds // Diachronica. 2004. V. 21. № 1. № 5. P. 55.
25. Harris A.C., Campbell L. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge, 1995.
26. Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // Converbs in cross-linguistic perspective / M. Haspelmath & E. König (eds.). Berlin, 1995. P. 1–55.
27. Kurath H., Kuhn Sh.M. Middle English Dictionary: Part C. 3. Michigan, 1959.
28. Lebeaux D. Anaphoric Binding and the Definition of PRO // Proceedings of NELS14 / J. Charles & P. Sells (eds.). Amherst, 1984. С. 253–274.
29. Pires A. Clausal and TP–Defective Gerunds: Control without Tense // Proceedings of NELS 31 / M. Kim, U. Strauss (eds.). Amherst, 2001. P. 386– 406.
30. Reuland E.J. Governing *-ing* // Linguistic Inquiry. 1983. № 14. P. 101–136.
31. Roberts I., Rousseau A. Syntactic Change. A Minimalist Approach to Grammaticalization. Cambridge, 2003.

М.Н. Дорохина

К вопросу о категории предельности

В статье рассматривается эволюция предельных отношений в системе глагола в разные исторические периоды развития английского языка: древнеанглийском, среднеанглийском и ранненовоанглийском. Автор исследует вопрос о том, как

реализуется категория предельности на семантическом, лексическом и лексико-грамматическом уровнях. Особое внимание уделено функционированию лексико-грамматических показателей предельности: префиксов и послелогов.

Ключевые слова: предельность, лексико-грамматическая категория, послелоги, положительная видовая заряженность, отрицательная видовая заряженность, пространственно-временные отношения, адвербиалии.

По определению И.Г. Кошевой, основной функцией категории предельности является выражение пространственно-временных отношений реальной действительности. Категория предельности охватывает и именную, и глагольную системы, а далее реализуется в словосочетании, в предложении, сверхфразовом единстве и тексте. Эта категория существует на всех уровнях языковой абстракции: семантическом, лексическом, парадигматическом и синтагматическом [7, с. 154].

На *семантическом уровне* за основу берется исходная семантика языковых структур, так называемый семантико-фонетический комплекс (СФК), являющийся единицей кодирования информации, структура которого представляет собой фиксированную последовательность согласных в корне слова [Там же, с. 17]. Поскольку каждый СФК обладает особым видовым зарядом, возникает следующая оппозиция: положительно-заряженные СФК – отрицательно-заряженные СФК [4, с. 116]. Положительно-заряженные СФК, как их характеризует И.Я. Курилина, принадлежат к универсально-семантическому полю обладания, которые имеют ограниченный характер протекания действий, тогда как отрицательно-заряженные СФК относятся к полю бытия с неограниченным характером протекания действий [9, с. 6].

Положительно-заряженные СФК типа *b(ui)ld*, *t(a)k(e)*, *(e)nt(e)r* на семантическом уровне выражают направленность к конечной точке протекания действия, представляющей собой его предел.

Отрицательно-заряженные СФК типа: *l(i)v(e)*, *l(o)v(e)*, *w(a)lk* на семантическом уровне выражают действия с беспредельным характером протекания.

На следующем *лексическом уровне* создаются лексические единицы. При этом семантический видовой характер сохраняется в производной лексеме вне зависимости от того, к какой части речи она принадлежит [7, с. 154]. Например: *L(o)v(e)* – *love (v)*, *lovely* (adj) – сохраняется значение непредельности; *(E)nt(e)r* – *enter*(v), *entrance* (n) – сохраняется значение предельности. Безусловно, видовая характеристика глагольных и именных форм будет также зависеть и от присущих им константы значений: статики или динамики.

Как полагают ученые, динамичный характер глагольных словоформ усиливает их видовой характер, а статичный характер именных словоформ – ослабляет, но не приводит к исчезновению изначально присущей им видовой характеристики [2, с. 8–15; 7, с. 154].

На лексическом уровне возникает оппозиция глагольных форм, в основе которой лежит разделение по способу действия (СД): предельный глагол как глагол положительного способа действия – непредельный глагол как глагол отрицательного способа действия. Глаголы положительного способа действия (СД+) в своем значении содержат ограниченность протекания глагольного действия; глаголы отрицательного способа действия (СД–) передают действия, неограниченные в своем протекании [4, с. 117].

В группу предельных глаголов входят: результативные (*build, put*), инхоативные (*start, finish*), мгновенные (*fall* и т.д.). Они различаются по описательному и определительно-количественному характеру. Инхоативные глаголы описывают процесс действия в его начинательной или завершительной фазе; в результативных и мгновенных глаголах важен результат действия, который определяет их количественно-объемную характеристику.

Среди непредельных глаголов выделяют: длительные (*love, see*), курсивные (*draw*) и т.п., т.е. те, которые характеризуются длительным характером протекания действия.

На *лексико-грамматическом* уровне функционирует лексико-грамматический показатель, который способствует формированию противопоставлений более высокого уровня. В роли такого лексико-грамматического показателя выступают послелоги (*in, out, up* и т.д.) [Там же, с. 119].

Французский лингвист Антуан Мейе писал, что «послелоги» произошли от праиндоевропейских специальных элементов, преломляющих в языке пространственные отношения, называемые адвербиалиями [11, с. 234].

В 1950-е гг. И.Е. Аничков вводит понятие «адвербиального послелога» и посвящает свои труды исследованию их функционирования. Он выражает следующую точку зрения: послелоги – это знаменательные слова, которые в предложении выполняют функцию наречий [1, с. 389].

Необходимо отметить, что функция послелогов не только грамматическая – показатель предела действия, но и словообразовательная – уточнение или изменение лексического значения исходного глагола, в силу чего они являются не «чисто» лексическими или грамматическими, а лексико-грамматическими знаками языка. Иными словами, послелоги – это единицы лексико-грамматического характера.

Если на лексическом уровне противопоставление: «предельный глагол – непредельный глагол» строится на основе способа действия (поло-

жительного или отрицательного), то на лексико-грамматическом уровне наличие послелога делает глагол *грамматически предельным*, а отсутствие послелога – *грамматически непредельным*. При этом послелоги, присоединяясь к лексически предельным глаголам, усиливают их предельный характер, а в сочетании с лексически непредельными глаголами – сообщают им лексико-грамматическую предельность. Таким образом, дифференциация по способу действия не является определяющей на лексико-грамматическом уровне, но оказывается обязательной в формировании предельных отношений: *to come* (непредельный глагол) – *to come in* (предельный глагол).

Отдельно целесообразно остановиться на происхождении послелогов в английском языке.

Анализ фактического материала убедительно свидетельствует о том, что послелоги произошли от древнеанглийских лексически полнозначных приставок (*ūt-, forþ-, up-*, *in-, ofer-, ymb-, for-, æt-)*, которые, прежде всего, являлись словообразовательными элементами, меняли семантическое значение глагола, к которому они присоединялись. Например: *æt-ferian – to carry away* («удаление от некой точки, объекта»); *ūp-cyne – to rise* («движение вверх»); *ymb-iernan – to run round* («движение вокруг»).

Также необходимо отметить, что лексически-значимые префиксы выражали и абстрактный предел действия. Приставочный глагол описывал действие, ограниченное неким пределом, а бесприставочный – бесконечное действие, не имеющее конечной точки протекания.

O.E. 18 Sóþlíce đá þing đe of đam múþe gáþ, **cumaþ** of đære heortan, and đa besmítaþ đone mann.

M.E. 18 But tho thingis that cummen forth fro the mouth, **gon out** of the herte, and tho thingus defoulen a man.

E.M.E. 18 Butt those thinges which procede out of the mought, **come** from the herte, and they dyffyle a man (Gospels of S. Mathew, chapter 15) [14, c. 78].

А исходящее из уст – из сердца ***исходит*** *– сие оскверняет человека* [12, с. 57].

O.E. 53 And đá hí **ofer-segledon**, hi comon to Genesaret, and đar wícedon.

M.E. 53 And whanne thei hadden **passid ouer** the see, thei camen in to the loud of Ganazareth, and setten to londe.

E.M.E. 53 And they **cam over**, and went into the loude off Genazareth, and drue vp into the haven (Gospels of S. Mark, chapter 6) [14, c. 198].

И, переправившись*, прибыли в землю Геннисаретскую и пристали к берегу* [12, с. 141].

Как показывают примеры, взятые из Евангелия, два древнеанглийских глагола *cumaþ* и *ofer-segledon* выражают разные действия с точки зрения

их протекания в пространстве. Если первый глагол *cuma þ*, соответствующий ранненовоанглийскому *come* (*исходит*) – передает процесс протекания действия, его длительность, то второй глагол *ofer-segledon – camover* (*переправившись*), обозначает результат действия, преодоление некой преграды, а не процесс.

Следует отметить, что глаголы с полнозначными префиксами не передавали завершенность или полноту действия, а выражали лишь *направленность к достижению предела, сосредоточенного в префиксе.* Завершенность/незавершенность действия определялась контекстом.

Наряду с полнозначными префиксами, в древнеанглийском языке функционировали и глаголы с десемантизированными префиксами (*a-, be-, ge-*, *on-)*, которые, как определяет академик В.В. Виноградов, утратили свое вещественное значение [4, с. 137]. В. Штрайтберг, И.Г. Кошевая, Л.К. Свиридова и другие полагают, что эти приставки тоже выражают предел действия, но не столько направленность к пределу, а саму его достигнутость [8, с. 94; 13].

O.E. 3 Ðá Herodes ðæt **gehýrde** ðá wearþ he gedréfed, and eal Hierosolim – waru mid him.

M.E. 3 Sothely kyng Hero de **herynge** is trublid, and al Jerusalem with him.

E.M.E. 3 Herode the kynge after he **had herde** thys was troubled, and all Jerusalem with hym (Gospels of S. Mathew, chapter 2) [14, c. 6].

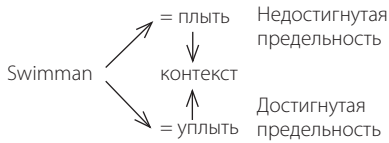
Услышав *это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним* [12, с. 8].

При анализе употребления глагола с десемантизированным префиксом *ge-* видно, что древнеанглийский глагол *gehýrde* соответствует ранненовоанглийской форме причастия прошедшего времени: *had herde*, что подтверждает, что глаголы с десемантизированными префиксами передают действия предельные и завершенные. В отличие от лексически значимых приставок, которые передают направленность к пределу, десемантизированные приставки акцентируют внимание на совершении действия, его результативности.

По мнению ряда исследователей (И. Вакернагеля, Б.А. Ильиша, И.Г. Кошевой, Л.К. Свиридовой) десемантизированные приставки *a-, ge-* в своей функции выражать завершенные действия напоминают приставки совершенного вида в русском языке и являются видовыми [3, с. 129–130; 8, с. 94; 15].

Однако отсутствие однозначно выраженного значения недостигнутости предела в бесприставочном глаголе снимает саму возможность выражения видовой оппозиции. Объясняется это тем, что в древнеанглийском языке бесприставочный глагол в видовом отношении полностью

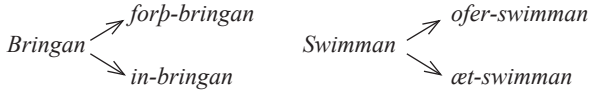
зависит от контекста, т.е. его форма оказывается аспектно-бифункционального типа:



Поэтому само противопоставление в силу такой хромающей оппозиции оказывалось эволюционно неустойчивым и требовало создания иных парадигматических моделей.

Итак, возникает системное противопоставление, охватывающее все глагольные формы, в основе которых лежит выражение предельного характера: отсутствие направленности к пределу / наличие направленности к пределу.

В полном соответствии с этим в языке появляются пары «бесприставочный глагол / глагол с полнозначной приставкой»:



Отношения между противоположными членами построены по принципу парадигматической автономии и носят центробежный характер (термин, введенный И. Вакернагелем) [6, с. 117]. Пары слов имеют единый корень, но полнозначные префиксы добавляют новое семантическое значение во вновь образованное слово. Иными словами, образуются лексически новые пары слов, отличающиеся от исходных.

В среднеанглийский период, когда, как известно германское силовое ударение передвигается на корень слова, подвергаются редукции конечные слоги, а лексически-значимые приставки постепенно отделяются от глагола и переходят в постпозицию. Например: *forþ-gǽþ* (древнеангл.) – *gon out* (среднеангл.)

Что касается судьбы десемантизированных приставок, то они под влиянием постепенного распада синтетического строя древнеанглийского языка нивелируются. Значения «законченности» и «завершенности» действия в среднеанглийском периоде выражаются простыми формами прошедшего времени или перфектными формами настоящего и прошедшего времени. Например:

Ge-endode (древнеангл.) → *hadde eendide* (среднеангл.) → *had fynysshed* (ранненовоангл.).

В ранненовоанглийском же периоде, по мнению И.Е. Аничкова, Б.А. Ильиша, и др., количество послелогов и глагольных сочетаний с послелогами заметно возрастает [1, с. 386–389; 3, с. 368].

Послелоги, как и полнозначные префиксы древнеанглийского языка, выражают идеи предела и, выполняя словообразовательную функцию, уточняют значение исходного слова. Например: *enter into – входить*. Послелог *into* не меняет семантику исходного глагола *enter*, но при этом передает некую четко выраженную направленность движению и служит пределом действия.

Но с течением времени, полагает Б.А. Ильиш, послелоги на основе пространственных значений развивают идиоматические, и английский язык все больше обогащается устойчивыми глагольными сочетаниями с послелогами [3, с. 369]:

Put →	*Put about*	*распространять*
Put →	*Put away*	*убирать*
Put →	*Put back*	*ставить на место*

Данные лексико-грамматические пары слов построены по принципу парадигматической автономии: вновь образованные глагольные сочетания с послелогами имеют единый корень с исходным словом *put*, но в семантическом отношении отличаются от исходного слова. Наличие послелогов превращает составные глаголы (*put about, put away, put back*) в *грамматически предельные*, а отсутствие послелога делает исходный глагол *put грамматически непредельным*.

Итак, нами были рассмотрены способы выражения предельных отношений в разные исторические периоды английского языка. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что лексико-грамматическая категория предельности в языке служит для отражения ограничительных отношений реальной действительности. Лексико-грамматическим показателем предельности являются послелоги. Эти адвербиальные элементы, с одной стороны, могут существовать независимо в предложении, т.к. обладают индивидуальным лексическим значением, а с другой – в сочетании с глаголом служат направительно-маркированной точкой протекания глагольного действия.

Образование послелогов не случайно. Этимологически они произошли от древнеанглийских полнозначных приставок и постепенно стали составной частью глагольной парадигмы: глагол без послелога / глагол с послелогом. Так, в основе образования лексико-грамматических пар лежит принцип парадигматической автономии с центробежной направленностью. Однако такие оппозиционные пары характеризуются своей

нестабильностью. Это связано с удаленностью каждого вновь образованного глагола с послелогом от исходной глагольной формы, что препятствует появлению грамматически соотнесенных глагольных видовых пар, с центростремительной направленностью и парадигматической субординацией. Но именно этот момент характеризует предельность как категорию не грамматического, а лексико-грамматического плана, которая в иерархии видовых значений занимает позицию, приближающуюся к виду, но не равную ему, поскольку вид предполагает чисто грамматическую парадигму своего функционирования, основанную не на центробежной, а на центростремительной спаянности оппозиционно-парных дублетов.

Библиографический список

1. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
2. Арсланов В.Ш. Актуализация центробежности и центростремительности глагольно-именными конструкциями типа «to have a smoke» в англ. языке: Автореф. дис…. канд. филол. наук. М., 1993.
3. Ильиш Б.А. История английского языка. М., 1958.
4. Кошевая И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. М., 2008.
5. Кошевая И.Г. О тройной сегментации времени и пространства // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 64–67.
6. Кошевая И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка: Принципы формирования видо-временного значения в языке. Теоретический курс. Изд. 2-е, доп. М., 2012.
7. Кошевая И.Г. Теоретическая грамматика английского языка. М., 2012.
8. Кошевая И.Г., Свиридова Л.К. Грамматические структуры и категории английского языка: Теоретический курс. М., 2010.
9. Курилина И.Я. Структура глагольной лимитации. М., 1989.
10. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 4. С. 58–62.
11. Мейе А. Общеславянский язык. М., 2000.
12. Святое Евангелие. М., 2010.
13. Streitberg W. Perfective und Imperfective Aktionsart im Germanischen. P.B.B.XV-B., 1889.
14. The Gothic and Anglo-Saxon Gospels in parallel columns with the versions of Wicliffe and Tyndale. L., 1874.
15. Wackernagel J. Lectures on Syntax. Oxford, 2001.

В.В. Занозина

Спортивный комментарий как элемент акта коммуникации

В статье рассматривается подход к анализу спортивного комментария как элемента коммуникации в условиях стремительно развивающихся возможностей интернета. Особое внимание сосредоточено на особенностях коммуникации и составляющих ее элементах, а также на моделях коммуникации, помогающих охарактеризовать и описать спортивный комментарий как разновидность коммуникативного процесса, который происходит между спортивным комментатором и зрителем-болельщиком. Теория М.Я. Блоха, предложенная им для анализа речевого общения, является основой при анализе спортивного комментария в данной статье.

Ключевые слова: имиджслушающий, импликация, модели коммуникации, постсуппозиция, пресуппозиция, суппозиция.

В последние десятилетия в связи с развитием высоких информационных технологий встал вопрос о природе и свойствах информации. В современной лингвистике коммуникация понимается как процесс реализации системы языка, как акт общения и обмена информацией. Разработкой проблем коммуникации занимались различные ученые. М.М. Бахтин предложил модель коммуникации, основанную на принципе «диалогизма», когда вербальное высказывание всегда целенаправленно на собеседника-адресата, поэтому участники речевого акта в находятся в системе диалога [1, с. 424]. Классическая коммуникационная модель Романа Якобсона предполагает, что сообщение, содержащее информацию, исходит от адресанта к адресату по определенному каналу и с определенным кодом, которые обеспечивают контакт [3, с. 76–110].

В мире современных компьютерных технологий характер и сущность коммуникационных процессов кардинально видоизменились. Это явление – логический результат того, как быстро на планете растут источники получения новой информации и ее количество. Как сообщает «Российская газета», современный человек получает и обрабатывает за месяц такой же объем информации, как человек XVII в. – за всю жизнь, а в сети «Facebook» ежемесячно выкладывается в открытый доступ 30 млрд. новых источников информации. По прогнозам крупных аналитических компаний, количество информации на планете будет как минимум удваиваться каждые два года вплоть до 2020 г. [4]. Такой рост объема инфор-

мации приводит к тому, что человек оказывается в ситуации катастрофической нехватки времени для обработки получаемых из внешних источников данных, что вызывает необходимость экономии языковых средств, используемых для выражения смысла высказывания. В итоге, мы наблюдаем «кризис речевого общения» в современном обществе.

Следует отметить, что при общем росте объема генерируемой человеком информации релевантность информации снижается, и человеку необходимо количественно и качественно отфильтровывать информацию.

Теория регуляции речевого общения, выдвинутая профессором М.Я. Блохом, согласно которой «говорящий», как центральный субъект общения, посылает сообщение, содержащее информацию, при этом роль «слушающего» не менее важна, т.к. она во многом является целеполагающей для говорящего. Она определяет не только целевое предназначение информации, но и ее формальное содержание, которое зависит от характера запрашиваемых данных. Любая журналистская деятельность может рассматриваться как конкретное проявление речевого общения между говорящим и слушающим.

Спортивный репортаж по сути – это коммуникативный процесс, происходящий между спортивным комментатором и зрителями-болельщиками в медийном пространстве. Поскольку спортивный зритель всегда находится по другую сторону экрана или радиоустройства, «слущающий» для «говорящего» в этом случае предстает как некий предполагаемый образ, для которого предназначена информация – так называемый «имиджслушающий» (*imagelistener* – образ слушающего (М.Я. Блох), который присутствует в сознании говорящего, которому адресована информация) [2]. Очевидно, что при реализации речевого акта имиджслушающий является пассивным, хотя и необходимым участником спортивного репортажа. Следует отметить, что сейчас, во времена процветания интернет-технологий, спортивный комментатор имеет возможность устанавливать обратную связь (*feed back*) – общение с болельщиками посредством созданных ими сайтов, форумов, чатов, блогов, «Твиттера», где спортивные фанаты могут оставить свои комментарии по поводу репортажей. Таким образом, спортивный комментарий в настоящее время превратился в интерактивный процесс: как комментатор, так и слушатели/зрители – болельщики являются участниками акта коммуникации. В настоящее время болельщики получили возможность создавать свои сайты и фан-клубы, подписываться на собственные страницы футбольных клубов в «Facebook» или «Twitter» и в других сетях. Каждый английский футбольный клуб имеет свою информационную страницу в Интернете. Количество подписчиков на таких сайтах исчисляется десятками миллионов. Так, официальная

страница команды «Manchester United» в Англии имеет 35 млн зарегистрированных подписчиков. Как правило, спортивные болельщики ведут очень активную жизнь в Интернете, активно участвуя в обмене мнениями и комментировании спортивных событий. Несмотря на то, что в этом случае адресат информации в системе «говорящий» – спортивный репортер – «имиджслушающий» – зритель неизвестен, такая коммуникация становится более успешной, благодаря тому, что адресат выражает свою реакцию на посылаемую ему информацию.

Специальный язык спортивного комментария требует особой информационной подготовки «говорящего» и «слушающего», иными словами, и комментатор, и зритель должны иметь общий «фонд знаний», делающий их общение возможным и понятным. В лингвопрагматике общий фонд знаний трактуется как пресуппозиция (от англ. *presuppose* – предполагать, включать в себя), когда говорящий предполагает, что информация, передаваемая им адресату, будет понятна. Наличие фоновых знаний является необходимой предпосылкой для адекватного восприятия информации. С точки зрения процесса коммуникации пресуппозиция – это движение мысли говорящего и слушающего, направленное на интерпретацию воспринимаего высказывания [2]. Если рассматривать процесс коммуникации в обратном направлении, то предположение слушающего называется «коммуникативной постсуппозицией» (термин М.Я. Блоха). В сумме оба этих понятия (пресуппозиция и постсуппозиция) обозначают общий процесс «коммуникативной суппозиции», которая реализуется в условиях двух контекстов, представляющих собой ситуацию общения и общий культурный фон общения.

За последнюю четверть века доступность Интернета позволила человечеству пользоваться общим фондом знаний, легко добывать необходимую информацию. Это привело к тому, что уровень спортивных знаний резко возрос, что предъявляет особые требования к комментатору: высокую подготовку и осведомленность и нестандартный подход к репортажу. Это может быть достигнуто, во-первых, благодаря высокопрофессиональному анализу игровой и общеспортивной ситуации, во-вторых, благодаря индивидуальным данным самого комментатора: его тембру голоса, скорости речи, эмоциональности и личной мотивированности и заинтересованности происходящим, и, в-третьих, благодаря соблюдению требований политкорректности в условиях многонационального мирового сообщества.

Спортивный комментатор несет ответственность за информацию, которую он распространяет на многомиллионную аудиторию, что предполагает значительное культурное, информационное и этическое воз-

действие на имиджслушателей. Можно задаться вопросом: «Зачем нужен спортивный комментатор, если зритель сам может получить любую релевантную для него информацию из интернет-источников?». На первый взгляд, роль комментатора как единицы коммуникации-адресанта при этом нивелируется или даже сводится к нулю. Однако все не так просто – роль комментатора-адресанта в процессе коммуникации огромна: он устанавливает связь с адресатом – имиджслушающим / зрителем, в ходе которой оказывает огромное влияние на распространение нового знания в массах, на отношение миллионов людей к происходящим в мире спорта событиям, формирует патриотический настрой, а также содействует появлению новых актуальных концептов межкультурного общения.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Блох М.Я. Фактор слушающего в диалогической и монологической речи// Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4.
3. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М., 2008.
4. Постолатий В. BigData шагает по планете // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2013/05/14/infa-site.html (дата обращения: 16.02.2014).
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М., 2008.

М.Б. Киракосян

Лингвистические аспекты композиции судебной речи

Статья посвящена актуальной проблеме композиции судебной речи. Обращается внимание на разницу судебной речи российских и зарубежных юристов. Представлены особенности языковых средств судебной речи.

Ключевые слова: язык профессиональной деятельности, судебная речь, композиция судебной речи, лингвистическая структура судебной речи, неологизация в судебной речи, языковые средства судебной речи.

Качественная судебная речь является одним из элементов успеха оратора. К числу показателей качества речи относится грамотная композиция.

Под композицией текста в лингвистике понимается построение текста, обусловленное его назначением, интеграция логических и стилистических компонентов текста. Лингвистическая структура судебной речи определяется логическими аспектами композиции, т.е. выбор языковых средств должен осуществляться в соответствии с целью говорящего. Любая судебная речь состоит из вступительной части, основной части и заключения.

В отечественной судебной практике при создании вступительной части судебной речи нередко используется прием контраста, заключающийся в противопоставлении различных планов изложения. При этом вступление, как правило, композиционно распадается на два противоположных по содержанию сегмента: в первом дается моральная оценка произошедшего, во втором случившиеся события сравниваются с какими-либо положительными явлениями (примером может послужить раскрытие мировоззрения законопослушных граждан и людей, способных на тяжкое преступление). Противопоставление создает необходимый для оратора эмоциональный настрой и подготавливает слушателей к восприятию его мнения относительно оценки доказательств [1, с. 72].

Зарубежной судебной практике свойственен иной принцип создания вступительной части судебной речи. Говорящий более кратко и менее эмоционально по сравнению с отечественными ораторами вводит целевую аудиторию в курс дела. Вступление должно содержать отчет о случившихся событиях и перечисление фактов, которые говорящий собирается доказать. Юрист не должен поддаваться искушению поделиться со слушателями философскими рассуждениями о том, что имеет отношение к делу (например, о надежности свидетелей, убедительности доказательств, принципах отправления правосудия).

Примером вступления, используемого в зарубежной судебной практике, может послужить следующий текст: *John Smith lives with his mother and younger sister while he works two jobs to save money for college. All that is threatened now, because he is accused of a robbery.*

The judge will instruct you that the state must prove Mr Smith's guilt. The evidence will show that the robbery was committed by two men who arrived and fled in a sport vehicle. John Smith owns no sport vehicle. The evidence will show that the robbers were armed. John Smith owns no gun, and no gun was ever found that can be connected to him.

Mr Smith will take his place beyond the stand and tell his story. He knows nothing of this hold-up and will swear to you that he had nothing to do with it [7].

Отличительной особенностью основной части судебной речи является использование опровержений и обоснований. Это аргументативный спо-

соб изложения информации, в тексте судебной речи ему отведена ведущая роль, т.к. доказательственная сторона речи имеет гораздо большее значение, чем ее эмоциональное воздействие на публику. Аргументативному способу изложения присущи такие черты, как выдвижение тезиса, определение понятия, установление логических связей между понятиями, использование в качестве основного способа выражения мысли устойчивых словосочетаний. Они характеризуются высокой степенью информативности, их лексический состав и порядок слов в них строго определены (*to serve a sentence – отбывать наказание, to examine evidence – исследовать доказательства, to terminate parental rights – лишить родительских прав, remedial measures – меры судебной защиты, prejudicial justice – предубежденное отправление правосудия)*. Среди используемых в судебной практике устойчивых выражений часто встречаются конструкции, содержащие оценку, но при этом лишенные экспрессивности (*mild sentence – мягкий приговор, severe consequences – тяжкие последствия*). Устойчивые словосочетания распределены по речи неравномерно, их употребление зависит от микротемы компонента текста. Упомянутые лексические средства сконцентрированы в структурных частях, касающихся анализа доказательств, квалификации преступления, меры наказания.

В основной части судебной речи также используются повествование и описание. Повествованием называется как развернутый, так и краткий отчет о фактических обстоятельствах дела; под описанием понимается словесное изображение чего-либо. Данные способы изложения информации имеют большое значение для судебного разбирательства, т.к. помогают восстановить картину произошедшего. Повествования и описания разнообразны по своим языковым характеристикам. Необходимость воздействия на слушателей приводит к чередованию сдержанных и эмоциональных средств выражения мысли. Нередко судебная речь своим стилем напоминает художественное произведение. Для повествований и описаний характерно употребление определений и однородных сказуемых [1, с. 73–76].

Заключительная часть судебной речи – не просто логическое завершение выступления, в ней оратор усиливает значение всего сказанного ранее. Говорящий дает оценку произошедшего и высказывает свое мнение об исходе процесса. Поэтому заключение эмоционально по содержанию, что находит выражение в языковых средствах. В данном случае языковыми средствами выражения эмоциональности может послужить вопросительная конструкция (*Заслуживает ли Иванов снисхождения за свои преступления?*). В российской судебной практике в финальной части выступления используется прием обрамления, т.е. в заключении

повторяются или видоизменяются идеи, высказанные во вступлении. В качестве примера фрагмента заключения речи зарубежного юриста можно привести следующий текст: *I asked my client to leave the courtroom for I didn't want him to hear the testimony concerning his dismal future. He is going to be in a wheelchair, unable to walk more than a few steps because of his paralysis, for the rest of his life. That is a fact, and we have to accept it and base our decisions on it. Ben is only fourteen years old, and still has the hope of being able to walk again. I did not want to be responsible for shattering that dream by making him sit here and listen to the brutal facts: He has been sentenced to life imprisonment for a crime he didn't commit* [7].

Проведенное исследование показало, что логические компоненты судебной речи различаются с лингвистической точки зрения. Однако они имеют и некоторые общие черты.

Используемый во всех частях судебной речи язык является постоянно изменяющейся системой, ему свойственна толерантность по отношению к различного рода преобразованиям. Открытый и динамичный судебный язык принимает в свой словарный состав заимствованные лексические единицы и участвует в процессе неологизации (последнее приводит к появлению абсолютно новых слов либо переименованию традиционных понятий). Подобные модификации – отклик на развитие общества, различных областей науки и практического применения результатов научных исследований.

Еще одной чертой, свойственной всем структурным компонентам судебной речи, является грамматическая категория идентификации (тождества). Будучи изначально категорией логического плана, она проецирует построение языковых единиц. В основе категории идентификации лежат следующие факторы: 1) субъективизм (отображаемый объект пропускается через индивидуальное восприятие личности); 2) темпоральная оценка действительности, которая преподносится оратором в пространственном и количественно-качественном выражении [3, с. 60; 4, с. 102; 5, с. 96–97; 6, с. 76].

Проведенный анализ лингвистических аспектов композиции судебной речи показал, что выступление в суде требует от оратора тщательно продуманного сочетания официальных и эмоциональных конструкций и что выбор данных языковых средств продиктован необходимостью влияния на аудиторию для достижения целей выступающего.

Библиографический список

1. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М., 2007.

2. Климова О.В. Коммуникативная компетенция как ядро профессиональной деятельности юриста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Образование, здравоохранение, физическая культура». 2008. № 13 (113). С. 98–102.
3. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 4. С. 58–62.
4. Свиридова Л.К. К унификации анализа различных текстовых жанров // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: Сб. материалов международной научно-практической конференции молодых исследователей / Отв. ред. Ю.М. Шемчук. М., 2013. С. 101–104.
5. Шемчук Ю.М. Лингвотолерантность в эпоху глобализации // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 1. С. 95–98.
6. Шемчук Ю.М. Переименование как особое лингвистическое явление неологии // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2010. № 1. С. 76–82.
7. Tanford J.A. The trial process: law, tactics and ethics // Maurer School of Law: Indiana University. URL: http://www.law.indiana.edu (дата обращения: 14.02.2014).

Ли Чуньли

Межъязыковые фразеологические эквиваленты, описывающие характер человека, в русском и китайском языках

Межъязыковая эквивалентность фразеологизмов русского и китайского языков разрабатывается на основе сходств и различий лексического (компонентного) состава, грамматической структуры и образов фразеологизмов. Представлены примеры межъязыковых фразеологических эквивалентов.
Ключевые слова: межъязыковые фразеологические эквиваленты, полные эквиваленты, частичные эквиваленты, соответствие фразеологизмов, культурно-национальная самобытность фразеологизмов, русские и китайские межъязыковые фразеологические эквиваленты.

Хотя фразеологизмы каждого языка обладают своей генетической и национально-культурной спецификой, однако в разных языках всегда находятся идентичные и сходные фразеологические обороты как по своей семантике, так и по особенностям построения фразеологических

образов. Это объясняется двумя факторами: 1) общностью жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, однотипностью отдельных форм образного видения мира у самых разных народов; 2) тесными культурно-историческими связями между отдельными народами, между целыми ареалами [4, с. 10].

Термин «межъязыковые фразеологические эквиваленты» впервые был введен Ю.А. Долгополовым. По его определению, «межъязыковые фразеологические эквиваленты – это фразеологизмы, совпадающие по своей семантике, образу, стилистической окраске» [2, с. 207]. Значение фразеологизмов всегда имеет два плана: денотативный и коннотативный, мотивация значения фразеологизмов связывается с внутренней формой, которая представляет собой большей частью сам этот образ. Например, русская пословица В *глаза выхваляют, а за глаза ругают* – о человеке, который лицемерен по отношению к другим, сравните в китайском языке *当面夸，背后骂* (букв. «в глаза хвалят, а за глаза ругают»), *взвешивать каждое слово* – «осторожно обсуждать, обдумывая то, что скажешь», сравните в китайском языке *斟词酌句* (букв. «взвешивать каждое слово и предложение»), эти русские и китайские фразеологизмы являются идентичными по семантике и образу.

Во фразеологизмах каждого языка содержатся план содержания и план выражения. Ю.П. Солодуб считал, что «для межъязыковых фразеологических эквивалентов однозначное соответствие единиц лексического и/или грамматического уровня – фактор факультативный» [4. с. 9]. Ученый выделил следующие типы фразеологических эквивалентов.

I. «Полные эквиваленты – фразеологизмы разных языков, полностью совпадающие на лексическом и грамматическом уровнях [Там же]».

1. Фразеологизмы, которые имеют общее происхождение. Например, и в русском, и в китайском языках есть фразеологизм *Лучше умереть стоя, чем жить на коленях* (*宁愿站着死，决不跪着生*) – о смелом, несгибаемом характере человека. Этот фразеологизм попал и в тот, и в другой язык из призывной речи лидера испанских коммунистов Долорес Ибаррури. Фразеологизм *человек в футляре* (*套子里的人*) – о человеке, живущем своими узкими интересами, отгородившемся от людей, от жизни, о замкнутом человеке (фразеологизм попал в оба языка из рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре»). Библейское происхождение имеет фразеологизм *око за око, зуб за зуб* (*以眼还眼，以牙还牙*) – о мести, отплате за причиненное зло той же мерой; в обоих языках употребляется только в книжном стиле. К словам Иисуса Христа опосредованно восходит русский фразеологизм *пальцем не шевельнуть (не двинуть)* – ничего не сделать (для общего дела или в помощь кому-либо), о ленивом челове-

ке; сравните китайский фразеологизм *手指头都懒得动一下儿* (*букв*. пальцем не шевельнуть) – об очень ленивом человеке. Все эти фразеологизмы совпадают по своему значению, образу, компонентному составу и структурно-грамматической организации.

2. Фразеологические соответствия на основе общности логико-мыслительного понятия и наглядно-образного представления о ситуации реальной действительности. Например, русский фразеологизм *платить злом за добро* – о неблагодарном человеке, китайский фразеологизм *以怨报德* (букв. «платить злом за добро»); *платить добром за зло* – о благородном человеке, соответствует китайскому фразеологизму *以德报怨*. Русский фразеологизм *сказано – сделано* соответствует китайскому фразеологизму *说到做到* (букв. «сказал – сделал») – о человеке, который держит свое обещание. Русская поговорка *в одно ухо вошло (входит), в другое вышло (выходит)* – о невнимательном восприятии чего-нибудь; сравните китайский фразеологизм *一耳进，一耳出* (букв. «в одно ухо входит, из другого выходит»). Во фразеологизмах разных языков часто используются наименования животных как образные средства, которые строятся на одинаковой или близкой метафоре. Например, у русского и китайского народа лиса ассоциатируется с хитростью, птица со свободой, заяц с трусостью: *хитрый как лиса* (*像狐狸一样狡猾*) – о хитром человеке; *свободный, как птица* (*象天上的鸟一样自由* – букв. «свободный, как небесная птица»).

II. Отсутствие полного сходства фразеологизмов разных языков на лексическом уровне [5, с. 210]. Фразеологизмы обычно образно мотивированы, но иногда встречаются фразеологизмы, которые практически лишены образности, их значения мотивируются на основе обобщения значений компонентов, например, русский фразеологизм *держать свое слово* – о надежном человеке, китайский фразеологизм *信守诺言* (букв. «держать обещанное слово»).

Фразеологизмы каждого языка обладают национальным своеобразием и содержат информацию об окружающей действительности, культуре. Например, о двуличном человеке русская пословица говорит *на языке медок, а в сердце ледок,* сравните китайский фразеологизм *口腹蜜剑* (букв. «во рту мед, а в животе меч»). Сравните русский фразеологизм *делать из мухи слона* («раздувать и преувеличивать нечто незначительное до огромных размеров») и китайский фразелогизм *把马说成骆驼* (букв. «делать лошадь из верблюда»); образная ситуация строится на гиперболе, лошадь и верблюд когда-то являлись в Китае основным средством перевозки товаров, национальный образ сохраняется. Приведем еще примеры. *Играть в кошки-мышки* – о человеке, который хитрит, и *捉迷藏* (букв. «играть в жмурки») – о хитрости человека; кошки-мышки

и жмурки являются детскими играми. *Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе* – о честолюбивом человеке, *宁为鸡首，不为牛后* (букв. «лучше быть головой петуха, чем хвостом быка») – о честолюбивом человеке, мы находим здесь совсем иной образ, образованный посредством метафоры.

III. Отсутствие полного соответствия фразеологизмов разных языков на грамматическом уровне [5, с. 208]. *Подливать масло в огонь* – обострять отношения, в китайском языке есть фразеологизм *火上浇油* (букв. «в огонь подливать масло»). *Таскать каштаны из огня* – выполнять трудную, связанную с немалым риском работу, результатами которой пользуются другие, в китайском языке – *火中取栗* (букв. «из огня таскать каштаны»), это выражение в русский и китайский языки попало из басни Лафонтена «Обезьяна и Кот». Русский фразеологизм *ловить рыбу в мутном воде* используется, когда неодобрительно говорят о том, кто пользуется ситуацией в корыстных целях. Выражение происходит из двух источников: а) из басни древнегреческого поэта Эзопа, где говорится о рыбаке, который мутил воду вокруг сетей, загоняя туда ослепленную рыбу, б) из произведения древнеримского поэта Овидия *Turbato melius capiuntur flumine pisces* (букв. «в мутной воде рыба ловится лучше»). Сравните китайский фразеологизм *混水摸鱼* (букв. «в мутной воде ловить рыбу») из басни Эзопа – о том, кто извлекает личную выгоду из сложной, запутанной ситуации. Лексические компоненты у этих двух фразеологизмов полностью совпадают, но в китайский язык выражение вошло без каких бы то ни было изменений. Все рассмотренные выше фразеологизмы совпадают по лексическому составу, значению, образу, принадлежат книжному стилю, обладают неодобрительной оценкой, а расхождения видны только в порядке составляющих компонентов у фразеологизов китайского и русского языков, т.к. в китайском языке обстоятельство обычно стоит перед сказуемым.

IV. Отсутствие полного сходства фразологизмов разных языков как на лексическом, так и на грамматическом уровнях [5, с. 210]. Значения таких фразеологизмов обычно формируются на основе какого-либо распространенного в народе образа, например, соматической лексемы или лексемы, обозначающей какой-либо конкретный предмет. Рассмотрим следующие фразеологизмы: *знать как свои пять пальцев* – знать что-то очень хорошо, китайский фразеологизм *了如指掌 (букв.* «знать как пальцы и ладонь»); русский фразеологизм *дай палец – всю руку откусит* – о жадном человеке, сравните в китайском языке *蹬鼻子上脸* (букв. «поднять нос на лицо кверху») – о жадном человеке; *совать свой нос* – вмешиваться в чужие дела, китайский фразеологизм *插手* (букв. «совать

руки»); *Готовь сани летом, а телегу зимой* – готовься ко всему заранее, в китайском языке *未雨绸缪* (букв. «починить дом перед дождем») – принять меры заранее.

Безэквивалентные фразеологизмы – это такие фразеологизмы, которые не имеют близкого сходства в лексическом (компонентном) составе и грамматической структуре в разных языках [4, с. 89]. В разных языках наличие безэквивалентных фразеологизмов связывается с следующими причинами.

1. Самобытные образы русского и китайского народов. Например, русский фразеологизм *шишка на ровном месте* – человек, неоправданно высоко себя оценивающий; сравните китайский фразеологизм *螳螂挡车 (букв.* «богомолы преграждают путь машине») – переоценивать свои силы. Эти фразеологизмы открывают перед нами своеобразные образы, имеют сильную ироническую окраску, имеют национальную маркировку.

2. Образы, которые лежат во внутренней форме фразеологизмов, обусловлены историей, народными играми, обычаями, особенностями быта народов, обрядами и т.д. Например, *играть в бирюльки* – заниматься пустяками, ерундой, забыв о главных вещах. Бирюльки – древняя игра, правила таковы: в начале игры насыпают в беспорядке всякие небольшие вещицы (их называли бирюльками). Основная задача игры заключается в том, чтобы вытаскивать маленьким крючком из этой груды каждую бирюльку по очереди и при этом не тревожить остальные вещи. Еще один русский фразеологизм: *семь пятниц на неделе* – о человеке, на которого нельзя положиться, которому нельзя доверять, т.к. он часто меняет решения, не выполняет обещаний. Этот фразеологизм происходит из круга торговцев. «Этимологически объясняется тем, что в пятницу, которая была свободным от работы днем, в базарный день, совершались разные сделки (прежде всего торговые), обычно в присутствии свидетелей, нанимаемых за определенную плату. Если нужно было расторгнуть договор, зарегистрировать его выполнение и т.п., то это делалось опять-таки в пятницу в присутствии тех же свидетелей. Свидетели, желая получить выгоду, часто торопили события, не дожидаясь пятницы» [3, с. 59]. О таких свидетелях и говорили, что у них семь пятниц на неделе. Ср. китайский фразеологизм *灶王爷贴门神 – 画（话）里有画（话）* (букв. «бог домашнего очага наклеивает на дверь изображения богов-хранителей» – картинка (слово) в картинке (слове)) – о нечестном человеке. В основе этого фразеологизма лежит китайский обычай приклеивать перед новым годом на дверях или воротах изображения богов-хранителей, иногда картинки наклеиваются одна на другую. Здесь игра слов строится на основе

использования китайских омонимов *画* (картинка) и *话* (слово) (картинка на картинку – слово на слово).

3. Во фразеологизме содержатся семантические архаизмы, просторечие носителей языков, которые нам трудно представить в виде образной картинки. Например, русский фразеологизм *семь пядей во лбу* – об очень умном человеке. Пядь – старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами руки. В основе выражения лежит гипербола. Китайский фразеологизм *胆大如斗* (букв.: «большой желчный пузырь как доу») – об очень смелом человеке; во фразеологизме доу (*斗*) является архаическим словом со значением «мера для сыпучих и жидких вещей», в современном китайском быте мера *斗* уже не употребляется.

Предыдущие рассуждения и анализ материала приводят нас к выводу: сопоставительный анализ эквивалентных и безэквивалентных фразеологизмов помогает нам понять глубокое и широкое межъязыковое взаимодействие между Китаем и Россией, позволяет изучающим иностранный язык увидеть своеобразие обоих народов, лучше понимать национальное образное мышление.

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. Телия В.Н. 4-е изд. М., 2009.
2. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале рус., англ. и нем. языков): Дис. … канд. филол. наук. Казань, 1973.
3. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2008.
4. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): Методические разработки к спецкурсу для студентов, изучающих русский язык как иностранный. М., 1985.
5. Солодуб Ю.П, Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка (сопоставительный аспект): Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. М., 2003.
6. 王兴国. 汉语成语大词典. 汉语教育出版社. 2010 年。
7. 温瑞政. 汉语俗语大词典. 上海辞书出版社. 2011年。

Р.С. Манучарян

Сложные прилагательные в произведениях М.А. Шолохова

На базе «Словаря языка Михаила Шолохова» и с учетом контекстов в статье анализируются авторские сложные прилагательные в квантитативном, структурном и семантическом аспектах, определяется их языковой и лексикографический статус.

Ключевые слова: сложные прилагательные, авторские слова, потенциализмы, лексикография, прилагательные в языке М.А. Шолохова.

Одна из ярких особенностей шолоховского стиля – обилие сложных прилагательных, которые при ближайшем рассмотрении делятся на группы: по структуре, семантике, характеру и типу номинации, сочетаемости, стилю и художественным функциям, а также по их статусу в языке. Это предполагает необходимость их анализа в соответствующих лингвистических аспектах. В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением некоторых из них.

Начнем с квантитативного аспекта, предполагающего и соответствующую интерпретацию. Обилие в шолоховских текстах сложных прилагательных нашло отражение в весьма представительном словаре языка писателя [10], включающем более 5000 слов, характеризующих индивидуальность языка и стиля автора. Составители нашли нужным во вводной статье особо выделить «авторские сложные слова», среди которых главное место занимают именно прилагательные (например, *бархатисто-мягкий*, *бархатисто-пыльный*, *бархатисто-рдяный*, *бархатисто-черный*, *возбужденно-серьезный* и др.), при том, что отдельно выделены также «авторские по структуре и значению слова и фразеологизмы», «авторские по значению слова и фразеологизмы».

По нашим подсчетам, в словаре насчитывается около 400 сложных прилагательных. Их удельный вес в общем массиве характерной для писателя лексики можно приближенно представить следующим образом: каждое двенадцатое слово оказывается сложным прилагательным.

В достаточной мере оценить такое впечатляющее соотношение помогут следующие соображения: речь идет всего лишь об одном структурном разряде внутри одной части речи; речь идет о словнике прозаических художественных текстов, но не поэтических. Последнее обстоятельство

имеет существенное значение, т.к. поэтические тексты обнаруживают повышенное стремление к словотворчеству вообще и к оригинальным сложным прилагательным – в частности. В некоторых лингвистических работах отмечается, что применение сложных прилагательных имеет длительную традицию, связанную с именами Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева.

В этой связи нелишне вспомнить, что особое тяготение к созданию сложных прилагательных испытывали русские поэты-символисты. В интереснейшей статье В. Гофмана «Язык символистов» подчеркивалось, что символисты культивировали, в частности, различные виды сложных прилагательных: «В сложных прилагательных символисты видели средство создания символических связей и соответствий через сближение в сложном слове и переосмысление значений отдельных компонентов этого слова. Легкость образования в русском языке сложных слов открывала возможность словотворчества, освобождающего хотя бы несколько от “стылого смысла общего языка”» [1, с. 90].

При всех различиях в использовании и функциях сложных прилагательных у разных мастеров слова можно обратить внимание на три момента, в принципе значимых и для характеристики шолоховской живописной палитры: легкость образования сложных слов и особенно – сложных прилагательных; сближение в сложном слове и переосмысление значений отдельных компонентов; словотворчество, освобождающее «хотя бы несколько» от обыденного, общепринятого языка.

Следует заметить, что в литературе, затрагивающей вопросы словотворчества, на первое место выдвигаются именно сложные прилагательные, и особенно такие, которые создаются соединением основ двух (или более) различных прилагательных (*кирпично-красный*, *нагло-томный* и т.п.). «Ни один из писателей не обходится без “естественного новаторства” в создании таких слов», – считает один из исследователей [4, с. 77]. По словам другого автора, «словообразовательные ряды подобных прилагательных ничем не ограничены, кроме как “здравым смыслом”, логикой вещей и “заказом” самой действительности» [5, с. 118]. По этому поводу можно заметить, что для художника слова «заказ» действительности – весьма условная вещь, а «здравый смысл» и «логика вещей» подчас отступают перед доминантой экспрессивности. Не вдаваясь здесь в подробности, можно выделить особенно неожиданные, красочные и внешне противоречивые сочетания у Шолохова: *горько-сладкая жизнь*, *вяжуще-радостный комок слез*, *встревоженно-счастливая Наталья*, *зажигательно-казенные речи*, *паутинно-скрипучий голос*, *безумно-раскосые глаза* и др.

Переходя далее к структурной и семантической характеристике шолоховских сложных прилагательных, необходимо исходить из определенной интерпретации самого «сложного слова», поскольку здесь возможны два подхода – узкий и широкий. В первом случае критерием служит способ образования данного слова («сложное слово» – это слово, образованное способом сложения), во втором – морфемный состав, включающий две (и более) корневые морфемы, не осложненные или осложненные аффиксами. Таким образом, при широком подходе, который мы и имеем в виду, к сложным словам относятся и чистые сложения, и сложения, осложненные суффиксацией или префиксацией. Такое широкое понимание сложного слова представляется достаточно удобным при характеристике словотворчества писателя (широкая трактовка сложных слов имелась в виду и при общих квантитативных оценках, приведенных выше).

Структурное разнообразие шолоховских сложных прилагательных проявляется в том, что здесь представлены все их структурные типы, известные в общелитературном языке. Эти типы сопряжены с определенными семантическими группами.

На первом месте, как и в общелитературном языке, идет чистое сложение. Здесь особенно богато представлены цветовые (колоративные) прилагательные, составляющие предмет отдельного исследования [7]. Иллюстрируя примерами, мы будем здесь и далее приводить и определяемые слова, т.к. значение прилагательного, в особенности сложного, обнаруживает сильную зависимость даже от ближайшего контекста: *винно-красный восход*, *черно-голубая пустошь*, *багрово-черное лицо*, *буро-синяя земля* и мн. др.

Лексическое и семантическое разнообразие шолоховских сложных прилагательных находит свое выражение, в частности, в том, что, помимо собственно цветовых, широко представлены и слова, обозначающие признак «световой», характеризующие степень яркости: *бледно-пестрые перья птиц*, *зловеще-темная краска*, *радужно-тусклый свет прожектора*, *слепяще-яркое серебро пыли*.

В количественном отношении заметную семантическую группу составляют также обонятельные и вкусовые обозначения, подчас сближающиеся: *терпко-винный запах*, *терпко-горький дымок*, *кисло-горький запах*, *ядовито-пахучий дух солдатчины*.

Не меньше сложных прилагательных, характеризующих атрибуты или качества людей: *пытливо-ласковый взгляд*, *гадливо-холодные тела*, *девичье-звонкий голос*, *возбужденно-серьезное лицо*, *волосато-нескладные руки*, *воюще-звериное рыданье*.

К другому структурному типу относятся многочисленные шолоховские прилагательные типа «мокрогубый». Этот весьма продуктивный и регулярный в общелитературном языке тип определяется по-разному. Представляется ясным и удобным в подобных образованиях видеть сложение с одновременной нулевой суффиксацией. В известном отношении такие сложные слова стоят на границе между чистым сложением и сложением с одновременной «выраженной» суффиксацией. В специальной литературе уже отмечалось, что, в отличие от чистых сложений (с опорным компонентом, равным самостоятельному прилагательному), сложные прилагательные с нулевым суффиксом содержат в опорном компоненте основу существительного (преимущественно со значением части тела человека, животного, реже – части предмета), а в первом компоненте – основу прилагательного, числительного, существительного или – редко – глагола. Такие прилагательные имеют значение «обладающий тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения».

Шолоховских сложных прилагательных такого типа свыше 60. Излюбленные авторские цветовые характеристики широко представлены и в этом типе, но здесь их функция не является главной, т.к. выражается первым компонентом сложения, но не опорным: *белогривая волна*, *красноверхая папаха*, *черногрудая туча*, *чернотелая жизнь*, *черноусые колосья*, *серебряноусый казак*.

В зависимости от лексической семантики опорного компонента все сложения данного словообразовательного типа могут быть разделены на три группы.

1. Сложения, в которых опорный компонент является обозначением части тела, атрибута человека: *глубокоглазая девочка*, *голощекий народ*, *многоглазая толпа*, *наглоглазый офицер* и др. Эта семантическая группа наиболее многочисленна.

2. Сложения, в которых опорный компонент является обозначением части тела животного: *белоноздрая лошадь*, *голошеий кочет, белошерстая овца*, *кольцерогий валух* и др.

3. Сложения, в которых опорный компонент является обозначением части или целого предмета: *острогорбая возвышенность*, *черногрудые тучи* (перен.) и др.

К данному словообразовательному типу можно отнести и шолоховское образование *зубоскалый* со значением «насмешливый, шутливый, скалящий зубы», употребленное в контексте: *Шла бы ты стряпаться, зубоскалая!* Правда, оно отмечено в словаре Даля [2], но независимое образование не исключено. В контексте современной словообразовательной системы *зубоскалый* представляется окказионализмом, отступающим от

нормы, хотя и мотивированным устойчивым сочетанием *зубы скалить* (ср. закрепленные в современных словарях *зубоскал*, *зубоскалка*). Современной словообразовательной норме соответствовало бы «скалозубый», поскольку в данном типе опорным компонентом является основа существительного, а первым компонентом может быть и основа глагола (ср. узуальные *пучеглазый*, *лупоглазый*).

К следующему словообразовательному типу относятся шолоховские сложносуффиксальные прилагательные. По данным «Словаря языка Михаила Шолохова», их около 40, т. е. меньше, чем сложений с одновременной нулевой суффиксацией, притом почти все они имеют опорный компонент, содержащий основу существительного. Подобные образования вообще обозначают отношение к тому, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения. При этом первыми компонентами являются основы прилагательных, числительных, существительных. Шолоховские сложносуффиксальные прилагательные могут быть распределены по двум основным семантическим группам.

1. Слова, определяющие названия лиц (в отдельных случаях – животных) или их атрибутов: *белорубашечные шеренги казаков*, *голоштанный идол*, *пухлосуставчатый палец*, *широкоспинный кучер*. Ср. *двухвершковый*, *трехвершковый конь*.

2. Слова, определяющие названия предметов, понятий: *бледноствольные тополя*, *желтобарашковая лоза*, *мелкорослый паровозишко*, *середнеимущественный казак*, ср. *слабоумное дело*, *яркоцветные травы*.

Единичное сложносуффиксальное прилагательное имеет опорный компонент, содержащий основу не существительного, а глагола: *Двух-трех колхозниц выберите аккуратных, чисторядных собою... на должность нянек* (ср. *рядить*, *рядиться*).

Среди рассматриваемых сложносуффиксальных прилагательных обращают на себя внимание и такие, которые, будучи известными в общелитературном языке и отраженными в толковых словарях, выступают у Шолохова с необычной сочетаемостью и, соответственно, с необычным лексическим значением. Ср., например, *мелкорослый паровозишко*, *слабоумное дело* («простое, несложное»). В таких случаях можно говорить о «семантических окказионализмах».

Выделим, наконец, особую структурно-семантическую группу шолоховских сложных прилагательных, таких, как: *изжелта-белые* (облака), *иссиня-бледный* (дед), *иссиня-чистые* (зубы), ср. *иссиня-кровяно-черные* (лица и тела пленных).

Подобные образования обычно причисляются к чистому сложению без соединительной гласной, но они занимают своеобразное положение:

содержат в качестве первого компонента наречия с префиксом *из-* и суффиксом *-а*, образованные от цветовых прилагательных и обозначающие оттенок цветового признака. Однако в академической «Русской грамматике» [6] подобные сложные образования рассматриваются как словосочетания (вопреки принятому дефисному написанию). Представляет интерес трактовка прилагательных данного типа как префиксально-сложных [3]. Во всяком случае, стоит отметить, что в шолоховских примерах представлены и такие случаи, когда второй компонент сложения не является цветовым обозначением (*иссиня-чистый*, *исчерна-смуглый*, *иссиня-бледный*). В целом данный тип сложных прилагательных признается продуктивным в художественной речи, и шолоховский материал подтверждает это.

Итак, можно констатировать, что шолоховские сложные прилагательные, в подавляющем большинстве случаев воспринимаемые как свежие, необычные, экспрессивные, охватывают все узуальные структурные типы, а в пределах каждого типа почти всегда соответствуют словообразовательным нормам. Необычность этих прилагательных – в лексической реализации, лексическом наполнении словообразовательных типов и подтипов, а часто еще и в неожиданной сочетаемости с определяемыми словами (которая, кстати, может быть предметом особого исследования).

Вместе с тем можно заметить, что в нескольких случаях прилагательные, представленные в «Словаре языка Михаила Шолохова», фиксировались и толковыми словарями общелитературного языка, в первую очередь – многотомным «Словарем современного русского литературного языка» [9], в том же или ином лексическом значении (*красноголовый*, *краснорожий*, *острогорбый* и др.). Подобные факты, в принципе отмеченные и самими составителями «Словаре языка Михаила Шолохова», а также известные по словарям других писателей, подводят к вопросу о языковом и лексикографическом статусе авторских слов.

Как известно, применительно к авторским словам используются такие термины, как «окказиональное», «потенциальное», причем их соотношение у разных исследователей не всегда совпадает. Мы будем исходить из противопоставления слов «окказиональных» и «потенциальных»: и те, и другие представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции, производимые «в момент речи», но окказиональные создаются с теми или иными отклонениями от словообразовательных норм, тогда как потенциальные создаются в соответствии с продуктивными и регулярными словообразовательными типами и моделями. Таким образом, первые нестандартны (ср., например, приведенное выше «зубоскалая»), а вторые, в отношении к системе словообразования, стандартны (таково подавляющее большинство шолоховских сложных прилагательных). Однако,

как говорилось выше, словообразовательная стандартность отнюдь не исключает лексической новизны, необычности, создаваемой конкретными компонентами сложения, их сочетанием, а также сочетаемостью с определяемыми словами.

Часто утверждается, что речевым, неузуальным словам «не место в толковых словарях языка. Там отмечаются только слова, закрепившиеся в языке, ставшие общественной нормой» [4]. Однако это не совсем так. Толковые словари не могут полностью игнорировать огромное количество таких производных слов, которые «легко образуются и легко понимаются» [8]. Приводятся, во-первых, примеры таких слов, в том числе – сложные прилагательные; ряду подобных прилагательных отводятся отдельные словарные статьи, причем их толкования вполне однотипны и стандартны (см., например, в «Словаре русского языка»: *длиннобородый*, *длиннолицый*, *длинношеий*); во-вторых, повторяющийся компонент сложений, например, *длинно-*, выделяется как словообразовательный элемент открытого ряда. Нетрудно видеть, что речь идет как раз о потенциальных словах и некоторых словах данного типа, ставших уже общепринятыми. Граница между потенциальными и узуальными словами не является и не может быть четкой. Для языка в движении – это норма.

В заключение отметим, что в шолоховских текстах встречаются, разумеется, и сложные прилагательные совсем иного характера – информативные (*сельскохозяйственный*, *железнодорожный* и т.п.), которые не характеризуют индивидуальность языка и стиля писателя. Что касается стилистических и художественных функций сложных прилагательных, то они могут быть рассмотрены особо с учетом более широких контекстов.

Библиографический список

1. Гофман В. Язык символистов // Литературное наследство. Т. 27–28. М., 1937.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980.
3. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991.
4. Лопатин В.В. Рождение слова. М., 1973.
5. Лыков А.Г. Об окказиональных и потенциальных словах // Научные труды Краснодарского пед. ин-та. Вып. 101. Краснодар, 1968.
6. Русская грамматика / Под ред. Е.А. Брызгуновой, К.В. Габучан. Т. I. М., 2005.
7. Рыбальченко Е.А. Колоративная лексика в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1980–1984.
9. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышова. М.-Л., 1948–1965.
10. Словарь языка Михаила Шолохова / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 2005.

И.А. Туркулец

Отражение социальных и гендерных отношений в языке художественных текстов М.А. Шолохова: на примере лексем с корнями *–муж–* и *–жен–*

В статье представлено этнолингвистическое исследование носителей донских говоров на основе лексем *мужской, мужик, муж, мужественный, женский, жена.*

Ключевые слова: этнолингвистическое исследование текстов М.А. Шолохова, язык М.А. Шолохова, донские говоры.

При изучении языка М.А. Шолохова особенно интересным представляется проследить описания гендерных отношений – важной стороны человеческого бытия. Из всех произведений М.А. Шолохова были выбраны контексты, в которых функционируют лексемы, содержащие корни *-муж- и -жен-*. Метод сплошного выбора текста показал, что основных лексем с корнем *-муж-* в произведениях М.А. Шолохова четыре: *мужик*, *муж*, *мужской* и *мужественный*.

При детальном рассмотрении контекстов, в которых фигурируют слова с корнем *-муж-,* выявляется любопытная индивидуально-авторская градация морально-нравственных качеств мужчины: 1) *мужик* – низшая ступень в иерархии, человек без четкой жизненной позиции, недалекий, нехозяйственный, не-казак; 2) *муж* – ступень более высокая, хозяин своей земли, домашнего хозяйства; 3) *казак* – высшая ступень социальной и духовно-нравственной иерархии. Он и муж, и хозяин, и землепашец, и воин. Это шолоховское разграничение требует детального исследования наряду с сопоставительным анализом семантико-стилистического функционирования слов с корнем *-жен-* с точки зрения гендерных отношений в культурологическом и этнолингвистическом аспектах.

Выведенная нами шолоховская триада *мужик – муж – казак* требует, на наш взгляд, более детального рассмотрения:

Мужик противопоставляется Шолоховым *казаку* и понимается как грубый, неотесанный, необразованный, неграмотный, невоспитанный крестьянин [4, 1344], не умеющий вести хозяйство: *«Мужик» у Митьки было слово самое ругательное* (Тихий Дон, 1, VIII)[1]; *У нас четырнадцать пар быков,*

[1] Здесь и далее примеры приводятся по изданию: М.А. Шолохов. Собр. соч. в восьми томах [2]. Арабская цифра обозначает часть для «Тихого Дона» и книгу для «Поднятой целины»; римская цифра обозначает главу; для рассказов дополнительных указаний на местонахождение цитаты не приводится.

именье вон какое, опять же он мужик, а мы казаки (Тихий Дон, 2, II); *Думаешь, я не вижу, как ты нюхаешься с мужиками?* (Бахчевник). Возможно, именно такое отношение к мужикам-большевикам стало причиной критики романа «Тихий Дон» как «сочувствующего белому движению».

Рассмотрим социальную и нравственную характеристики слова *муж* в художественных текстах М.А. Шолохова. С одной стороны, муж – кормилец и защитник: *Казак широко шагнул, собой заслонил жену* (Тихий Дон, 5, XXI), с другой – полновластный и авторитарный, жестокий хозяин, который относится к жене как к собственности: *Что из того, что муж, заложив руки за спину, охаживает собственную жену сапогами?* (Тихий Дон, 1, XIV). Такое отношение прослеживается и в паремиях, и в образных высказываниях: *Муж – он не уж, а тянет кровя* (Тихий Дон, 1, III) *Жену учи, а меня нечего!* (Поднятая целина, 1, IV).

Такое понимание семейных отношений, когда женщина не имела никаких прав, бытовало на протяжении всей истории казачества до середины XX в.: *Жена – что кобыла: до той поры на ней ездишь, покеда зубы в роте держатся* (Тихий Дон, 6, VII); *Мне что его бояться, ты – жена, ты и боись* (Тихий Дон, 1, XII).

С другой стороны, жена для мужа является наиболее близким человеком, причем и сама к мужу относится таким образом, несмотря на побои: *Не покорми тебя с недельку, так от тебя не то что Куприяновна, но и родная жена откажется* (Поднятая целина, 2, XIX). Ср. фразеологизм *родная мать не узнает* со значением изменения внешнего вида человека в худшую сторону, столь серьезного, что даже близкий человек может отказаться признавать родным. Интересно сопоставление значений слов *мать – жена* в семантическом аспекте как номинация близкого человека по родству или семейному положению.

Однако у казаков было и другое отношение к жене: *Да ни в жисть не стерпит любая баба, чтоб без мужа на стороне не хлебнуть* (Тихий Дон, 3, II). Возможно, поэтому донская пословица *Не верь кривому, горбатому и своей жене* (Поднятая целина, 2, I) отражает недоверие мужа (в связи с его длительным отсутствием) к своей жене.

Женитьба воспринималась как важный, необходимый на определенном этапе жизни казака шаг, подразумевающий прекращение поры бурной молодости, окончательное взросление. Но при этом М.А. Шолохов указывает на то, что для казака этот шаг был далеко не всегда приятным, вкладывая в уста одного из героев пословицу: *Я очень даже преотлично знал, что жениться – не меду напиться* (Поднятая целина, 2, XXV). Интересно, что «Словарь русских говоров Приамурья», в котором собрано свыше 7000 слов и фразеологизмов амурских казаков, переселенцев из

всех южных и центральных районов России, в том числе казаков-переселенцев с Дона, зафиксировал строки песни: *Паря по воду поехал, паря за угол задел, / Паря высватал невесту – на себя петлю надел* [3, с. 304].

Под гендерной характеристикой слова *мужской*, помимо «принадлежащий мужчине», М.А. Шолохов подразумевает такие качества, как сила, надежность, крепость*: Старуха положила на землю свой костыль и мужским, уверенно сильным движением подняла коню испорченную ногу* (Тихий Дон, 1, XIII). При этом «мужское» не несет агрессии, а, наоборот, защищает, помогает в тяжелом труде: *Работа тяжелая, необходимо наличие мужской силы* (Тихий Дон, 5, V); *Появились в этом дворе жадные на работу, умелые мужские руки* (Тихий Дон, 8, II).

Интересно, что часто прилагательное *мужской* употребляется писателем и для характеристики женщины-казачки, похожей в проявлении какого-либо своего качества на мужчину: *Она встречала Андрея по ночам, сдержанно сияя чуть косо поставленными глазами, обнимала его с мужской силой* (Поднятая целина, 1, V). Очевидно, что мужская работа по хозяйству была обыденностью, раз возможность обходиться без нее нуждается в отдельном подчеркивании: *Она и сама неплохо справлялась с хозяйством и могла бы легко обходиться без мужской помощи* (Поднятая целина, 1, V).

В противоположность мужскому в текстах М.А. Шолохова встречается и *женское*, не только как «принадлежащее женщине», но и как проявление нежности, мягкости, эмоциональности: *Ветер с востока печально качал на глинистых холмиках прошлогодний бурьян, бережно шевелил, будто тонкими женскими пальцами перебирал, пряди пожухлой, бесцветной полыни* (Поднятая целина, 2, XXI); Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд (Наука ненависти); *А на убитых нельзя так смотреть… Проходи мимо, и все! Не давай мыслям воли, взнуздывай их. Вот видишь: хотя ты и говорила, а женское одолевает тебя* (Тихий Дон, 5, VI).

Женскими, применительно к мужчине, могут быть также черты лица, цвет кожи: *Был он коренаст, одинаково широк и в плечах и в бедрах, оттого казался квадратным; на чугунно-крепком устое сидела плотная, в кирпичном румянце, шея, и странно выглядела на этой шее красивая в посадке небольшая голова с женским очертанием матовых щек, маленьким упрямым ртом и темными глазами под золотистою глыбой курчавых волос* (Тихий Дон, 2, IX); *Сотник, расстегнув воротник мундира, почесывал женски-белую грудь* (Тихий Дон, 2, XIV); *Еще один шел без шапки, надвинув на черные женски-красивые глаза красный офицерский башлык* (Тихий Дон, 5, XII).

Высоким проявлением волевых и морально-нравственных качеств М.А. Шолохов, очевидно, считает мужественность как проявление смелости, силы воли, стойкости к ударам судьбы: *Все наиболее мужественные гибли в боях, от тифа, от ран, а остальные, растерявшие за годы революции и честь и совесть, по-шакальи прятались в тылах, грязной накипью, навозом плавали на поверхности бурных дней* (Тихий Дон, 6, IV). Лексему *мужественное* автор использует при описании героев: *Он был бы красив той неброской, но запоминающейся мужественной красотой, если бы не слишком хищный вырез ноздрей небольшого ястребиного носа, не мутная наволочь в глазах* (Поднятая целина, 1, II); *Странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумь*е (Наука ненависти). Причем принадлежность к мужскому полу или наличие социального статуса мужа совсем не подразумевает обязательного наличия мужества или мужественной красоты – мужественность в равной степени присуща и мужчинам, и женщинам, и старикам, и детям: *Рядом с собой видел Анну, черные глаза ее, мужественные и нежные линии милого рта* (Тихий Дон, 5, XXVI); *У Мишатки дрожали губы, но – нет, он не плакал. Он мужественно сдерживался* (Тихий Дон, 7, VIII); *Ильинична – эта мудрая и мужественная старуха – и с места не двинулась* (Тихий Дон, 7, XVI); *Аксинья мужественно переносила дорожные лишения* (Тихий Дон, 7, XXVI).

Средоточием лучших мужских качеств (не нивелирующих при этом не самые приглядные стороны личности) для М.А. Шолохова был казак, о чем говорит тот факт, что *казак* в его произведениях является концептуально-когнитивной единицей текста, включающей в себя множество этнолингвистических и ассоциативных связей, важных для понимания замысла автора и его миропонимания. В частности, казак должен обладать: 1) уважением к предкам, верностью власти: *Служи, как отец твой служил, войско казацкое и тихий Дон не страми! Деды и прадеды твои службу царям несли, должон и ты!* (Чужая кровь); 2) стойкостью: *Но казаки будут держаться. Если и уйдут – то последними* (Тихий Дон, 4, II); *Другой бы давно издох, а ему нипочем, с него это – как с гуся вода. Нет, ишо не перевелись на тихом Дону настоящие казаки!* (Тихий Дон, 7, XXIV); 3) смелостью и решительностью: *Я тебе точно говорю, что он истый казак! Неужто тебе глаза залепило? Его издали по посадке угадаешь, а вблизу – по обличью, по ухватке, да и по обхождению с женщиной видать, что он казачьей закваски, не из робких* (Поднятая целина, 2, VIII).

Таким образом, для М.А. Шолохова и его миропонимания принадлежность к мужскому полу не означала обязательно ни мужественности,

ни доблести, равно как и принадлежность к женскому полу не означала абсолютной женственности и слабости. Аксиологически высокую позицию для писателя занимали казаки и казачки, крепко стоящие на ногах, трезво и разумно мыслящие, любящие свою землю, способные защищать Родину.

Язык художественных произведений М.А. Шолохова, неразрывно связанного с Донским краем, ориентирует читателя и исследователя на восприятие персонажей, донского казачества и «мужицкого» населения Придонья конца XIX – начала XX вв., как этнолингвистического феномена, что позволяет рассматривать тексты автора с новых, не исследованных ранее сторон.

Библиографический список

1. Давыдова О.А. Их-то и прозвали казаками (значение слова «казак» в языке М.А. Шолохова) // Русская речь. 2005. № 3. С. 16–21.
2. Шолохов М.А. Собр. соч. в восьми томах. М., 1956–1960.
3. Словарь русских говоров Приамурья / Авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск, 2007.
4. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. В.И. Чернышова: В 17 т. М.-Л., 1948–1965.
5. Словарь языка Михаила Шолохова / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 2005.
6. Таловикова О.В. Когнитивный образ концепта «мужчина» в идиолекте М.А. Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 199–201.

A. Sideltsev

Verb Adjacent Focus in Hittite[1]

В статье рассматриваются позиции фокуса в хеттском языке. Хеттский нарушает сформулированную Д. Бюрингом универсалию, согласно которой в языке может быть только две линейные позиции фокуса – из них приглагольная позиция должна быть предглагольной в языке с порядком слов SOV и постглагольной в языке с порядком слов SVO. Хеттский демонстрирует и предглагольную, и пост-

[1] The paper was supported by grant RGNF No 11-04-00282a «Typology of Morphosyntactic Parameters» and by the Programme of the Section of Language and Literature OIFN “Language and Literature in the Context of Cultural Dinamics”. I wish to express my sincere gratitude to P. Arkadiev, A. Bauer and O. Belyaev who read and commented upon earlier versions of the paper. All possible errors of fact or interpretation are the author’s only.

глагольную позиции фокуса, хотя и является языком SOV. В статье рассматриваются особенности обеих позиций и делается вывод, что постглагольная позиция фокуса для хеттского – не полностью сформировавшееся новообразование.
Ключевые слова: хеттский язык, информационная структура, фокус, топик, предглагольная и постглагольная позиции фокуса.

The typology of focus realization, i.e. how different languages express focusing, has been developing rapidly recently, see, e.g., [4; 35]. Among other things, it has been claimed that there are languages which code focus configurationally, i.e. by constituent order variation: "If the prosodic system of a language doesn't allow A in the string A B to be prominent, two more options arise: No adjustment whatsoever (i.e. violation of FocusProminence); or syntactic adjustment to B A to get A into a prosodically prominent position. The latter case will result in a language that marks focus by constituent order variation …" [4].

In the present paper I consider Hittite data which are relevant for the configurational analysis.

Information Structure Framework

The information structure framework I employ in the paper is basically that of [22]: it operates with topic and focus only, without introducing other terms, such as *background, comment, given* etc[1]. As I deal mostly with focus, the distinction between informational and contrastive focus established in [19] is of particular importance.

A more detailed taxonomy of focus types and a more formal definition of focus is present in the influential paper of [20]: informational focus is understood as question-answer focus (with both covert and explicit questions). Contrastive focus for Krifka is constituted by corrective (and additive) focus: "The notion of *contrastive* focus I would like to restrict to focus used for truly contrastive purposes, which presupposes that the CG content contains a proposition with which the current utterance can be constructed, or that such a proposition can be accommodated" [20]. "There is evidence for particular marking strategies for contrastive focus, like the use of particular syntactic positions or of special prosodic patterns" [20][2]. A variety of contrastive

[1] There exists a practically infinite number of competing frameworks. Cf., just for example [10] or [8; 9].

[2] Cf.: "One such notion is *contrast*, which is distinguished from pure *information focus* that shows up, e.g., in the answer to constituent questions. With contrast, the alternatives have to be given explicitly, and usually it is also assumed that only one of the contrasted alternatives is acceptable. For example, answers to alternative questions would qualify as having contrastive focus:

(7) A: Do you want TEA or COFFEE? B: I want TEA.

focus is exhaustive focus: "It indicates that the focus denotation is the only one that leads to a true proposition, or rather more general: that the focus denotation is the logically strongest that does so" [20]. Confirmative, parallel and delimitation focus are not explicitly referred to either class. A similar taxonomy belongs to Dik, represented in the Hittitological tradition by [12; 13]. Verum focus is also commonly distinguished – focus on the truth value of a sentence [10; 20]. Yet another type is traditional emphatic focus, scalar focus in M. Krifka's terms. "In it, the alternatives are ordered, and the focus denotation often is the least or greatest element. Scalar particles like *even* or *at least* require scalar focus, as well as strong polarity items such as in [*Wild HORses*]$_F$ *wouldn't drag me there*" [20].

Hittite Configurational Syntax

Hittite is an extinct Indo-European language (Anatolian group) attested in cuneiform script roughly in the first half of the second millennium BC. It is left branching with the rigid SOV word order. There are the following positions within a Hittite clause[1]:

left periphery (occupied by constituents fronted because they have a marked information structure status – constrastive focus or topic, for example[2]), *first position* (occupied by some adjuncts, subject, object)[3], *preverb* (occupied by preverb), *immediately preverbal position*[4] (occupied by indefinite pronouns[5],

---

There is a plausible argument that we do not need contrastive focus as a separate basic notion, as we already have introduced givenness; hence contrastive focus can be defined as that subtype of focus in which the alternatives are given. The uniqueness assumption may follow if we assume that apparent non-uniqueness arises because alternatives can be combined (e.g., *we saw a tiger and a baboon on the road*), but that the explicit enumeration of alternatives that does not include a combination (e.g., *or both* in (7.A)) suggests that such combinations should be disregarded" [11].

[1] Cf. [23 passim; 18, p. 406]. Dislocations are not considered. The positions are defined linearly, not structurally. The reason for this is that although there is no consensus as to whether dedicated focus and topic positions should be defined structurally or linearly, see for a brief overview [10, p. 170], but it seems that the linear definion is preferable [10, p. 170].

[2] See in more detail for the finer-grained structure [34] and in the present paper below.

[3] It is somewhat difficult to draw the exact borderline between the left periphery and the first position. E.g., [12, p. 251] supposes that some adjuncts can occupy the left periphery, I rather suppose that they are in the first position. However, this distinction is irrelevant for the argument of the present paper. Besides, left periphery and the first position which are defined in terms of clause structure in the present paper should not be confused with the initial and first positions which are linear surface positions in a clause. There have been repeated attempts to correlate them with the information structure or syntactic positions, see, e.g., [23; 12], but so far the correlation is not completely convincing.

[4] Known in the cross-linguistic literature as IBV (immediately before the verb).

[5] See [23, p. 36–37; 31, p. 155–158; 18, pp. 286, 406]. Actually, [18, p. 286] define the position more vaguely: "When *kuiški* is used substantivally, it tends to take a position quite close to the finite verb (i.e., toward the end of the clause)". However, normally, indefinite pronouns are immediately in front of the verb.

negation and negative pronouns [18, pp. 341, 406], focused subjects [12; 13], some adjuncts and question words with a certain information structure status [13]), *verb position*, *immediately postverbal position* (occupied by both focus [1] and topic)[1]. An example of canonical word order is:

Ex. 1. MH/NS (CTH 261.B) KUB 13.2+ rev. iii 25–27

1. *ANA BELI=ma=at=šan lē iē-zzi #*
   for superior=but=it=LOC.PART[2] not.PROHIB decide-3SG.PRS
2. *ANA* ŠEŠ=*ŠU=ya=at=za=šan* NIN=*ŠU*
   for brother=his=and=it=REFL=LOC.PART wife=his
   ar-i=ši=ya lē iya-zi #
   friend-DAT.SG=his=and not.PROHIB make-3.SG.PRS
3. *mašga-nn=a=za lē kuiški*
   bribe-ACC.SG=and=REFL not.PROHIB one.NOM.SG.C
   dāi #
   take.3SG.PRS
   "(1) Let him not, however, decide it (the case) for (his) superior (2) Let him not decide it for his brother, his wife or his friend. (3) Let no one take a bribe"[3].

Verb Adjacent Focus Positions

As follows from the above presentation, focus can be either *in situ* (in case of informational focus) and *ex situ* (in case of contrastive focus). If it is *ex situ*, it can occur in three positions – left peripheral, immediately preverbal and immediately postverbal. The left peripheral focus position is of no interest for the present paper.

For the immediately preverbal position see the following example with the replacing focus on the subject[4]:

Ex. 2. OH/OS (CTH 291) KBo 6.2 i 16-19

1. [(*takk*)]*u* LÚ.U_{19}.LU-*an kuiški hūnikzi #*
2. *t=an ištarnikzi #*
3. *nu apūn šāktāizzi #*
4. *pēdi=šši=ma* LÚ.U_{19}.LU-*an pāi #*
5. *nu* É-*ri=šši anniškizzi #*
6. *kuitmān=aš lāzziatta #*

---

[1] This position is clause internal as different from right dislocations which are clause external. It is known in the cross-linguistic literature as IAV (immediately after the verb).

[2] Abbreviations: ACC – accusative, C – common gender, CONN – sentence connective, DAT – dative, LOC.PART – locative particle, N – neuter gender, NEG – negation marker, NOM – nominative, PRS – present, PST – past, PROHIB – prohibitive, REFL – reflexive, SG – singular.

[3] Following [5, Š, p. 250]. Cf. [26, p. 154-155; 18, p. 342; 5, Š, p. 152].

[4] Generally following [12, p. 301].

7. *mān=aš lazziatta=ma* #
8. *nu=šše* 6 GÍN KÙ.BABBAR *pāi* #
9. ^{LÚ}A.ZU=*ya* *kušša-n* ***apā-š***=*pat* *pai* # §
   doctor=and fee-ACC.SG **he**-NOM.SG.C=instead pay.3SG.PRS
   "(1) If anyone injures a (free) person (2) and incapacitates him, (3) he shall provide medical care for him, (4) while in his place he shall give a(nother) man. (5) He (the person who has been given) shall work on his estate, (6) until he recovers. (7) When he recovers, (8) he (the offender) shall pay him 6 sheqels (**9**) and **he** shall pay the doctor's fee instead (of the patient)"[1].

The postverbal focus position is illustrated by the following example:

Ex. 3. NH/NS (CTH 456.1.A) KUB 9.15 obv. ii 16'–20'

1. *n=aš=kan* ŠÀ URU^{LIM} *šešdu* #
2. *mahhan=ma* GE$_6$-*anza lukzi* #
3. ^{MUL}UD.ZAL.LE=*kan wizzi* #
4. ***luk-zi*** *nāwi* #
   become.bright-3SG.PRS not.yet
5. *n=aš=kan* URU-*riaz arha hūdāk paiddu* #
6. ^{D}UTU-*uš=an=kan* ŠÀ URU^{LIM} *lē wemiyanzi* #
   "(1) Let him spend the night inside the city. (2) But when the night grows brighter (3) (and) the morning star rises, (**4**) (while) it hasn't yet **become** (really) **bright**, (5) let him promptly leave the city; (6) let the sun not find him inside the city"[2].

The verb *lukzi* "get light" in clause 4 of this context is topical. It was introduced as focus in clause 1. Here it is an established topic[3] whereas the negation is in contrastive focus.

Moreover, this clear Hittite picture is blurred by the fact that both immediately preverbal and immediately postverbal positions can contain not only focus, but also constituents with unmarked information structure status – some adjuncts, negation markers[4], indefinite, negative and relative pronouns.

First I will illustrate the postverbal position:

Ex. 5. OH/OS (CTH 627.3.a) KBo 20.33+ obv. 12 [18, p. 425]

---

[1] Following [16, p. 23]. Noted by [12, p. 301] as Ex. 8.18.

[2] Following [21, p. 32–33; 5, p. 422].

[3] It could be possible to assess verb fronting as conditioned by information structure if it entailed the change of discourse status from focal to topical. However, in clear cases immediate anaphora after first mention is at play if the verb in the left periphery is topical. Here it is obviously not. The same concerns head-tail linking – here there is no immediate clause adjacency with the identical verb forms. Thus supposition of head-tail linking is unlikely.

[4] Adjuncts and negations in this position can code contrastive/scalar focus, informational focus and topic.

1. [^{LÚ}KA]Š$_4$ ***tarh-zi*** *kui-š #*
   runner win-3SG.PRS who-NOM.SG.C
2. 1 MA.NA KÙ.BABBAR *Ù* 2 ^{NINDA}*wagadaš pianzi #*
   "(2) They give one mina of silver and two *w*.-breads (1) to the runner who **wins**". [31, p. 158]

Ex. 6. MH/MS (CTH 199) ABoT 65 obv. 8–9 [31, p. 158]

1. ^{mGIŠ}GIDRU–DINGIR^{LIM}*–i-n* ***tapaššīē-t*** *kuitki #*
   Hattušili-ACC.SG.C worry-3SG.PST something.NOM.SG.N
2. *nu* ^{URU}*Hattuši penniš #*
   "(**1**) Something **has worried/excited**? Hattušili. (2) He drove to Hattusa"[1].

In these and similar cases the information structure statuses of both the verb and the other constituents which are *ex situ* is not different from those *in situ*. In transformational terms such examples involve movement of the verb to a higher position[2]. It is not conditioned by information structure.

The immediately preverbal position is analogous:

Ex. 7. OH/OS (CTH 416.A) KBo 17.1+ obv. i 40'

KASKAL*–an* LUGAL*–u-š* ***kui-n*** *wi-zzi #*
way-ACC.SG king-NOM.SG **which**-ACC.SG.C come-3SG.PRS
"**Which** way the king comes" following [25, p. 22–23; 15, K, p. 219][3].

Ex. 8. NH/NS (CTH 177.3) KUB 23.101 obv. ii 1-6 [18, p. 428]

1. [*kāša kī up*]*piššar* GIM-*an uppahhun #*
2. [*n=at . . -i*]*š* ^{LÚ}*ṬEME=YA aušta #*
3. *nu=mu memian šakuwaššaran* [ ] #
4. [*nu kue uppia*]*ššar*$^{HI.A}$ *uppahhun #*
5. *n=at au #*
6. HU[L-*uwa*] *uppiaššar*$^{HI.A}$ # §
7. *nu tu-el* ^{LÚ}*ṬEMU* ***kuwat*** ***UL*** *punuš-ta #*
   CONN you-GEN.SG messenger why NEG ask-3SG.PST
8. *memaḫḫun=ši* GIM-*an #*
   '(1) When I have just sent my gift(s), (2) PN, my messenger, saw them. (3) [he told me] the whole story (lit. word) (4) The gifts which I sent, (5) look at them – (6) are they bad gifts? (7) **Why** did you **not** ask your messenger (8) how I told him: ('I will send to my brother good gifts only when the messenger of my brother reaches me'?)"[4].

---

[1] Following [17, p. 243].

[2] Structurally T position, linearly clause internal position, often (but not always) occupied in the canonical word order by the preverb. The verb moves into this position only if there is no preverb in the clause.

[3] Usually, relative pronouns are either clause first or second (depending on the type of the relative clause).

[4] Following [5, Š, p. 61; 6, p. 52; 18, p. 428]. Cf. [14, p. 278–279].

It follows from the last example that negation markers, negative and indefinite pronouns occur immediately before (and after) the verb. If they are present in a clause in the canonical position[1], nothing intervenes between them and the verb[2]. In the rare cases when they are attested in my corpus together with preverbal foci or wh-words (**Ex. 8**), negative and indefinite pronouns occur immediately before[3] the verb and thus intervene between the verb and the contrastive focus.

A very similar distribution is also attested in Ossetic and some neighbouring languages [7]. D. Erschler describes the Ossetic clause architecture as indefinite pronouns etc. intervening between immediately preverbal focus position and the verb.

How do we interpret the distribution? In the introductory part I defined the immediately preverbal position as being occupied *both* by contrastive focus and some wh-words [13] *and* by negation markers coding informational focus, as well as some adjuncts bearing mostly focus and by indefinite pronouns and negative pronouns in any information structure status. Should we now split the position into two subpositions? Should we introduce finer-grained structure into the immediately preverbal position? Should we posit two different positions – one for contrastive focus and wh-words with the unexpectedness discourse function and the other for negation markers coding informational focus, as well as some adjuncts coding mostly focus and by the indefinite pronouns and negative pronouns which are often considered not to code focus or topic?

Actually, this distribution is compatible with any kind of analysis suggested above. What is important is the fact that a closed set of constituents can intervene between focus/wh-word and the verb.

Thus it looks that the IBV and IAV positions are identical. This is largely so, with one important exception: in a number of cases the information structure status of preverbal negation[4] is different from that of postverbal negation[5]. The latter codes contrastive focus[6], as in Ex. 9:

Ex. 9. MH/MS (CTH 147) KUB 14.1+ rev. 22-24

---

[1] Negation markers can be fronted.

[2] Actually, the formulation is too strong: the clauses where indefinite pronouns etc. are not immediately adjacent to the verb are also attested. In these cases the placement of indefinite pronouns is identical to subject and object DPs.

[3] I assume that the same holds good for the immediately postverbal position, but so far such clauses are not attested in my corpus.

[4] As well as of some adjuncts like *QATAMMA*/ *apeniššan* “in the following way”.

[5] This is not always true: there are cases where the information structure status of the immediately preverbal and postverbal negations is identical. It happens when negation is informational focus in both positions.

[6] See Ex. 3 above.

1. [KUR] ^{URU}*Ḫapālla=wa=kan naššu kuemi #*
2. *našma=war=at QADU* NAM.RA$^{HI.A}$ GU$_4^{HI.A}$ UDU$^{HI.A}$ *arnumi #*
3. [*n=at ANA*] ^{D}UTU^{ŠI} *parā piḫḫi #*
4. *namma=ma=kan* KUR ^{URU}*Ḫapālla*
furthermore=but-LOC.PART country Hapalla
kuen-ta*=ya* *ŪL #*
smite-2/3SG.PST=and NEG
5. ***ēp-ta****=ya=at* *ŪL #*
seize-2/3SG.PST=and=it NEG
6. *n=at ANA* ^{D}UTU^{ŠI} *parā Ū*[*L paitta*?] #
7. *n=at=za* ^{m}*Madduwattaš dāš #*

"(1) I will either smite the country Hapalla (2) or I will remove it together with civilian captives, cattle (and) sheep, (3) and will give [it to] My Majesty'. (**4**) But subsequently you/he neither **smote** the country Hapalla, (**5**) nor seized it (6) and you/he d[id not give] it to My Majesty. (7) Madduwattas took it for himself"[1].

As it was first observed by A. Bauer [1], negation is contrastive focus in clause 4 and all the rest of constituents are topical.

The former codes informational focus, as in Ex. 9:

Ex. 10. MH/NS (CTH 259) KUB 13.20 obv. 16-18

1. *mān* ^{D}UTU-^{ŠI}*=ma* *lahh-i* *ukila* ***UL*** *pāi-mi #*
if majesty-my=but campaign-LOC.SG myself **NEG** go-1SG.PRS
2. *nu tuzziya kuin* DUMU.LUGAL *našma BE*[*L* GAL] *wātarnahmi #*
3. *nu tuzzin lahhi apāš pēhutezzi #*

"(**1**) If I, My Majesty, myself do **not** go on campaign, (2) then the prince or [great] lor[d] that I appoint as commander in the army, (3) he shall lead the army on campaign" [12] as Ex. 8.42.

The second important property of incomplete identity between IBV and IAV is the fact that the constituents which occupy the immediately preverbal position in the canonical word order and which land postverbally in case of verb movement into the T position occur predominantly in *two constituent* clauses if their information structure status is not identical to that *in situ*, – i.e. if they are contrastive or scalar foci. This is in dramatic contrast to the other constituents occupying the immediately preverbal position in the canonical word order whose information structure status is identical in both IAV and IBV positions, most prominently indefinite pronouns and *wh*-words. This difference makes it necessary to provide a two stage diachronic explanation for the existence of the IAV position.

[1] Following [2, p. 149; 23, p. 102].

The fact that the same set of constituents occurs in IAV and IBV positions, as well as the fact that the information structure status of both the verb and the IAV constituent is identical in a number of cases, makes it inevitable to suppose that originally the postverbal position was unmarked as for the information structure status: there existed free word order variation involving SOXV/SOVX where X occupies the immediately preverbal position in the canonical word order. This X was both informational and contrastive focus, rarer topic.

Then the IAV position got associated with contrastive/scalar focus: constituents with contrastive focus status belong to the X class – they occur in the IBV position *ex situ*, but due to free word order variation[1] they could also land postverbally. This postverbal contrastive focus[2] was sporadically reanalyzed as a post-verbal position dedicated for contrastive or scalar focus. Consequently, for a number of constituents for which the preverbal position is canonical[3], the postverbal position was coming to be marked for contrastive or scalar focus. The process of grammaticalization of the postverbal position as the dedicated contrastive focus position was not finished in historical Hittite. Thus both informational and contrastive foci were linearly postverbal as well as topics. Still, in the absolute majority of two constituent clauses with contrastive negation the negation is postverbal.

This took place mostly in two-constituent clauses, because in two constituent clauses the leftmost non-verbal constituent is unmarked as to its information structure, especially if it is the constituent which occupies the immediately preverbal position. If the information structure status of this constituent is such that correlates with the *ex-situ* position, movement into the left periphery would produce no effect as linearly left peripheral and immediately preverbal positions are not distinguished in two constituent clauses[4]. So, if the information structure of such a constituent is such that correlates with the *ex-situ* position, there is no way for it to occur in an *ex-situ* position other than landing postverbally. In other words, the postverbal dedicated focus position which is only sporadically made use of in clauses involving more than two constituents[5] becomes not only available, but the only *ex-situ* position for the non-verbal constituent to receive its marked information structure status. For it to land postverbally, the verb has to move into the T position without any change in its information structure status.

[1] Which is realized as verb raising into the clause internal position (structurally T).

[2] Which actually coexisted with information foci and even possibly topics.

[3] Like negations and some adjuncts.

[4] If negation markers or adjuncts occur in clauses involving more than two constituents, they are fronted into the left periphery if they code contrastive or scalar focus.

[5] Because the main dedicated focus position in the left periphery is available for them.

As stated above, the fact that there are three dedicated focus positions is at odds with most cross-linguistic studies on discourse configurationality: the latter claim that a language should only possess either a preverbal or a postverbal dedicated focus position [4, p. 35]. This overabundance of focus positions suggests that one of them should be explained as derivative, at least diachronically. The postverbal focus position is the best candidate for this because it is the rarest and, more importantly, it demonstrates a non-trivial constraint on the structure of the clause (two-constituency). Thus I suppose that the postverbal dedicated focus position arose out of the free SOXV/SOVX variation as argued above.

This dependency between SOXV/SOVX free variation and postverbal focus is also present in the few SOV languages I am aware of which attest postverbal focus – Ossetic, Georgian [7, p. 686–687] and Nakh-Daghestanian [3], e.g., Digor Ossetic:

Ex. 11. a. preverbal focus

tuʁd-i [ɐrmɐst mɐn-ɐn]F nɐ ravardtoncɐ
war-OBL only I.OBL-DAT NEG give.3PL.PST
"During the war, they gave out (medals) not only to me" Æghuzarti (2009)

b. postverbal focus

ba-jzadɐj=ma=ši [*ɐrmɐst=dɐr farast*]$_F$
PRV-remain.3SG.PST=ELSE=ABL.3PL only=EMP nine
"There remained only nine of them" Maliti (2008) [7, p. 687, Ex. 41].

It is necessary to emphasize that in Ossetic and Nakh-Daghestanian the postverbal position is in no way a dedicated focus position, as it can also contain topics (Lyutikova, pers.comm.).

It is also claimed that even in Hungarian, a prime example for preverbal foci, postverbal focus position is available [10, p. 170-1; 11]:

Ex. 12. Tegnap este BEMUTATTAM Pétert MARINAK.
yesterday evening PRT-introduced-I Peter.ACC Mary.DAT
"Yesterday evening, I introduced Peter to Mary" [10, p. 170–171; 11].

In this example both the VP and the dative object are focused and the accusative object is given, but the dative object is postverbal [11]. Whether the Hungarian data should be explained as the Hittite one above remains unclear at present. In [10, p. 170–171; 11] an explanation featuring prosodic prominence of focus analogous to that proposed for Romance and Bantu languages (see, among others, [28, 29, 30]) is put forward. However, it remains rather vague for Hungarian.

Conclusion

Hittite, just like Ossetic and Nakh-Daghestanian languages, violates the generalization of [4] that a language should display two dedicated focus positions and that a language may possess either only IAV or IBV dedicated focus positions. Hittite possesses three dedicated focus positions – in the left periphery, immediately before the verb and immediately after the verb.

However, in conformity with [4], Hittite unambiguously shows that IAV focus position is derivative from the IBV position. Thus, at least diachronically, Büring's generalization still holds.

Bibliography

1. Bauer A. Verberststellung im Hethitischen // Indogermanistik und Linguistik im Dialog – Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 27. September 2008 in Salzburg / Krisch Th. et al. (eds.). Wiesbaden, 2011. S. 39–48.
2. Beckman G. Hittite Diplomatic texts. Atlanta, Georgia, 1996.
3. Belyaev O., Forker D. Information structure of Nakh-Daghestanian languages // Information structure and spoken language in a cross-linguistic perspective / Fernandez-Vest M.M. Jocelyne, Van Valin Robert D. Jr. (eds.). In press.
4. Büring D. Towards a Typology of Focus Realization // Information Structure / Zimmermann M., Féry C. (eds). Oxford, 2009. P. 177–205.
5. The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / Ed. by H. Güterbock, H. Hoffner, T. van den Hout. L–N. The Oriental Institute of the University of Chicago, 1989–.
6. Roos J. de. Die Hethiter und das Ausland // Motivation und Mechanismen des Kulturkontaktes in der späten Bronzezeit / Prechel D. (ed.) Eothen 13. Firenze, 2005. S. 39–58.
7. Erschler D. From preverbal focus to preverbal ''left periphery'': The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // Lingua. 2012. № 122. P. 673–699.
8. Erteschik-Shir N. The Dynamics of Focus Structure. Cambridge, 1997.
9. Erteschik-Shir N. Information Structure: The Syntax-Discourse Interface. Oxford, 2007.
10. Féry C. Information Structural Notions and the Fallacy of Invariant Correlates // The Notions of Information Structure. Interdisciplinary Studies on Information Structure. Working Papers of the SFB 632 / Féry C., Fanselow G., Krifka M. (eds.). Potsdam, 2007. P. 161–184.
11. Féry C., Krifka M. Information structure. Notional distinctions, ways of expression // Unity and diversity of languages / van Sterkenburg P. (ed.). Amsterdam, 2008. P. 123–136.
12. Goedegebuure P. Reference, Deixis and Focus in Hittite. The demonstratives *ka*- "this", *apa*- "that" and *asi* "yon". Academisch proefschrift ter verkrijging van de graad van doctor aan de Universiteit van Amsterdam, 2003.

13. Goedegebuure P. Focus Structure and Q-Word Questions in Hittite // Linguistics. 2009. Vol. 47/4. P. 945–969.
14. Hagenbuchner A. Die Korrespondenz der Hethiter. 2. Die Briefe mit Transkription, Übersetzung und Kommentar. Texte der Hethiter. 16. Heidelberg, 1989.
15. Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary // Trends in Linguistics. Documentation 1. Berlin-NY, 1984–.
16. Hoffner H. Jr. The Laws of the Hittites. DMOA. 23. Leiden, NY, Köln, 1997.
17. Hoffner H. Jr. Letters from the Hittite Kingdom. Atlanta, 2009.
18. Hoffner H. Jr. Melchert C. A Grammar of the Hittite Language. Part 1: Reference Grammar. Winona Lake, Indiana, 2008.
19. Kiss K.É. Identificational focus and information focus // Language. 1998. № 74. P. 245–273.
20. Krifka M. Basic notions of information structure // Interdisciplinary Studies on Information Structure. Interdisciplinary Studies on Information Structure. Working Papers of the SFB 632 / Féry C., Fanselow G. and Krifka M. (eds.). Potsdam, 2007. P. 13–56.
21. Kümmel H.M. Ersatzrituale für den hethitischen König. StBoT 3. Wiesbaden, 1967.
22. Lambrecht K. Information Structure and Sentence Form. Cambridge, 1994.
23. Luraghi S. Old Hittite Sentence Structure. London – NY, 1990.
24. Neu E. Althethitische Ritualtexte in Umschrift. StBoT 25. Wiesbaden, 1980.
25. Otten H., Souček V. Ein althethitisches Ritual fur das Königspaar. StBoT 8. Wiesbaden, 1969.
26. Pecchioli Daddi F. Il vincolo per i governatori di provincia // Studia Mediterranea 14. Series Hethitica 3. Pavia, 2003.
27. Probert Ph. Clause boundaries in Old Hittite relative sentences // Transactions of the Philological Society. 2006. V. 104. № 1. P. 17–83.
28. Samek-Lodovici V. Prosody-Syntax Interactions in the Expression of Focus // Natural Language and Linguistic Theory. 2005. P. 687–755.
29. Samek-Lodovici V. When Right Dislocation Meets the Left-Periphery // Lingua. 2006. № 116. P. 836–873.
30. Samek-Lodovici V. Topic, Focus and Background in Italian Clauses // Focus and Background in Romance Languages / A. Dufter and D. Jakob (eds). Johns Benjamin, 2009. P. 333–358.
31. Sideltsev A. Inverted Word Order in Middle Hittite // Anatolian Languages. Association for the History of Language Studies in the Science & History of Language 6 / Shevoroshkin V.V., Sidwell P. J. (eds.). Canberra, 2002. P. 137–188.
32. Sideltsev A. Verb Movement in Hittite: a Reassessment. MS.
33. Singer I. The Hittite KI.LAM Festival. StBoT 28. Wiesbaden, 1984.
34. Vai M. Osservazioni sulla periferia sinistra della frase in ittita // Anatolistica, indoeuropeistica e oltre nelle memorie dei seminari offerti da Onofrio Carruba (anni 1997–2002) al Medesimo presentate. Antiqui Aevi Grammaticae Artis Studiorum Consensus. Series maior I. Milano, 2011. P. 39–56.
35. van der Wal J. Why does focus want to be adjacent to the verb? // Workshop “Parametric variation in discourse configurationality”, 28–29 August 2012. Meeting Societas Linguistica Europaea, Stockholm.

Т.М. Воителева

Культуроведческий подход к обучению русскому языку как способ формирования ценностных ориентаций школьников

Рассмотрены цели, содержание обучения, обозначенные в ФГОС, способствующие формированию культуроведческой компетенции на уроках русского языка, воспитанию ценностных ориентаций школьников.

Ключевые слова: культуроведческий подход, культуроведческий аспект, культуроведческая компетенция, ценностные ориентации школьников, язык как составная часть культуры, языковая картина мира, языковая личность, культуроведческий текст.

В мировой лингводидактике изучение языка, его структуры в русле изучения человека как носителя языка, осознания его языковой личностью связывается с культуроведческим подходом в обучении языкам. Культуроведческий подход на X конгрессе МАПРЯЛ в 1999 г. назван новым подходом, с которым будет связана лингводидактика в XXI в.

Разработка и введение в действие Стандартов нового поколения (ФГОС) тесно связаны с доминирующим в настоящее время в мировой практике компетентностным подходом в обучении языку. Одной из задач обучения, отраженных в Стандарте, является воспитание уважения к русскому (родному) языку, который сохраняет и отражает культурные и нравственные ценности, накопленные народом на протяжении веков, осознание связи языка и истории, культуры русского и других народов. Решение этой задачи входит в область формирования личностных результатов обучения, в которых акцент делается на развитии эмоционально-волевой сферы личности.

Как известно, язык отражает характер исторического и интеллектуального развития народа, являясь материальной и духовной ценностью

общества. В настоящее время, когда одной из актуальных проблем общества является возрождение культурно-нравственных ценностей, «национально-культурный компонент в преподавании русского языка становится одним из важных средств развития духовно-нравственного мира школьника, его ценностно-ориентационной культуры, национального самосознания…» [2, с. 131].

Подход к преподаванию русского языка как средству постижения культуры восходит к трудам К.Д. Ушинского, Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, в которых подчеркивается важность развития духовных способностей учащихся, приобщения их к настоящему и прошлому своего народа в процессе обучения языку. Культуроведческий подход в обучении предполагает изучение языка как результат, как продукт культурного развития человека. Язык рассматривается как составная часть культуры, формирующей национальное самосознание, которое реализуется в слове. В методике преподавания русского языка как родного проблема соизучения языка и культуры активно разрабатывается в последние два десятилетия.

Культуроведческий подход в обучении предполагает приобщение к культуре в широком смысле этого слова. «Основная направленность культуроведческого аспекта – осознание учащимися феномена русского языка, его богатства, самобытности, национального своеобразия. Основные цели его – развитие духовно-нравственного мира школьника, национально-личностного самосознания, осознания учащимися многообразия духовного и материального мира, признания и понимания ими ценностей другой культуры, уважения к ней» [2, с. 153].

Реализация культуроведческого аспекта в обучении русскому языку базируется на следующих положениях:

– формирование представлений о родном языке как духовной ценности, национальном достоянии русского народа;

– широкое и разнообразное использование материала по истории родного языка, фразеологии, этимологии;

– знакомство с основами русского речевого этикета и формирование соответствующих навыков в связи с изучением конкретных тем курса;

– создание широкого культуроведческого фона путем включения разнообразного экстралингвистического материала о разных городах России, народных промыслах, исторических событиях и великих личностях России, о современной социальной рекламе и т.п.;

– широкое использование произведений художественной литературы.

Изучение русского языка в культуроведческом аспекте способствует формированию *культуроведческой компетенции* учащихся, в состав

которой входит осознание родного языка как формы выражения национальной культуры, понимание взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, освоение норм русского речевого этикета, культуры межнационального общения; формирование способности объяснять значение слов с национально-культурным компонентом.

Обучение русскому языку в культуроведческом аспекте опирается прежде всего на понятие языковой картины мира. Картина мира – это отражение окружающей действительности в сознании человека, «неотъемлемый компонент национального характера, столь же необходимая составляющая этнонационального и – шире – общественного сознания, сколь мировоззрение – непременный атрибут личности» [4, с. 57]. Картины мира, создаваемые и отражаемые национальными языками, существенно различаются. По словам Л.В. Щербы, «каждый язык представляет нам мир внешний, воспринимаемый мир в своем особом виде» [5, с. 53]. Это может быть связано, с одной стороны, с различными условиями жизни народа, с другой – с особенностями национального характера. Язык теснейшим образом связан с психологическим складом того этноса, к которому он принадлежит. Поэтому при изучении предметов филологического цикла важен принцип учета национальной психологии обучающихся. Знакомя школьников с национальной культурой, особое внимание следует обращать на то, что объединяет ее с культурами других народов и, самое главное, на то передовое и ценное, что оказывает положительное влияние на становление личности учащихся в современных условиях.

Истоком общечеловеческой нравственности, национальной культуры является личность, которая рассматривается как ведущая социально-этическая категория, выражающая духовность. «Личность есть по преимуществу нравственный принцип, из нее определяется отношение ко всякой ценности», – писал известный русский философ Н.А. Бердяев [1, с. 61]. Языковая личность формируется на протяжении всего обучения в школе, и прежде всего в процессе изучения родного языка как источника развития духовных способностей школьников.

Язык является одной из форм существования культуры, а культура – в ее духовном и материальном аспекте – одним из компонентов языка. Наряду с собственно лингвистическими особенностями языковые единицы закрепляют элементы культурного опыта, и язык нации служит отражением ее культуры в целом. Реализация культуроведческого аспекта в преподавании русского языка предполагает использование системы текстов с национально-культурным компонентом – текстов культуроведче-

ской направленности. Основными критериями отбора таких текстов является насыщенность их культуроведческими сведениями (о традициях, истории, событиях, связанных с национальной и мировой культурой), а также способность текста воспитывать читателя и эмоционально воздействовать на него. Культуроведческие тексты отражают традиции, обычаи, быт, религию русского народа, в целом воссоздающих национально-культурный фон России. Круг этих текстов включает в себя произведения художественной литературы, мифы, предания, публицистические произведения. Конечно, учащиеся знакомятся с художественными текстами, фольклором прежде всего при изучении русской литературы, однако их возможности в познании культуры русского народа должны быть использованы и на уроках русского языка.

Текст культуроведческой направленности помогает реализовать одну из основных целей обучения русскому языку – воспитание гражданственности и патриотизма, сознательного отношения к языку как явлению культуры, основному средству общения и получения знаний в разных сферах человеческой деятельности; воспитание интереса и любви к родному языку, что в целом связано с формированием культуроведческой компетенции учащихся.

Соизучение языка и культуры осуществляется в разных разделах курса русского языка. В качестве дидактического материала учащимся предлагаются образцы художественной речи (фрагменты из произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др.), а также высказывания известных ученых, лингвистов, литературоведов (Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.И. Даля и др.) о роли русского языка в формировании самосознания личности, любви к родине. Перечисление имен деятелей культуры дают представление об объекте культуроведческой информации, предлагаемой учащимся. Кроме того, работа с культуроведческими текстами позволяет сопоставить описываемые явления русской духовной культуры с явлениями культуры других народов.

Уже на первых уроках при изучении сведений о языке и его роли в жизни общества темой разговора могут стать сведения о языковой картине мира и богатстве языков. Сегодня эти уроки часто посвящены знакомству с высказываниями писателей, общественных деятелей о русском языке, его богатстве, самобытности, уникальности русского языка в сопоставлении с другими. Несомненно, образные, эмоциональные, эти высказывания необходимы как материал, формирующий одну из важных ценностных ориентаций школьника – отношение к родному языку. Однако включение их порою носит чисто декларативный характер. Уроки, посвященные общим сведениям о языке, являются, на наш взгляд, очень

важными, поскольку именно на них ученики получают сведения о происхождении, становлении и роли русского языка как языка государственного, языка межнационального общения на территории Российской Федерации.

Богатство и многообразие языка проявляется в лексике. Как известно, слово является хранителем и носителем национальной культурной семантики. В число лексических единиц, обладающих ярко выраженной национально-культурной семантикой, входят названия реалий, коннотативная лексика и фоновая лексика.

Почти каждое слово имеет национальную специфику, но более всего она отражается в словах, называющих понятия, реалии, свойственные только данной культуре, например: *щи, окрошка*; в словах с эмоционально-экспрессивным, символическим значением, например: *береза* как образ родины, девушки; *дуб* как образ силы, мощи.

Особая роль в отражении национальной специфики языка принадлежит фразеологизмам. Изучение русской фразеологии является необходимой и наиболее востребованной задачей, решение которой способствует формированию русской языковой идентичности, усиливает роль русского языка как средства объединения нации, является важным компонентом в формировании языковой личности. Каждый фразеологизм закреплен в языке исторически, т.е. несмотря на развитие языка, конкретное словосочетание сохраняет только ему присущее значение и используется в речи в неизменном виде. Фразеологизмы характеризуют все стороны жизни человека – его отношение к труду (*золотые руки, бить баклуши*), отношение к другим людям (*закадычный друг, заклятый враг, темная лошадка*), личные достоинства и недостатки (*не теряет головы, водить за нос, лопух лопухом*) и др. Фразеологизмы используются в обыденной речи, в художественных произведениях, в публицистике. Они придают высказыванию выразительность, служат средством создания образности речи. Часто в разговорном стиле используются фразеологические обороты, которые придают речи большую выразительность и эмоциональность.

На уроках русского языка школьники знакомятся не только с родной национальной культурой, но и с культурными ценностями других народов, что способствует толерантности, уважению к их национальной самобытности; пониманию и осознанию национально-культурных различий между народами и этносами. Таким образом происходит познание культуры русского народа в диалоге культур. Каждая культура открывает свои новые стороны и в то же время раскрывает то общее, что объединяет культуры разных народов и людей, говорящих на разных языках. На фоне встречи культур учащиеся более глубоко осознают своеобразие

родной культуры и то общее, что объединяет эти культуры, начинают глубже чувствовать особенности и своеобразие родного языка, осознанно любить его.

В целом обучение русскому языку в культуроведческом аспекте призвано воспитать молодого человека с активной гражданской позицией, неразрывно связанной с воспитанием чувства любви к Родине, к истории своего края, к его культуре, литературе. Такой подход к обучению дает возможность ученику лучше осознать, что «язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [8, с. 14].

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
2. Культуроведческая функция русского языка в системе его преподавания // Обучение русскому языку в школе: Учеб. пособие для студентов пед. вузов / Е.А. Быстова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; Под ред. Е.А. Быстровой. М., 2004.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М., 2000.
4. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальная традиция. Минск, 1998.
5. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. М.-Л., 1947.

Т.Л. Герасименко, Т.М. Гулая
Л.В. Зенина, С.А. Романова

Особенности перевода безэквивалентной экономической лексики и аббревиатур делового английского языка

Статья посвящена вопросам перевода безэквивалентной лексики и аббревиатур в процессе обучения английскому языку студентов экономических специальностей. В статье представлены примеры, иллюстрирующие такие способы перевода безэквивалентной лексики, как транскрипция, транслитерация, разъяснительный перевод, калькирование, подбор русского термина. Описаны такие способы перевода аббревиатур, как полное заимствование, транслитерация, звуко-буквенное транскрибирование, перевод полной формы.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, звукобуквенные аббревиатуры, акронимы, транскрипция, транслитерация, разъяснительный перевод, калькирование, полное заимствование, лексическая трансформация.

С развитием науки, техники и информационных технологии в мире появляются новые явления. Изначально они получают название на языке страны происхождения. При переводе на другие языки возникают вполне понятные трудности. Появляется необходимость поиска эквивалентов, которые смогли бы отражать абсолютно новые понятия и явления. «Временно безэквивалентные термины» достаточно точно отражают суть данной ситуации, т.к. указывают на причину безэквивалентности – не постоянное, а временное отставание одного из языков в формировании системы понятий в той или иной сфере деятельности.

Перевод безэквивалентной лексики С.Г. Тер-Минасова относит к основным культурно-языковым трудностям. Наличие в современных аутентичных текстах по экономике значительного количества безэквивалентной лексики препятствует адекватному пониманию англоязычного экономического текста, приводит к ошибкам и неточностям при переводе [2]. В процессе обучения студентов возникает проблема, связанная с отбором лексического материала, вызывающего трудности при переводе в силу своей безэквивалентности, и его систематизацией. Кроме того, студенты должны получить представление о таких основных способах перевода безэквивалентной лексики, как подбор русского термина или общеупотребительного слова (словосочетания) с близким значением, транскрипция, транслитерация, описательный (разъяснительный) перевод, калькирование с применением грамматических и лексических трансформаций (замена частей речи, лексическая замена).

Учащимся следует иметь представление о том, что с помощью близкого по семантике термина могут, например, быть переведены следующие термины: *provision* – резерв; *discontinuity* – прекращение деятельности; *benchmark* – стандарт, эталон.

Следует отметить, что приемы транскрипции и транслитерации могут использоваться ограниченно: с одной стороны, они требуют наличия у термина определенного звукового строя и окончания, способствующего последующему образованию падежных форм существительного; с другой – необходимо органичное включение заимствования в систему понятий соответствующей области. Примером может послужить слово *crowdfunding*, которое обозначает прямое финансирование физическими лицами проекта или предприятия. Оно не имеет русского эквивалента, т.к. данное явление стало распространяться в России не так давно, поэ-

тому подбор русского слова проблематичен, а описательный перевод представляется слишком громоздким. В данном случае в русском языке в качестве аналога следует использовать слово *краудфандинг*. С помощью данного приема можно перевести такие слова, как *outsourcing* – аутсорсинг, *endorsement* – индосмент, *leverage* – леверадж, *derivative* – дереватив.

Описательный (разъяснительный) перевод позволяет передать значение термина достаточно точно, но при этом многокомпонентное словосочетание усложняет синтаксическую структуру соответствующего предложения текста переводного языка: *listed company* – компания, акции которой продаются на фондовой бирже; *scrip issue* – выпуск бесплатных акций для распределения среди членов компании; *blue chip* – акция, опирающаяся на устойчивый курс, или акция компании, выплачивающей высокие дивиденды; *acid test* – отношение кассовой наличности и дебиторской задолженности к текущим обязательствам либо коэффициент срочной / мгновенной / быстрой ликвидности; *due diligence* – комплексная оценка деятельности, финансовая экспертиза, проверка благонадежности делового партнера.

Анализируя словарные статьи, можно встретить случаи использования двух-трех методов перевода одновременно. Приведем некоторые примеры. *Put option – опцион пут*; право владельца облигации предъявить ее к погашению досрочно; контракт, дающий покупателю право продать финансовый инструмент по оговоренной цене в течение определенного времени. *Call option – опцион колл*; условие контракта, дающее право купить определенный товар или ценные бумаги по заранее установленной цене в течение оговоренного срока. Интересно заметить, что в словарях даются два варианта: *опцион пут* и *пут опцион*, *опцион колл* и *колл опцион*. *Swap – своп*; покупка иностранной валюты в обмен на отечественную с последующим выкупом.

Особого внимания заслуживает калькирование с применением грамматических и лексических трансформаций (замена частей речи, лексическая замена). Приведем следующие примеры: *direct debit* – прямой дебит; *temporary difference* – временная разница; *identifiable assets* – идентифицируемые активы. При калькировании возможно использование грамматических трансформаций: *dilutive effect* – эффект разводнения (замена части речи: имя прилагательное – на имя существительное); *translation risk* – трансляционный риск (замена части речи: имя существительное – на имя прилагательное); *valuation allowance* – оценочный резерв (замена части речи и лексическая замена) и т.п.

Также возможны и лексические трансформации, в частности, экспликация связующих компонентов или декомпрессия одного из термино-

элементов: *customer acceptance* – приемлемость товара для покупателя; *termination income benefit* – денежное пособие, выплачиваемое по истечении срока действия договора.

Следует отметить, что многие соответствия, созданные путем калькирования, широко распространяются в переводческой практике, а затем начинают использоваться и в непереводных материалах. В результате соответствующие единицы выходят из разряда безэквивалентных, приобретая постоянные соответствия.

В современном финансовом английском языке присутствует большое количество сокращений – аббревиатур и усеченных слов. Аббревиатуры включают в себя звукобуквенные аббревиатуры (*CEO*, *CFO*, *EPS*, *IPO*, *M&A*, *P&L account*, *L/C*) и акронимы (*EBIT*, *EBITDA*, *FTSE*).

В настоящее время сокращения образуются с особой легкостью, что приводит к дополнительным трудностям, которые усугубляются еще и тем, что некоторые сокращения имеют несколько десятков зарегистрированных значений. Например, сокращение *n.p.* может иметь следующие значения: *notes payable* – векселя к оплате, *net proceeds* – чистая выручка, *nonpayment* – неуплата, *participating* – не участвующий, *national product* – национальный продукт. Кроме того, существуют незарегистрированные и неофициальные значения этих сокращений.

При переводе сокращения следует в первую очередь обращаться к словарям. Однако ни один словарь не может дать полный список сокращений, которые могут встретиться в учебных материалах. Поэтому необходимо знать основные приемы перевода сокращений. Во-первых, необходимо тщательно изучить контекст, из которого следует попытаться определить общее значение сокращения. Иногда расшифровка дается при его первом упоминании. Во-вторых, следует провести тщательный анализ структуры сокращения и расшифровать его компоненты.

Передача сокращений на русском языке может быть осуществлена следующими способами.

1. Полное заимствование английского сокращения в латинских буквах. Этот способ обычно используется при передаче номенклатурных обозначений. Например, сокращение *GAAP* (*generally accepted accounting principles* – общепринятые принципы бухучета) в русском языке может быть передано как *GAAP*.

2. Транслитерация. Например, сокращение *FTSE* (*Financial Times Stock Exchange* – индекс Лондонской фондовой биржи) на русском языке передается как *футсu*.

3. Транскрибирование. Например, сокращение *FOB* (*Free On Board* – франко борт судна – доставка груза до борта судна и погрузка), *CIF* (*Cost,*

Insuarance, Freight – стоимость, страховка, доставка) передаются на русском языке как *ФОБ* и *СИФ*.

4. Звуко-буквенное транскрибирование. Например, аббревиатура *IPO* (*Initial Public Offering* – первичное предложение акций компании для публики) передается на русском языке как *АйПиО*. *CEO* (*Chief Executive Officer* – главный исполнительный директор) в русском языке звучит как *СиИОу*.

6. Перевод полной формы. Например, *M&A* (*mergers and acquisitions*) переводится как слияния и поглощения.

7. Перевод и транскрибирование. Например, *SWIFT* (*Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications*) передается на русском языке как *Международная межбанковская электронная система платежей*, *СВИФТ*.

8. Перевод полной формы и создание на его основе русского сокращения. Например, *IOS* (*International Organization for Standardization*) переводится на русский язык как *Международная организация по стандартизации* и имеет сокращение *ИСО*.

В заключение следует отметить, что на современном этапе вопрос перевода англоязычной безэквивалентной лексики и аббревиатур в процессе обучения студентов экономических специальностей высших учебных заведений не теряет своей актуальности и требует от преподавателей систематической работы по отбору вышеуказанных лексических единиц и их систематизации. Владение основными приемами перевода безэквивалентной лексики и аббревиатур даст возможность учащимся не только избежать ошибок и неточностей при переводе с английского языка на русский, но и расширит их представление о современных реалиях стран изучаемого языка.

Библиографический список

1. Лингводидактический аспект обучения иностранным языкам с применением современных интернет технологий: Кол. монография / Герасименко Т.Л., Грубин И.В., Гулая Т.М. и др. М., 2013.
2. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: Учеб. пособие. М., 2007.
3. Oxford Dictionary of Accounting. Fourth Edition. NY, 2010.
4. Oxford Dictionary of Finance and Banking. Fourth Edition. NY, 2008.

А.И. Летин

Дидактические свойства и функции интерактивных методов обучения и воспитания в развитии поликультурных умений школьников при обучении иностранному языку

В данной статье рассмотрены диссертационные исследования последних пяти лет, связанные с процессом построения иноязычного образования на основе современных методов обучения и воспитания. Представлены преимущества обратной связи и непрерывного свободного общения.

Ключевые слова: школа, интерактивное обучение, профессиональная компетентность, современные методы обучения, современное образование.

Для того чтобы реализовать образование как единый целесообразный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [2, с. 2], необходимо обеспечить психолого-педагогическое сопровождение каждого обучающегося, а также развивать направление интерактивного обучения и воспитания детей.

Интерактивность – способность индивида действовать или находиться в режиме диалога; следовательно, интерактивное обучение – в первую очередь, диалоговое обучение, что имеет в несколько раз больше вариантов проявления, чем традиционные подходы. В последнее время многие инновации в области педагогики связаны с применением интерактивных методов обучения. Благодаря тому, что интерактивное обучение подразумевает вовлечение всех обучающихся в процесс познания, они имеют возможность понимать и реагировать на то, что они знают и думают, а в дальнейшем учитывать это в коммуникативной ситуации. В подобных условиях обучения каждый вносит свой вклад в процесс познания, что способствует созданию атмосферы доброжелательности и взаимной поддержки. Это позволяет школьнику параллельно с получением новых знаний развивать

свои коммуникативные умения: способность выслушать другого, участвовать в дискуссии, вырабатывать совместное решение, что создает условия для возникновения эмоциональных контактов между обучающимися, снимают нервное напряжение и приучают работать в команде.

Интерактивное обучение иностранному языку в основной школе предполагает отличную от обычной структуру образовательной модели образования: не от теории к практике, а от формирования нового опыта (навыка) к его теоретическому осмыслению. В то время как обучающийся делится своим знанием и опытом, он берет на себя часть обучающих функций преподавателя, что разнообразит учебный процесс и усиливает мотивацию к изучению языка.

Следовательно, можно выделить следующие дидактические свойства и функции интерактивного обучения иностранному языку:

– взаимодействие обучающихся между собой и учителем иностранного языка, что позволяет реализовывать в процессе обучения идеи коллективной мыследеятельности и взаимообучения;

– межличностное толерантное общение, где все равны и заинтересованы в самом процессе общения, что отражает коммуникативную сторону интерактивного обучения, в том числе и с помощью современных информационных технологий;

– обучение, основанное на опыте обучающихся (культурном, социальном, семейном и т.д.);

– обучение, невозможное без внутреннего диалога, способствующего обретению школьниками ценностных ориентиров, позволяющего преодолеть противоречие между потребностью обучающихся в духовном развитии и крайне несущественным вниманием к этим проблемам в процессе обучения в школе.

Из этого можно сделать вывод, что интерактивное обучение – это больше, чем метод обучения или способ, это режим, тип, форма обучения, что позволяет наладить взаимодействие во время учебного процесса, развивать особую креативную среду образовательной организации.

В настоящее время существует много диссертационных исследований, связанных с процессом построения иноязычного образования на основе современных методов обучения и воспитания (компьютерные презентации, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций).

Так, работа М.М. Петрунина связана с формированием полилингвальных лексико-грамматических навыков речи студентов при изучении языков романской группы на основе информационных технологий обучения [6].

В исследовании А.А. Истомина доказано, что средства синхронной интернет-коммуникации – это сервисы, ориентированные на обмен

информацией между участниками коммуникации в режиме реального времени [3].

Интерес представляет и работа В.В. Филоновой, посвященная развитию межкультурных умений студентов на основе кейс-метода. Автор утверждает, что кейс-метод обладает рядом дидактических свойств: в качестве материала студентам предлагается кейс (ситуация) с поставленной нерешенной проблемой; кейс имеет четкую структуру, состоящую из проблемной ситуации, вопросов и заданий для обсуждения, а также приложения с дополнительной информацией; в решении кейс-задачи может принять участие от одного до нескольких студентов одновременно; каждому студенту прописывается роль для решения конкретной задачи в рамках общей проблемы; кейсы базируются на реальном фактическом материале или же приближены к реальной ситуации; многоальтернативность решений кейса; мультимедийность кейсов позволяет максимально приблизиться к языковой и социокультурной среде страны изучаемого языка, знакомиться с культурным многообразием современного поликультурного мира [9].

Традиционно учебный диалог рассматривается как форма организации обучения, как способ работы с содержанием учебного языкового/речевого материала, как средство развития диалогового мышления и речетворческого сознания школьников [7].

Учебный диалог в иноязычном образовании рассматривается как средство формирования и развития коммуникативной компетенции школьников основного этапа; средство развития коммуникативных речевых способностей, коммуникативной инициативы, которые необходимы обучающимся в процессе их коммуникации и жизнедеятельности в условиях мегаполиса; средство изложения мыслей, чувств носителей языка иной социокультурной общности, средства владения аргументативными высказываниями; средство обеспечения адекватного национальной культуре коммуникативного поведения и применения его в повседневной коммуникативной деятельности.

В этой связи особый интерес представляет работа А.Г. Соломатиной, которая разработала методику развития умений говорения посредством учебных подкастов, которые представляют собой аудио- или видеозапись, созданную обучающимися на иностранном языке в соответствии с языковым и тематическим содержанием учебной программы и размещенную на сервере подкастов для дальнейшего использования в учебном процессе. Автор утверждает, что методические возможности социального сервиса подкастов при обучении иностранному языку заключаются в следующем: а) запись и размещение учебных подкастов обучающихся

на иностранном языке (говорение); б) прослушивание/просмотр учебных подкастов одноклассников (аудирование); в) организация сетевого обсуждения учебных подкастов на иностранном языке в зоне микро-блога или веб-форума (письменная речь, чтение); д) создание каждым учеником собственной интернет-странички с личной информацией на иностранном языке (письменная речь, чтение, говорение) [8].

Еще одна эффективная форма обучения – урок-дискуссия. Ее использование способствует вовлечению школьников в поиск истины, дает возможность открыто выражать свою позицию в отношении обсуждаемой темы, а также получить разнообразную информацию от собеседников и тем самым проверить и уточнить свои взгляды.

По мнению многих ученых, интервью как интерактивный метод в обучении представляет собой многоуровневое образование, характеризующееся актуализацией темы, относительной «простотой» синтаксического строения реплик. По мнению Е.А. Макеевой, как интерактивный метод обучения интервьюирование выполняет следующие дидактические функции: воспитательную, социально-ориентирующую, обучающую, организационно-деятельностную, развивающую, побудительно-стимулирующую, психокоррекционную, коммуникативную, рефлексивную, функцию саморазвития и самоутверждения [5].

Из этого следует, что интервью можно рассматривать как особый вид социально-педагогической деятельности, как некую школу социального формирования межнациональной культуры, толерантности, что непосредственно связано с развитием поликультурных умений школьника.

Как утверждает Ю.В. Кохендерфер, языковая мультимедийная программа – это компьютерная программа, включающая текстовые, аудио- и видеоматериалы, графические изображения и анимацию, направленная на обучение иностранному языку и культуре страны изучаемого языка. К дидактическим свойствам языковых мультимедийных программ исследователь относит следующее: мультимедийность, интерактивность, обратную связь, универсальность, многоуровневость учебных языковых материалов, автономность. Каждое из дидактических свойств обладает методической функцией, позволяющей формировать все компоненты иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся на основе языковых мультимедийных программ [4].

Д.А. Ежиков считает, что средства синхронной видео-интернет-коммуникации – это технологии, предоставляющие возможность общаться в реальном времени на базе интернет-программ, обеспечивающих видео- и аудиосвязь. Средства синхронной видео-интернет-коммуникации обладают рядом дидактических свойств и методических функций, которые

можно использовать в обучении иностранному языку. К дидактическим свойствам средств синхронной видео-интернет-коммуникации относятся: возможность организации видео- или аудиосвязи между двумя или более пользователями в реальном времени; возможность оставлять видео- или аудиоразговоры, которые впоследствии можно отправить другим пользователям; возможность оставлять сообщения в чате в реальном времени (до 6 человек одновременно) и оффлайн; возможность транслировать работу с рабочего стола [1].

Следует особо выделить игровые технологии обучения и воспитания. Ролевая игра дает возможность представить себя в различных ситуациях, смоделировать свое поведение в зависимости от взятой на себя роли. Каждая игра организуется под эгидой определенной темы. Ученики проигрывают некоторые модели поведения, пытаясь понять, какие из вариантов наиболее приемлемы в реальной жизни. У детей формируется умение вести переговоры, принимать самостоятельные решения. Ученики сами определяют модель своего поведения в игре. Особый интерес для развития поликультурных умений представляют арт-технологии: музыка, театр, живопись, архитектура и другие виды и формы искусства, через которые развиваются поликультурные умения и знания о культуре страны, где происходит действо.

Одним из самых эффективных методов обучения иностранному языку и культуре, позволяющих изучать также и родную культуру, является контрастно-сопоставительный метод. Особое внимание следует уделять реалиям, которые не совпадают в различных культурах или которых вообще не существует в одной из культур. Например, при изучении темы «Лондон (London)», следует вспомнить про левостороннее движение, двухэтажные автобусы красного цвета и такси черного цвета. Говоря о России, следует рассказать про маршрутки (*minibuses*), которых нет в Британии. В случае с Испанией следует упомянуть сиесту (*siesta*) – послеобеденный перерыв на сон, немыслимый в условиях бизнеса таких стран, как Россия или Великобритания.

Мы используем различные активные формы уроков, но особенно эффективными являются уроки-праздники с использованием технологии диалога культур. На уроках мы изучаем как праздники народов англоговорящих стран, так и русские народные праздники (Рождество, Пасха, Масленица), калмыцкие – Цаган-Сар, Зул, знакомим ребят с мусульманскими праздниками Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, еврейскими – Рошха-шана, Ханука. При проведении уроков-праздников особое внимание уделяется сопоставлению культурных традиций народов различных стран, подчеркивается, что праздники – это дань уважения своими близ-

ким, своей стране, своим религиозным и культурным традициям, что сложившиеся веками обряды и ритуалы подчеркивают ценность человека и уважительное отношение к нему. Все это способствует улучшению морально-психологической обстановки, приобщению детей к национальной и мировой культуре, общению, дружбе, сближает учащихся, мобилизует их творческие возможности.

Таким образом, интерактивный подход в обучении основан на эффективной обратной связи, непрерывном открытом и свободном общении. Интерактивное обучение – это «обучение, погруженное в общение».

Такой подход в обучении позволяет решать следующие образовательные задачи: содействие более глубокому пониманию учебных материалов; развитие навыков комплексного решения проблем; содействие установлению диалога или полилога всех участников учебного процесса; развитие навыков групповой работы по принятию согласованного решения (от восприятия через навыки общения, конструктивные дискуссии, ролевые игры, имитационные игры к жизненной практике).

Библиографический список

1. Ежиков Д.А. Методика развития речевых умений студентов на основе средств синхронной видео-интернет-коммуникации (английский язык, неязыковой вуз): Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2013.
2. Закон «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ. URL: http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/2/ (дата обращения: 19.03.2014).
3. Истомин А.А. Методика обучения студентов устному и письменному диалогическому взаимодействию средствами синхронной интернет-коммуникации (англ. язык, неязыковой вуз): Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2013.
4. Кохендерфер Ю.В. Методика формирования иноязычной коммуникативной компетенции учащихся на основе языковых мультимедийных программ (основная и старшая школа, немецкий язык): Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2013.
5. Макеева Е.А. Интервьюирование как средство обучения диалоговому общению журналистов на основе коммуникативно-компетентностного похода (немецкий язык, неязыковой вуз): Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2011.
6. Петрунин М.М. Методика формирования полилингвальных лексико-грамматических навыков речи студентов при изучении языков романской группы (на материале франц., итал., исп. и португ.): Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2013.
7. Подымова Л.С., Сергеева В.П., Сороковых Г.В. Интерактивные методы обучения и воспитания в системе общего, среднего и высшего профессионального образования: Учебно-методическое пособие. М., 2011.
8. Соломатина А.Г. Методика развития говорения и аудирования учащихся посредством учебных подкастов (англ. язык, базовый уровень): Автореф. дис. … канд. пед. наук.

9. Филонова В.В. Методика развития межкультурных умений студентов на основе кейс-метода (английский язык, направление подготовки «Лингвистика»): Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2013.

Н.А. Трофимова

Методика формирования навыков интерпретации художественного текста у студентов-бакалавров

Данная статья имеет цель показать методические приемы формирования у студентов-бакалавров навыков зрелого аналитического чтения, стилистического анализа и интерпретации художественного текста, а также креативного мышления в целом.

Ключевые слова: дотекстовый этап, текстовый этап, послетекстовый этап, анализ внетекстовых факторов, интерпретация текста, сюжет, время и место действия, главные и второстепенные герои, выразительные средства и приемы, определение авторского посыла и главной идеи, навык анализа текста.

Под текстом в данной работе мы понимаем фрагменты произведений британской и американской литературы, а также короткие рассказы, повести, пьесы и стихи. Художественный текст, предлагаемый на занятиях по интерпретации текста, должен быть целостным, многоплановым по своему идейно-эмоциональному содержанию, а также являться источником лингвокультуроведческой информации.

Одной из целей обсуждения прочитанного на занятиях является развитие у обучающихся навыка «просвещенного» читателя, способного синтезировать и анализировать прочитанное, предвосхищать дальнейшие события и распознавать символы, помогающие ему понять замысел автора. Для обеспечения эффективного чтения существуют три этапа чтения текста: pre-reading, while-reading, post-reading.

I. *Pre-reading.* Задания предварительного этапа преследуют несколько целей: во-первых, дать понять читателю, о чем он будет читать и как понимание этого поможет ему воспринять текст; во-вторых, стимулировать обучаемых к чтению и помочь им снять языковые трудности во время предстоящей работы с текстом, оценить проблематику, содержа-

ние текста по заголовку, картинке, новым словам, информации об авторе, прочтению первого абзаца, набору ключевых слов из текста, прочтению финала, предугадывая начало; прочтению середины текста, предугадывая начало и конец повествования. На этом этапе возможны следующие задания: *Looking at the title and predicting how the text begins; Scanning for key facts, e.g. people, dates, events; Writing questions students expect the text to provide answers to.*

1. Рассмотрим задание «Titles and Genres»: студенты в парах просматривают пять книг, обращая внимание на заголовки, иллюстрации, названия глав и аннотацию для определения жанра, темы книги и др. После этого студенты образуют новые группы по три человека в каждой группе и, по очереди, описывают книги, которые они только что просматривали (без называния самой книги!), в то время как их партнеры пытаются догадаться, о какой книге идет речь.

2. В другом задании «Blurb and Title Match» студенты снова работают в парах: партнер А и партнер В получают различные наборы аннотаций, взятых из книг, вместе со списком названий этих же книг. В то время как партнер А читает вслух текст с аннотацией, партнер В ищет соответствующее название книги. После этого партнер В читает следующую аннотацию к книге партнеру А и т.д. Следует отметить, что, с одной стороны, обучающиеся тренируют навык аудирования, с другой – имеют возможность подобрать интересующие их книги для индивидуального чтения.

3. Также важно продемонстрировать обучающимся необходимость анализа внетекстовых факторов, в том числе, учета фактов биографии писателя, что способствует более глубокому пониманию содержания романа. Поэтому на предтекстовом этапе, перед тем, как приступить непосредственно к работе с текстом, преподаватель просит сделать презентацию о своем любимом писателе, включая не только факты его биографии, но и наиболее значимые публикации, выдержки и цитаты из его работ с коротким комментарием.

II. *While-reading.* На текстовом этапе в процессе чтения студенты выполняют следующие задания:

1) *making predictions*: обучающиеся учатся предвосхищать дальнейшее развитие повествования, чтобы интегрировать и связать то, что уже произошло;

2) *integrating prior knowledge*: догадки, высказанные на предтекстовом этапе, должны быть призваны для облегчения понимания;

3) *skipping insignificant parts*: «просвещенный» читатель концентрируется на важных элементах информации, опуская незначительные;

4) *making use of context or guessing*: не следует просить обучающихся переводить каждое неизвестное слово в тексте; вместо этого они должны научиться догадываться о значениях незнакомых слов, используя контекст;

5) *breaking words into their component parts*: для лучшего восприятия текста «просвещенные» читатели способны разбивать слова на аффиксы и основы, чтобы догадаться о значении слова;

6) *reading in chunks:* для повышения скорости чтения «просвещенные» читатели должны привыкнуть к чтению целых групп слов; это задание позволит повысить уровень понимания, сосредоточив внимание студентов на группах символов, передающих определенный смысл одновременно;

7) *pausing*: в процессе чтения «просвещенные» читатели останавливаются в определенных местах, чтобы усвоить прочитанное и связать полученные факты между собой;

8) *paraphrasing*: для осмысления прочитанного может потребоваться пересказ и интерпретирование текста [1].

III. *Post-reading.* Задания третьего этапа всегда зависят от цели чтения и типа информации, извлекаемой из текста. Упражнения на послетекстовом этапе, во-первых, способствуют проверке у студентов-бакалавров понимания прочитанного и, во-вторых, формируют у учащихся навык анализа текста, т.е. обучают выявлению ключевых аспектов интерпретации текста, таких как сюжет, время и место действия, главные и второстепенные герои, выразительные средства и стилистические приемы, а также определению авторского посыла, главной идеи. Учащимся предлагаются задания, основанные на отрывках произведений различных авторов, параллельно выделяются полезные фразы и выражения, которыми студенты могут пользоваться при составлении собственного анализа произведений. Групповая дискуссия помогает студентам обсудить и выявить пробелы в понимании прочитанного. Так, существуют следующие виды заданий: *discussions about the text; summarizing texts; reviewing texts; using a 'follow-up' speaking task related to the topic; looking at the language of the text (e.g. collocations); stylistic analysis of the text.*

Ч. Верстер предполагает, что задания на послетекстовом этапе можно разделить на две группы: упражнения по восстановлению хода событий в тексте и анализу прочитанного [2].

1. *Reconstruction activities.* Этот вид заданий требует от обучающихся реконструировать текст или диаграмму путем заполнения пропущенных слов, фраз или предложений и т.д. Тексты, которые могут быть использованы для данного вида работы, можно модифицировать, т.е. преподаватель изменяет исходный текст, удаляя из него слова, фразы

или предложения, или делит текст на фрагменты. Различными видами заданий могут быть: *text completion (Fill in missing words, phrases or sentences); sequencing (Arrange jumbled segments of text in a logical or time sequence);grouping (Group segments of text according to categories); table completion (Fill in the cells of a table that has row and column headings, or provide row and column headings where cells have already been filled in); diagram completion (Complete an unfinished diagram or label a finished diagram); prediction activities (Write the next step or stage of a text, or end the text).*

2. *Analysis activities.* Этот вид заданий требует от учащихся извлекать и классифицировать информацию, работая либо непосредственно с текстом, либо с диаграммой. Тексты, которые могут быть использованы для данного вида работы, изменять нельзя. Можно предложить следующие виды заданий: *text marking (Find and underline parts of the text that have a particular meaning or contain particular information); text segmenting and labelling (Break the text into meaningful chunks and label each chunk); table construction (Draw a table. Use the information in the text to decide on row and column headings and to fill in the cells); diagram construction (Construct a diagram that explains the meaning of the text. For example, draw a flow chart for a text that explains a process, or a branch diagram for a text that describes how something is classified); questioning (Answer the teacher's questions or develop questions about the text); summarizing* и др.

Все задания, предлагаемые на трех этапах работы с текстом (pre-reading, while-reading, post-reading) применяются для повышения эффективности чтения на иностранном языке. В целом занятия по интерпретации текста способствуют формированию навыков анализа и толкования литературного художественного текста и развитию творческих речевых умений, т.е. становлению «просвещенного» читателя.

Библиографический список

1. Vaezi S. Theories of reading 2 // Teaching English. URL: http://www.teachingenglish.org.uk/article/theories-reading-2 (дата обращения: 22.03.2014).
2. Verster C. Interacting with texts – Directed activities related to texts (DARTs) // Teaching English. URL: http://www.teachingenglish.org.uk/article/interacting-texts-directed-activities-related-texts-darts (дата обращения: 22.03.2014).

Балкова Лариса Вячеславовна – кандидат филологических наук; доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: lvbalkova@yandex.ru.

Воителева Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный открытый университет. E-mail: izdat_mgopu@mail.ru.

Герасименко Татьяна Леонидовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). E-mail: tgerasimenko@mesi.ru.

Гращенков Павел Валерьевич – кандидат филологических наук; научный сотрудник отдела языков, Институт востоковедения РАН. E-mail: pavel.gra@gmail.com.

Гулая Татьяна Михайловна – доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). E-mail: tmgulaya@mesi.ru.

Дорохина Мария Николаевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранного языка МГГУ им. Шолохова; старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт». E-mail: do.mary@mail.ru.

Дубова Марина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. E-mail: dubovama@rambler.ru.

Занозина Влада Вадимовна – аспирант кафедры иностранных языков Московской гуманитарно-технической академии. E-mail: Daffodil22@yandex.ru.

Зенина Людмила Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры иностранных языков, Московский государствен-

ный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). E-mail: lzenina@mesi.ru.

Киракосян Марина Бабкеновна – аспирант кафедры перевода и переводоведения МГГУ им. М.А. Шолохова; юрист, ООО «Профиль-Сервис», г. Москва. E-mail: m8249525@yahoo.pt.

Лебедев Иван Владимирович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: vaanya@yandex.ru.

Летин Александр Игоревич – аспирант кафедры педагогики и иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: walterdolnezz@gmail.com.

Ли Чуньли – аспирант кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета. E-mail: lichunxiao@mail.ru.

Манучарян Рубен Степанович – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: Manucharyan7@gmail.com.

Романова Светлана Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). E-mail: saromanova@mesi.ru.

Сидельцев Андрей Владимирович – кандидат филологических наук; заведующий сектором анатолийских и кельтских языков, Институт языкознания РАН; ведущий научный сотрудник, НОЦ «Институт современных лингвистических исследований» МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: cidelcev@rambler.ru.

Строганова Ирина Александровна – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской и зарубежной литературы, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arina-903@mail.ru.

Трофимова Наталия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры педагогики и иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: trofnatanat@gmail.com.

Туркулец Иван Алексеевич – аспирант кафедры русского языка МГГУ им. Шолохова. E-mail: march-wolf@mail.ru.

Чернова Любовь Афанасьевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. E-mail: 13937@mail.ru.

L. Balkova

Language as a special means of reflection and cognition of time and space determination

The article deals with the notion of time and space determination in its physic and grammatical characteristic and the ways of their reflection in language in the process of creating the universal types of grammatical models.

Key words: time, space, determination, language, reflection, physic and grammatical characteristic.

T. Gerasimenko, T. Gulaya, L. Zenina, S. Romanova

Translation peculiarities of abbreviations and words with no direct equivalents in business English

The article is devoted to the translation peculiarities of abbreviations and words with no direct equivalents in Business English in the process of teaching students of higher educational institutions. The article contains examples illustrating such methods of translation as transcription, transliteration, explanatory translation, loan translation, selecting Russian terms. Such ways of translation of abbreviations as total borrowing, transliteration, letter-to-sound transcription, translation of the full form are also described.

Key words: words with no direct equivalents, letter-to-sound abbreviations, acronyms, transcription, transliteration, explanatory translation, loan translation, total borrowing, lexical transformation.

P. Grashchenkov

On the evolution of non-finite forms

The paper deals with the stages in the evolution of gerunds. Russian and English are enjoy more detailed treatment, other languages such as Turkic, Ossetic etc., are mentioned as well. Having investigated gerund development in different languages, we claim that gerunds had different grammatical forms

as their source and followed different scenarios in general. In spite of this fact, properties of gerunds as a typologically persistent category let us conclude that non-finiteness is a universal phenomenon and different non-finite forms are very close to each other.

Key words: gerund, non-finiteness, PRO, language change, typology, Russian, English.

M. Dorokhina

To the issue of the category of limitation

The article deals with the evolution of terminus relations in the verbal system in different historical periods of English: Old, Middle and Early Modern English. The author investigates how the category of limitation is realized at different levels: semantic, lexical and lexico-grammatical. Special attention is paid to the functioning of prefixes and postpositions, which are considered to be lexico-grammatical indicators of the category of limitation.

Key words: terminus, lexico-grammatical category, postpositions, positive charge, negative charge, spatial-temporal relations, adverbials.

M. Dubova, L. Chernova

Dialog as a Means to Implement «Civilization – Human» Opposition (based on the novel «Moloch» by A.I. Kuprin)

Based on the dialogs between Andrey Ilyich Bobrov, the main character of Kuprin's novel «Moloch», and Dr. Goldberg, the influence of civilization benefits on the main character's mind and consciousness is revealed, as well as on his life perception and attitude and relationship with the surrounding people. The object of the study are language means which arrange conversational phrases said by the participants of dialogs, thus playing a significant role in the implementation of conceptual and artistic content of the novel.

Key words: dialog, lexico-semantic aspect, stylistic role, language behavior, cultureme «civilization – human», engineer Bobrov, doctor Goldberg, image of a stranger, Moloch.

M. Kirakosyan

Linguistic aspects of composition of judicial speech

The article is devoted to the challenging problem of composition of judicial speech. The author draws attention to the differences of judicial speech of

Russian and foreign lawyers. The article presents peculiarities of language means of judicial speech.

Key words: language of professional activity, judicial speech, composition, linguistic structure, neologization, means of language.

I. Lebedev

The Fantasy Genre and Adventure Fiction

The article is devoted to the origin of fantasy genre. The author analyzes fantasy genre features and makes an assumption about the similarity of fantasy genre and adventure literature.

Key words: fantasy, adventure fiction, adventure genres, science fiction, detective fiction, adventure historical novels, fictional universe, secondary world, unoriginality, transcendental communication, role playing nature, ethical contrast, escapism.

A. Letin

Didactic properties and functions of interactive methods of education and upbringing in the development of pupil's skills in the course of learning a foreign language

The article presents analysis of dissertation studies of the last 5 years, connected with approaches based on modern methods of education and upbringing. The article shows advantages of feedback and free communication in education.

Key words: school, interactive education, professional competence, modern methods of education, innovations, modern education.

Li Chunli

Interlingual phraseological units describing character in the Russian and Chinese languages

Interlingual equivalence of phraseological units of the Russian and Chinese languages is developed on the basis of similarities and differences of lexical (component) composition, grammar patterns and images of phraseological units of the Russian and Chinese languages.

Key words: interlingual phraseological equivalents, full equivalents, partial equivalents, equivalence of phraseology, cultural-national identity of idioms, Russian and Chinese interlingual phraseological units.

R. Manucharyan

Compound adjectives in M. Sholokhov's works

Based on The Dictionary of M. Sholokhov's Literary Language and the contextual background, author-invented compound adjectives are analyzed in quantitative, structural and semantic aspects; their language and lexicographic status is defined.

Key words: compound adjectives, author-invented words, potential words, lexicography, adjectives in Sholokhov's language.

A. Sideltsev

Verb Adjacent Focus in Hittite

The subject of the paper is dedicated focus positions in Hittite. Hittite violates the generalization of Büring (2009) that a language should attest two linear focus positions: the verb adjacent focus position is expected to be preverbal in a SOV language and postverbal in a SVO language. Although Hittite is a SOV language (with rigid word order), it attests both preverbal and postverbal dedicated focus positions. The paper considers both positions. Whereas the preverbal focus position is a standard focus position, the postverbal focus position shows non-trivial peculiarities: it is occupied not only by focused negations and adjuncts, but also by any constituent from the immediately preverbal position, in many cases without any information structure difference. Hence the conclusion is made that the postverbal focus position for Hittite is a very recent innovation, not completely grammaticalized.

Key words: Hittite, information structure, focus, topic, preverbal and postverbal dedicated focus positions.

I. Stroganova

Synthesis of genre form in I.S. Shmelev's novel «Way of Heaven»

The article is devoted to the final novel by I.S. Shmelev «Way of Heaven» in the aspect of its genre. The genre of the novel form synthesizes features of life, diary, confession, preaching and sermon. In addition to the hagiographical literature classic the writer used the novel line and created a new genre in exile-«spiritual novel» which was the innovation of the author of the book. Researchers of I.S. Shmelev's works, his contemporaries as well, ambiguously accepted the final product of the writer and noted some inconsistency in the writer's use of various elements of genre forms.

Key words: art form, genre synthesis, stylistic synthesis, «spiritual novel», the Orthodox worldview, I.S. Shmelev's novel «Way of Heaven».

N. Trofimova

The methods of developing of bachelor's text interpretation skills

Classroom activities encourage interaction with texts. There are three stages (pre-reading, while-reading and post-reading) that can be used to enhance reading comprehension. Reading can also be integrated into other skills work to improve students' writing or speaking abilities; hence, text interpretation skills. Organizing a good reading programme will motivate students to read for pleasure and become better readers.

Key words: pre-reading, while-reading, post-reading, extratextual factors, scanning, making predictions, reconstruction activities, analysis activities, plot, setting, message.

I. Turkulets

Representation of the social and gender relations in the language of artistic texts by M.A. Sholokhov: on the example of *–muzh–* and *–zhen–* roots lexems

The article presents an ethno-linguistic research of native speakers of Don dialects on the basis of lexemes with roots *masculine*, *feminine*, *wife*.

Key words: ethno-linguistic research of texts by M. Sholokhov, M. Sholokhov's language, Don dialects.

M. Voiteleva

Culture-oriented approach to teaching the Russian language as a way of formation of school students' value orientations

The article reviews the learning goals and contents that are stated in the Federal State Educational Standard which contribute to the formation of cultural competence at the lessons of the Russian language and the formation of learners' value orientations.

Key words: culture-oriented approach, culture-oriented aspect, culture competence, students' value orientations, language as a main part of culture, language picture of the world, linguistic personality, culture-oriented text.

V. Zanozina

Sports Commentary as an Element of Communication Act

The article views the analysis of sports commentary as an element of communication in the light of rapidly developing Internet opportunities. It is focused on peculiarities of communication and its constituents as well as on the patterns of communication which help to give characteristics and description of sports commentary as a kind of communication process which takes place between a sports commentator and the audience. The communication theory of M.Y. Blokh was taken as a basis for the analysis of sports commentary.

Key words: imagelistener, implication, communication patterns, postsupposition, presupposition, supposition.

Издание подготовили к печати сотрудники редакционно-издательского центра
Редакторы – *А. А. Козаренко, Т.Н. Наумова*
Корректор – *А.А. Алексеева*
Обложка, макет *М.В. Кантакузен*
Компьютерная верстка *М. А. Трушкина*

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2014.3

Электронная версия журнала: www.mgopu.ru

Сдано в набор 10.09.2014 г.
Подписано в печать 12.09.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.